

Александр Синамати

Сетевик его Величества

Фантастико-приключенческий роман

Оглавление

[Глава 1](#).....5

[Глава 2](#).....28

[Глава 3](#).....46

[Глава 4](#).....55

[Глава 5](#).....64

[Глава 6](#).....72

[Глава 7](#).....80

[Глава 8](#).....88

[Глава 9](#).....96

[Глава 10](#).....105

От автора: в детстве одной из моих любимых книг была «Три Мушкетера» Александра Дюма. А когда я повзрослел, то начал сам писать книжки – про сетевой маркетинг. И как то раз задумался – а что было бы, если бы во времена мушкетеров во Франции существовал сетевой маркетинг? И я решил написать приключенческий роман, героями которого сделал наших современников, двух молодых людей, которые на машине времени отправились в 17 век и создали в средневековой Франции сетевую компанию, и «подписали» королевских мушкетеров – Д`Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса.

К настоящему моменту я написал 10 глав романа. Сюжет только начинает разворачиваться, и я обращаюсь к читателям: если у вас будут идеи о том, как развивать сюжет дальше, поделитесь со мной. Давайте писать эту книгу вместе – получится интересно. Жду ваших писем и идей, пишите на sinamati@mail.ru

История – это происшедший в действительности роман, а роман – это история, которая могла бы в действительности произойти.

А. Дюма

Глава 1

Сирень в парке пахла так одуряющее, что хотелось вскочить и бежать, причем сразу во все стороны одновременно. Не знаю, на всех ли так действует майская сирень, – а у меня так просто крыша едет. Как говорит Семеныч: «играй, мой гормон». А чего ему не играть, в двадцать-то лет, самое время.

Я поерзал на скамейке, отглотнул еще немного пива из запотевшей бутылочки и попытался сосредоточиться на толстенной книге «Сетевой маркетинг» – завтра мне предстояло проводить занятие на школе начинающих консультантов. Я, правда, всячески пытался отвертеться от этой нагрузки, но Катя меня попросила, а когда она меня о чем-то просит, то отказать я ей не могу. А надо, наверно, хоть иногда.

Я отложил книгу и задумался о наших с Катей отношениях. Сложные они у нас были и непонятные, и тянулись аж с первого класса, с тех пор как я треснул Катю букварем по голове за то, что она не дала мне свой ластик. Все последующие годы я отгонял от Кати любого, кто хоть как-то претендовал на ее внимание, и в школе желающих поухаживать за ней не было. Вообще мы с ней составляли классическую пару «отличница и хулиган». Катя после обычной школы ходила еще и в музыкальную, а я встречал ее после занятий, небрежно помахивая боксерскими перчатками. В школе я был троечником, учиться мне было скучно; я, правда, много читал, но как-то бессистемно, и на моей успеваемости это не отражалось. «Неглупый, но ленивый» – таким был ярлык, с которым я окончил школу.

Вот чем я мог похвастаться, так это внешностью, которой меня щедро наградили родители и природа – был я высок и широкоплеч, да к тому же на трех аккордах своей гитары брэнчал задушевные песни про любовь. Этих достоинств вполне хватило бы любой девчонке – но не Кате, которая не раз иронично заявляла, что ее в мужчине привлекают не размеры, а ум и самодостаточность. Ну, тут, я думаю, она немного лукавила – наверняка ей доставляло удовольствие наблюдать, как ее подружки млели при виде меня.

Катя же была не только красива, но еще вдобавок к этому умна и талантлива, и это меня слегка напрягало. Во-первых, надо было соответствовать, что не всегда получалось. А во-вторых, иногда хочется просто покровительственно погладить любимую девушку по голове и сказать ей что-нибудь типа «ах ты, глупенькая моя». Однако с Катей такого шанса я не получал еще ни разу, а вот поводов сказать себе «ну и кретин же ты» у меня было огромное количество.

После школы Катя поступила в институт, а я отправился в единственное место, куда принимали без экзаменов, то есть в армию. Дембельнулся я полгода назад и долго болтался

без дела: никак не мог решить, чем же мне заняться, – профессии не было, особых знаний и умений тоже, а хотелось всего и сразу – и красивую машину, и много денег, и летом поехать за границу отдохнуть. К идее Кати пойти работать в ее сетевую компанию я отнесся пренебрежительно – считал, что не мужское это дело баночки продавать, но контракт подписал, честно говоря, по одной причине – чтобы был повод почаще с ней видаться. Начал я бодро – пригласил нескольких своих знакомых, провел с десяток презентаций, а потом как-то потерял интерес. Время от времени у меня появлялись новые консультанты, и благодаря их усилиям сеть моя потихонечку увеличивалась, но большого энтузиазма и мотивации развивать бизнес у меня не было – сам не знаю, почему. Бонуса, который я получал в компании, хватало на жизнь, но не более того. Катя же была, как все в один голос признавали, прирожденным сетевиком, причем во втором поколении. Ее мать – обладательница высокого ранга в нашей компании, сетевым бизнесом занималась уже лет десять, и Катя, можно сказать, выросла на презентациях. Поэтому для нее вопроса «кем быть» даже не стояло. Контракт она подписала в шестнадцать лет, а к двадцати у нее уже была своя молодежная «веточка» немалых размеров и зарабатывала она раз в десять больше меня. Что тоже не способствовало гармонии наших отношений. А отношения, как я уже говорил, были неровные: мы ссорились по пустякам, могли разругаться в пух и прах и неделями не встречаться, а потом вдруг встречались и неделями не могли расстаться – закономерности во всем этом не было никакой.

Я посмотрел на часы и потянулся в карман за мобильником, чтобы позвонить Кате, и в этот момент увидел ее в конце аллеи. Я ревниво покосился по сторонам: так и есть, сидевшие на лавочках мужики как по команде задвигали шеями, провожая Катю взглядами. И в каждом взгляде читалось явно не желание сходить с ней в консерваторию. Хотя, с другой стороны, если бы на нее никто не обращал внимания, то и я, наверное, не обратил бы. А обратить было на что: походка у Катьки была такая, что гормоны внутри меня пришли в неопишное волнение и запрыгали, отталкивая друг друга, – пришлось залить их пивом и только тогда они притихли. Или захлебнулись.

– Привет, заждался? – поцеловала меня Катя. – Извини, раньше не могла – вопросов столько после презентации задавали, еле вырвалась. Кстати, всем объявила, что завтра на школе интересное занятие будет. Ты готов? – кивнула она на книжку «Сетевой маркетинг».

– Да так, – неопределенно помотал я головой, – расскажу что-нибудь.

– Что-нибудь не надо, – нахмурилась Катя, – нужно, чтобы было интересно. Чтобы люди ушли замотивированные.

– Да они и так у тебя замотивированные по самые уши, – сказал я.

– Да, все кроме тебя. Я сегодня твою распечатку посмотрела – результаты не впечатляют, – иронично заметила Катя.

– Знаешь, Кать, – тоже начал заводиться я, – хватит меня воспитывать. Ты в чем-то, конечно, права, но только не строй из себя великого сетевого. Да, есть у тебя структура, но давай начистоту – ты не с нуля начинала, у тебя уже был и опыт твоих родителей, и готовые школы, и в качестве аргумента ты новичкам показывала чек своей мамы, помнишь?

– Ну, а что я должна была, отказываться? – рассердилась Катя. – К чему ты это все говоришь?

– Я это к тому говорю, – набрал я воздуха в предчувствии неминуемой ссоры, – что неизвестно, что бы у тебя получилось, если бы ты, как и я, начинала с нуля.

– Да? – поразились Катя, – а сколько у нас людей, которые не имели ни малейшего представления о нашем бизнесе и добились высоких чеков, ты что говоришь-то?

– Все равно, – уперся я, понимая, что несу чушь, но все-таки продолжая ее нести, – может, мне просто неинтересно этим бизнесом сейчас заниматься – уже все известно, что и как делать, сотни книг написаны, десятки сетевых компаний работают. Мотивации нет. А вот если вообще с нуля начать, в таком месте, где нет ни одной сетевой компании и никто не знает, что такое сетевой маркетинг? Вот в такое время «подняться» – это заслуга, а сейчас – ерунда.

– Да, – иронично подхватила Катя, – самое крутое знаешь что – в древнем Риме структуру создать из патрициев или на каком-нибудь острове Мхуту-Бхуту, среди людоедов.

– А что, – продолжил я, – там очень интересный маркетинг-план можно предложить – с компрессией: если консультант в течение трех месяцев не выполняет личного объема закупок, то спонсор его съедает и нижестоящая структура переходит к нему. Точно, надо изобрести машину времени и отправиться куда-нибудь в далекое прошлое.

– Вот когда изобретешь, тогда и будем думать, как строить структуру в далеком прошлом. А в настоящем ты даже на директора еще не квалифицировался, – подколола Катя. – Только и умеешь болтать языком. И то не по делу – занятия на школах в твоей структуре слабые, народ скучает. Вот ты бы там свое красноречие-то и применил.

– Кать, чего ты разошлась-то? – попытался я спасти вечер. – Оглянись кругом – погода теплая, пиво холодное, сирень цветет, вечер свободный, а ты про какие-то занятия. Прекращай.

– Просто терпеть не могу, когда мужчина треплется, – не прекратила Катя. – Кстати, про сирень. С цветами придти на свидание к девушке у тебя тоже мотивации нет?

– А вот это уже называется «перевести стрелки», – отвернулся я. (Черт, ведь хотел же я сирени нарвать. А вместо этого купил пиво).

Мы продолжили прогулку в полном молчании. Все мои дальнейшие неуклюжие попытки наладить отношения – чмокнуть в носик, купить мороженое и так далее, Катя по очереди отвергала.

– Обиделась что ли? – задал я, наконец, идиотский вопрос.

– Нет, – последовал холодный ответ.

– Вижу, что обиделась, – настаивал я.

– Ну, раз видишь, зачем спрашивать?

Дойдя до метро, Катя повернулась ко мне.

– Поеду-ка я домой, пожалуй, – сказала она, – устала на презентации.

– Мы же в кино собрались, – напомнил я. – А потом ко мне можно, мать на дачу уехала, так что...

– Что-то настроения нет, – холодно сказала Катя, – да и тебе надо подготовиться, – кивнула она на «Сетевой маркетинг» у меня в пакете. – Завтра в пять твоя лекция – не опаздывай.

* * *

Я, конечно, расстроился – не так мне представлялась наша встреча, но ничего не поделаешь. Я не спеша пошел по улице в раздумьях – проблему свободного вечера надо было как-то решать. Достал мобильник и пробежался по телефонной книге – знакомых много, а желания кого-нибудь услышать и увидеть – ни малейшего. Тем более мой небогатый жизненный опыт подсказывал нехитрую закономерность: если вечер не задался с самого начала, бесполезно что-нибудь предпринимать – только хуже будет. Так, а это чей телефон? Ага, Семеныча. Вот с кем придется провести этот сиреневый вечер – тем более что контора, в которой он работал, была как раз недалеко, через пару кварталов. Я купил в ларьке еще пива и ускорил шаг.

Виктор Семенович Плюхин был моим консультантом первого поколения. Мужик – уникальный, я таких раньше не встречал и вряд ли когда-нибудь встречу. Возраст – хорошо под пятьдесят, рост – полтора метра в прыжке, на затылке лысина, во рту зубов шесть-семь, не больше. При этом имеет такой бешеный успех у женщин, который мне – обладателю накаченных плеч и фигуры под два метра – даже и не снился. Хорошо еще, что мы с ним не конкурируем – наши «целевые аудитории» находятся в разных возрастных группах, Семеныч специализируется на тех, «кому за...».

Познакомились мы с ним очень интересно – в кожно-венерологическом диспансере, я брал справку для шоферской комиссии и на выходе столкнулся с Семенычем, который, весело мурлыкая себе под нос, с удовлетворением рассматривал какие-то бумаги – как позже выяснилось, результаты анализов.

– Запомните, молодой человек, – обратился ко мне Семеныч, покачав перед носом указательным пальцем, – ваши связи должны быть надежными, это избавит вас от многих неприятностей.

Слово за слово – мы разговорились. Я как раз осваивал технику работы на холодных контактах и, пользуясь случаем, рассказал своему новому знакомому, чем занимаюсь, а затем предложил присоединиться. Семеныч покривился – видно было, что своей презентацией я его не возбудил. И тогда меня осенило – учитывая место нашего знакомства, я выдал железный аргумент:

– У вас, Виктор Семеныч, – сказал я, – есть уникальная возможность за короткое время создать свою организацию, состоящую из многих сотен человек, причем большинство из которых – женщины.

– А вот с этого места поподробнее, – оживился Семеныч.

Я отвез Плюхина в наш офис и познакомил с нашими консультантами. Семеныч зажуужал, как шмель в Ботаническом саду, и через полчаса уже подписывал контракт.

Честно говоря, сперва я не очень-то рассчитывал на Плюхина как на дистрибьютора – как-то не соответствовал он образу успешного сетевого. Кроме того, мне поначалу было не очень удобно с ним общаться, все-таки у нас была солидная разница в возрасте – он мне в отцы годился. Это потом уже мы перешли на «ты». Я, конечно, пригласил его на школу для начинающих консультантов, Семеныч из вежливости сходил пару раз, позевал откровенно, а на мои призывы посетить тренинг общения туманно выразился в том смысле, что не гоже сыну обучать отца методике производства детей. А через месяц я получил распечатку своей структуры и ахнул – только личная группа Семеныча насчитывала 24 человека – и все, естественно, женщины. Семеныч, оказалось, развил дикую активность, проводил встречи, презентации и учебы, короче, дело двигалось. Я, правда, выполняя свои спонсорские обязанности, не оставлял попытки научить чему-нибудь Семеныча и как-то посоветовал ему собрать всех консультантов личной группы, чтобы они пообщались друг с другом.

– Это очень мотивирующее мероприятие, – важно сказал я, подражая нашему верхнему спонсору, Севе Марчуку, – ведь ваши консультанты должны видеть и чувствовать, что они в этом бизнесе не одни, должны ощущать поддержку друг друга и своего спонсора.

Семеныч снисходительно посмотрел на меня как на юного дауна.

– Леха, да нельзя их всех вместе собирать, – объяснил он. – Ты что, там три мои супружницы бывшие, не считая других легких увлечений, – прикинь, если они встретятся и окажут поддержку друг другу? Да мне потом такой бонус вставят в одно место – мама не горюй. Не,

я сторонник индивидуального обучения.

Я решил оставить его в покое и не резать своими дурацкими советами золотую курицу – благодаря Семенычу я здорово поднялся в маркетинг-плане. Катя Семеныча недолюбливала и считала его бабником, использующим сетевой маркетинг для удовлетворения своего нездорового влечения к прекрасному полу; он же, напротив, относился к ней с крайним почтением и деликатно отстаивал правильность своего метода работы, ссылаясь на Катины же слова о том, что основной инструмент дистрибьютора – это его личность. «Ну, вот этот инструмент я и использую на полную катушку. Да какой я бабник, просто много у нас женщин, мужским вниманием обделенных. Ты ж сама, Катюша, говорила: в основе нашего бизнеса – желание помочь другим людям. Вот я и помогаю, как могу».

Очень скоро Семеныч стал незаменимым человеком в нашей структуре – на всех корпоративных мероприятиях он был постоянным тамадой, который с шутками и тостами мог провести любое застолье. У него был громадный запас всевозможных историй на все случаи жизни, которые он обожал рассказывать, а мы обожали слушать. Ну и, наконец, – главная фишка Семеныча заключалась в том, что он прекрасно играл на аккордеоне и пел песни, которых в его лысой голове было больше, чем в любом караоке. Очень скоро Семеныч вышел на приличный чек, однако со своей основной работы уходить не собирался – а трудился он в институте какого-то приборостроения замдиректором по АХЧ – административно-хозяйственной части, а проще говоря, завхозом.

* * *

Семеныч, несмотря на нерабочее время, сидел в своем кабинете и разбирал какой-то неведомый мне агрегат – он был на все руки мастер и помимо своих непосредственных служебных обязанностей с удовольствием и почти безвозмездно ремонтировал всевозможную технику – начиная от пылесосов и заканчивая компьютерами, – причем ему было безразлично, что ремонтировать: он знал, как устроена любая вещь. Я ему, честно говоря, завидовал, – у меня, правда, руки тоже не из одного места растут, но до мастерства Семеныча мне далеко.

Плюхин поприветствовал меня кивком головы, на принесенное пиво взглянул с одобрением и, заметив мою, очевидно, не слишком счастливую физиономию, деликатно поинтересовался:

– Ну, как оно вообще?

– Вообще оно ничего, – глубокомысленно ответил я в тон Семенычу.

– А в деталях? – продолжил светскую беседу Семеныч, включая паяльник в сеть.

– Ну а в деталях – фигня полная, – поделился я.

– Опять с Катькой поссорились? – на лету схватил Семеныч.

Я молча кивнул.

– Ну-у, ваше дело молодое, – протянул Семеныч, тыкая паяльником в какой-то разъем агрегата, – милые бранятся – только тешатся. Чего не поделили-то?

– Да я выступил не по делу, – честно признался я, – сказал, что, мол, сейчас сетевым маркетингом заниматься неинтересно, вот если бы можно было с «нуля» строить структуру где-нибудь в другом веке, тогда другое дело.

– Ну?

– Вот тебе и ну, а она меня подловила на слове и говорит, что готова, если я машину времени изобрету и в другой век с ней отправлюсь.

– Ну, а ты?

– Ну а что я... Сказал, что пошутил, а она в ответ, мол, мужчина зря языком болтать не должен.

– Много она понимает, что мужчина должен, а что нет, – покачал головой Семеныч. – Это она по молодости. Да если хочешь знать, для мужчины язык – второй орган по значимости, а иногда даже и первый. Известно же, что женщина ушами любит, сколько ей всего наговорить-то надо. Иной раз такую ерунду несешь – у самого уши вянут, а она ничего, слушает. Да не переживай ты, помирись в конце концов.

– Да помиримся, конечно. Я просто подумал, вот было бы круто, если бы действительно существовал такой аппарат, с помощью которого можно было бы свободно перемещаться во времени и пространстве.

– Машина времени, что ли? – уточнил Семеныч.

– Ну, вроде того.

Семеныч перестал паять, и на лице у него появилось выражение глубокой задумчивости.

– Ты чего? – поинтересовался я.

– Да вспоминаю, куда мы нашу мавру дели, – непонятно выразился Семеныч.

– Какую мавру? – переспросил я.

– Да машину времени, сокращенно «МаВра». Тут вот какая история, – Семеныч отложил паяльник и потянулся к пиву. – В конце восьмидесятых, ну еще в прошлом, двадцатом веке, был в нашей стране жуткий дефицит всего, особенно водки и сигарет. Не поверишь – купить можно было только по талонам, и очереди были жуткие. Так вот, сидим мы как-то с мужиками в курилке, думаем, как дальше-то жить. И тут кто-то ляпнул – а давайте машину времени построим и смотаемся на пару-тройку лет назад, когда и водка дешевле была, и сигареты свободно продавались. Ну, все посмеялись, а мы втроем – Вася Зайцев,

завлабораторией, Лева Шпигель – старший научный сотрудник и я, тогда еще простой инженер, решили эту идею воплотить, так сказать, в жизнь и сказку сделать былью.

– Семеныч, – недоверчиво спросил я, – ты хочешь сказать, что вы машину времени изобрели?

– Да в том-то и дело, что изобретать ничего не надо было, – довольно усмехнулся Семеныч. – Техдокументация на нее с семьдесят третьего года в научном отделе пылилась, но денег даже на опытный образец не выделяли. А мы с мужиками взяли и из подручных материалов за две недели склепали агрегат. Опробовали – работает.

– Ну, а дальше? – не веря своим ушам, спросил я.

– А дальше, Лешка, началась у нас райская житуха, – зажмурился в воспоминаниях Семеныч.

– В день зарплаты с мужиками скидываемся, раз – и в семьдесят восьмой год, когда водка по четыре двенадцать была. Закупаем себе спокойно «Столичную», шпроты в масле, «Явы» несколько блоков и обратно. Так вот тяжелые времена-то и пережили.

– Ну, а потом?

– А потом все в магазинах появилось – и продукты, и спиртное, и сигареты. Только денег не стало, – вздохнул Семеныч.

– Ну, а с вашей «Маврой»-то что случилось? Больше вы ею не пользовались?

– Да не до того было, – отмахнулся Семеныч. – В начале девяностых наш институт реорганизовывать вздумали, половина народу разогнали, финансирование сократили, ребята разъехались кто куда. Вася Зайцев в Израиль эмигрировал, на историческую родину Левы Шпигеля. Говорят, раввином сейчас работает, а сам Лева патриотом оказался и никуда не поехал. Нефтяным магнатом стал, и теперь, я думаю, у него с выпивкой проблем не возникает. Так что...

– Ну а машина-то где? – нетерпеливо перебил я.

– Так вот я и думаю, где, – развел руками Семеныч. – Давно я на нее не наткнулся, у нас подвалы знаешь какие – за неделю не обойдешь. Одно тебе скажу точно: без моего ведома за пределы института ее вывезти не могли – я, как никак, всем хозяйством заведую, мимо меня мышь не проскочит. Так что стоит, наверное, наша «Маврушка» и по сей день где-нибудь в подвале, пылью покрывается.

У меня голова пошла кругом – то ли от пива, то ли от того, что я услышал. Оказывается, человечество в лице трех похмельных мужиков уже давно создало машину времени, но за ненужностью перестало ею пользоваться. С ума сойти.

– Семеныч, давай пойдем посмотрим, – взмолился я, – может, найдем вашу «Мавру»?

– Счас, подожди, допаяю и пойдем, – согласился Семеныч.

* * *

Семеныч допаял агрегат, допил пиво, взял огромную связку ключей, фонарик и мы отправились в подвал. Семеныч долго ковырялся с огромной железной дверью, наконец она со скрипом открылась и мы спустились в подземелье. Подвал, действительно, был необъятных размеров – минут пятнадцать мы шли, натыкаясь на какие-то кабели, железные бочки, куски арматуры, использованные огнетушители и прочий хлам.

– Где-то здесь я ее в последний раз видел, – бормотал Семеныч, ориентируясь только на известные ему одному приметы. – Ага, а это у нас что? – направил он луч света на какой-то темный силуэт в углу. – Вот она, милая, я же говорил, что никуда не денется, – воскликнул Семеныч, с усилием стягивая полусгнившую мешковину с какого-то громоздкого предмета. – Прошу!

Размерами и внешним видом машина времени напоминала бытовку «Мечта садовода» – у нас на даче стоит такая; в одном отсеке мы храним садовый инвентарь – ведра, грабли и лопаты, а в другой ставим велосипеды. В «Мавре», правда, было три отделения. В первом, самом маленьком, стояли прикрученные шурупами к полу два жестких канцелярских стула с ремнями безопасности от «Жигулей», а в стену была вмонтирована здоровенная панель управления с огромным количеством датчиков, рычагов, кнопок и самолетным штурвалом посередине. В пыльном углу висел красный вымпел с надписью «Победителю Социалистического Соревнования», а рядом на стене выцветшими чернилами было накарябано: *«Прошла весна – настало лето, спасибо партии за это»*. Окном в «Мавре» служил огромный иллюминатор с толстыми стеклами – то ли от самолета, то ли от подводной лодки. Во втором отсеке, за обшарпанной дверью с табличкой «Бухгалтерия» обнаружился ржавый двигатель непонятной конструкции, а третье, самое большое помещение было пустым – только на полу стояла полуразломанная раскладушка и валялось несколько пустых пачек из под сигарет «Дымок».

– Пилотный отсек, конечно, тесноват, – развел руками Семеныч, – зато в грузовой столько водки входило – весь институт могли напоить, – все нам тогда завидовали. А раскладушка – ну, чтобы переночевать можно было в случае чего.

– Слушай, Семеныч, – поинтересовался я, – а «Мавра» ваша только во времени может перемещаться или в пространстве тоже? Вам не приходило в голову куда-нибудь в другую страну за водкой отправиться?

– Вообще-то в технической документации на машину был раздел «Перемещение в пространстве», но мы эту функцию решили не трогать. Смысла не было: на какие шиши мы бы в другой стране

водку покупали? Валюты тогда у простых граждан не было. А вот статья за валютные спекуляции была. А тем более у нас у всех, почитай, первая степень допуска – в случае чего не отмазались бы.

– Слушай, Семеныч, а восстановить вашу «Маврушку» можно, ну, до рабочего состояния? – спросил я.

– Да Бог его знает, Леш, тут работы знаешь сколько? Движок перебирать надо, на панели управления все микросхемы позеленели, опять же с топливом проблема – ты думаешь, на чем агрегат функционирует?

– Понятия не имею.

– Во-о-от, – протянул Семеныч, – а работает он на ядерном топливе – видишь, моторный отсек свинцовыми панелями обшит – а сейчас оно знаешь каких денег стоит? Да его еще и достать надо. Мы тогда с мужиками из курчатовского ядерного центра обмен наладили – мы им своего «горючего», они нам – своего. Там в топливном баке есть немного, но фиг его знает, на сколько поездок хватит – пять раз переместишься, а на шестой застрянешь где-нибудь году в восьмидесятом. С одной стороны, конечно, хорошо – Олимпиаду в Москве посмотришь, а с другой – ни еды, ни спиртного приличного, один дорогой Леонид Ильич по всем программам под несмолкаемые и продолжительные аплодисменты.

– Семеныч, – взмолился я, – да на кой мне твоя олимпиада с Леонидом Ильичем, у меня, можно сказать, личная жизнь решается. Представляешь, прихожу я к Катке и говорю: сударыня, машина времени готова к путешествиям. И пусть тогда она попробует сказать, что я зря языком болтаю.

– Давай так, – почесал затылок Семеныч, – ты начинай потихонечку ремонтировать, а я тебе буду подсказывать, что и как делать. Ну, а уж что не сможешь, тогда я помогу. Идет?

– Идет, – с энтузиазмом согласился я.

* * *

На следующий день я с блеском прочитал начинающим консультантам лекцию «Сетевой маркетинг в России» – красиво говорить я действительно умею. Катя осталась очень довольна, подошла ко мне после занятия и пыталась наладить отношения, но я был подчеркнуто холоден и удалился в гордом одиночестве, сославшись на неотложные дела.

Всю последующую неделю с утра до вечера я не вылезал из подвала. В жизни мне не приходилось столько работать. Техническая документация на «МаВру» насчитывала пятьсот страниц выцветшего машинописного текста и кучу схем и приложений. Пояснительная записка начиналась непонятной фразой «С целью претворения в жизнь исторических решений

XXIV съезда КПСС...» и была вся исчеркана красной ручкой – очевидно, те, кому эта записка предназначалась, поочередно делали свои замечания. Разделу «Перемещение в пространстве» сопутствовало строгое указание – *«только в страны социалистического лагеря»*, а заголовок раздела «Перемещение в будущее» был перечеркнут и поверх красовалась лаконичная надпись – *«ишь, размечтался, а кто сейчас коммунизм строить будет?»*. Полинявшую обложку папки, в которой хранилась документация, украшала большая резолюция – *«Добавить обоснование целесообразности использования аппарата в сельском хозяйстве Нечерноземья»*.

Время от времени в подвал спускался Семеныч, смотрел на мою чумазую физиономию, давал ценные советы и щедро делился историями из своего богатого жизненного опыта. Пару раз ему все-таки пришлось взяться за дело – я был не в состоянии самостоятельно разобраться в непонятной схеме запуска двигателя. Наконец внутренние работы завершились, а еще день ушел на то, чтобы снаружи ошкурить и покрасить «Мавру» в бело-сине-красные цвета российского флага.

– Ну что, испытаем агрегат? – предложил Семеныч, оглядывая начищенную до блеска панель управления и новые удобные кресла, которые я установил вместо обшарпанных канцелярских стульев. – Да и отметить это дело надо. Давай, для начала на пару недель назад переместимся, а то у меня от зарплаты уже ни копейки не осталось – куда деньги уходят, ума не приложу. Дальше не поедem, движок после переборки обкатать надо. Ну-ка дай я сяду, тряхну стариной.

Семеныч взгромоздился на левое кресло пилота и попытался пристегнуться, но ничего у него не получилось – ремень с трудом обхватывал его в районе живота.

– Ладно, авось по дороге не потеряюсь, – пошутил Семеныч, – давай, садись рядом, смотри, что и как.

Я занял соседнее кресло. Семеныч включил монитор и защелкал тумблерами. «Мавра» вздрогнула и загудела.

– А, проснулась, милая, – прокомментировал Семеныч. – Сейчас ты у нас вспомнишь молодость. Так, вводим дату желаемого перемещения, скорость ставим на «*Minimum*», нам торопиться некуда, ну, вроде все, как говорится, поехали.

Семеныч нажал кнопку «Пуск», «Мавра» загудела сильнее, вибрация усилилась и Семеныч плавно потянул на себя штурвал.

– Мы что, взлетать будем? – закричал я, пытаюсь перекрыть шум двигателя.

– Куда взлетать? – заорал в ответ Семеныч. – Над нами столовая институтская. Как там

приборы?

– Двадцать, Василь Иванович, – вспомнил я известный анекдот.

– Что «двадцать»? – не врубился Семеныч.

– А что «приборы»? – переспросил я.

– За временем следи, – надулся Семеныч.

– Прошло две минуты, – отрапортовал я, кинув взгляд на здоровенный будильник «Заря», вмонтированный в приборную доску, затем посмотрел в иллюминатор, но снаружи была чернильная темнота.

– Ну, еще несколько минут и прибудем, – сообщил Семеныч.

Через три минуты будильник оглушительно зазвенел и «Мавра» начала вибрировать потише, а скоро и совсем затихла.

– Прибыли, – сказал Семеныч, – вылезай.

Я открыл дверь и вышел из «Мавры».

– Семеныч, – спросил я, оглядывая пыльные стенки подвала, – а ты уверен, что мы куда-то переместились? Такое впечатление, что мы потряслись пять минут и все.

– А это мы сейчас выясним, – сказал Семеныч. – Какое у нас сегодня число?

– Пятое июня, – припомнил я.

– Ага, а сейчас узнаем, какое число тут у них. А ну пошли.

Мы выбрались из подвала и дошли до столовой. За столиками сидел народ и с энтузиазмом обедал.

– Виктор Семенович, приветствую вас, – кинулся к нам высокий мужчина с черной курчавой бородкой, – как там наши планы, не переносятся?

– Что вы, Эдуард Петрович, – бодро отозвался Семеныч, – все остается в силе, с двадцать пятого мая начинаем ремонт в вашей лаборатории.

– Ну и замечательно, – расцвел бородач, – значит к послезавтра мы всю мебель из помещения выносим.

– Все сделаем точно к сроку, – заверил Семеныч и торжествующе подмигнул мне. – Сработало, – прошептал он, – сегодня двадцать третье – зарплата в институте, видишь, какие лица у всех одухотворенные. Так, давай сперва пообедаем, раз уж в столовой оказались, а потом я в бухгалтерию слетаю – за зарплатой.

– Семеныч, – спросил я, дожевывая шницель, – а как ты думаешь, далеко «Мавра» перемещаться может?

– Да кто ж ее знает, – пожал плечами Семеныч, – а ты куда собрался?

– Да тоже пока не знаю.

– А попробуй сначала на пару лет назад, – предложил Семеныч, – а там посмотришь.

– Ага, – покривился я, – чтобы меня по второму разу в армию забрали, спасибо.

– Ну, смотри сам, – благодушно допил компот Семеныч, – если до девяносто первого года решишь махнуть, скажи мне заранее – я заначку в сто рублей не успел обменять, когда денежная реформа была. Купишь себе чего-нибудь – если найдешь что.

* * *

Когда мы вернулись в пятое июня, я сразу же позвонил Кате. Пора было налаживать отношения, да и соскучился я здорово. Встретились мы в парке – на том самом месте, где поссорились в последний раз, – я специально сел на ту же скамейку. Катя была рада меня видеть, вообще, я заметил, что разлуки благотворно влияют на наши отношения – мы как будто начинаем заново знакомиться – становимся вежливыми и внимательными друг к другу.

– Ты знаешь, – ласково сказала Катя, после того как мы обменялись новостями, – когда мы с тобой в прошлый раз расстались, я подумала – зря я на тебя «наехала». В самом деле, ну что плохого в том, чтобы помечтать. Действительно интересно было бы создать свою сетевую компанию в незнакомой стране и эпохе. Представляешь: никто не знает, что такое сетевой маркетинг, – ни один человек...

– А ты в какую страну хотела бы отправиться? – осторожно начал я.

– Да в любую. Нужно только, чтобы в этой стране была развитая система товарно-денежных отношений и относительно спокойная политическая обстановка.

Я достал из кармана маленький потрепанный справочник «Страны мира», который специально взял с собой из дома, и показал Кате.

– Со страной мы сейчас определимся. Назови любой номер страницы.

– Шестнадцатая.

Я открыл справочник на шестнадцатой странице.

– Ну? – нетерпеливо спросила Катя.

– Франция, мадемуазель.

– Ура, – захлопала в ладоши Катя. – Париж – мой любимый город. И французский язык я знаю.

– Да, тебе повезло, а я, кроме «пардон» и «оревуар», ничего сказать не смогу.

– Ну и что, – возразила Катя, – пойдешь на двухнедельные курсы с погружением – в два счета выучишь, а во Франции через месяц начнешь свободно говорить. А в какое время перемещаться будем? Давай в эпоху Просвещения, когда знаменитые французские мыслители

жили – Вольтер, Руссо, Монтескье.

– А еще можно в наполеоновскую эпоху отправиться, – предложил я. – Слушай, Катя, а что если в начало семнадцатого века махнуть?

– А что там было?

– Ну, как раз в то время д'Артаньян в Париж из Гаскони приехал. Подвески королевы, герцог Бекингэм, мушкетеры и гвардейцы кардинала – было бы здорово с ними познакомиться.

– Алешенька, а ты в курсе, что Дюма писал не документальное произведение, а литературный роман? То есть в реальности какой-то д'Артаньян в те времена существовал, но не факт, что с ним случилось все то, что с его литературным двойником.

– Все равно, – не согласился я, – время интересное было. Кардинал Ришелье один чего стоил. Вот бы его в свою структуру подписать – представляешь, какой был бы лидер.

– Ну, хорошо, – сказала Катя, – я согласна на семнадцатый век. А в качестве кого мы туда отправимся, я имею в виду, кем мы будем представляться? За французов нам себя выдать не удастся – меня все равно подведет акцент. Ты, правда, можешь изображать глухонемого, но как ты тогда бизнесом заниматься будешь?

– Зачем выдавать себя за французов? – пожал я плечами. – Давай будем представляться туристами из России. Что там у нас в России было в начале семнадцатого века?

– По-моему, смута была, – напрягла память Катя, – поляки, Лжедмитрий, Иван Сусанин.

– Ну вот, я буду представляться крестьянином Иваном Сусаниным, который заблудился в лесу под Костромой, а потом – раз – и нашелся в городе Париже. Или царевичем Дмитрием, счастливо избежавшим убиения.

– А я?

– Ну, а ты будешь подругой Ивана – Екатериной Сусаниной. Вообще, можешь выдавать себя хоть за боярыню Морозову, ты что думаешь, среди мушкетеров найдутся специалисты по Российской истории?

– Нет, – покачала головой Катя, – легенда должна быть основательной, чтобы мы сами чувствовали себя уверенно. И потом в качестве крестьянина ты будешь торговать огурцами на рынке в Париже, а общаться – только со слугами мушкетеров. А сами мушкетеры, если ты помнишь, были исключительно дворянами.

– Я тоже хочу быть дворянином.

– Ну, тогда тебе нужно представляться как минимум графом, а мне – графиней.

– Какие проблемы, Катя, – милостиво согласился я, – хоть принцессой будь. Тогда давай так: я буду графом, а ты – по легенде – моя супруга, ну и, соответственно, графиня.

– Правильно ли я тебя поняла, что ты делаешь мне предложение? – чуть покраснев, спросила Катя.

– Э-э, ну, в общем, это будет типа фиктивного брака, – замялся я.

– Нет уж, никаких фиктивных браков, – разочарованно нахмурилась Катя. – И вообще, насчет супружества – неправильная идея, это резко ограничит мои возможности. В плане бизнеса, я имею в виду. Да, а ты подумал, на что мы там жить будем, хотя бы первое время, пока бизнес не раскрутим? Нужно хоть немного местных денег раздобыть – какие монеты были в ходу тогда?

– Ну, насколько я помню Дюма, мушкетеры расплачивались экю, пистоллями и ливрами. Да это не проблема, я пошарю в Интернете, наверняка, у нумизматов можно приобрести несколько десятков ливров. А вообще план у меня такой: сначала мы поедem разведать обстановку – надо с людьми познакомиться, понять, будет ли пользоваться спросом продукция, короче говоря, проведем маркетинговые исследования. На что жить – не вопрос, во-первых, покупаем здесь парочку ювелирных изделий и там их реализовываем – вот тебе деньги на первое время. А кроме того, возьмем с собой побольше пробников с косметикой и поработаем на холодных контактах. Ну и если все покатит как надо, тогда уже организуем фирму, пишем маркетинг-план и все дела. Как тебе?

– Разумно, – согласилась Катя, – а что из продукции с собой возьмем?

– Да что угодно – шампуни, дезодоранты, тройную систему по уходу за кожей, духи, декоративку, линию мужской косметики надо обязательно взять – мушкетеры следили за своей внешностью. Короче, возьмем всего побольше – сколько в грузовой отсек влезет.

– Какой грузовой отсек? – спросила Катя.

– Ну, в машине времени есть грузовой отсек, – как само собой разумеющееся пояснил я.

– А, так мы на машине времени отправимся? – продолжила игру Катя.

– А на чем же еще? – по-деловому сказал я. – Ну что, едем?

– Едем, – сказала Катя и вздохнула. – А ты знаешь, я ведь почти поверила, что это возможно, ну все это – Париж, путешествие, что это не шутка.

– Возможно все, во что ты веришь, – важно процитировал я. – И это была не шутка, поехали.

– Куда?

– Сейчас увидишь.

Я остановил такси, и через пятнадцать минут Катя стояла в подвале института и с изумлением рассматривала «Мавру».

– Вот, пожалуйста, – небрежно сказал я, – машина времени, сокращенно «Мавра», изобретена

в семидесятых годах прошлого века, построена в конце восьмидесятых силами сотрудников института, в частности, присутствующим здесь Виктором Семеновичем Плюхиным. Восстановлена и усовершенствована в этом году вашим покорным слугой. Прошла пробные испытания и в настоящий момент готова к эксплуатации. Вот такие дела, Катя, так что можем отправляться в путешествие. Если ты не передумала, конечно, – выжидающе посмотрел я на нее – вдруг испугается и откажется.

Но Катя не зря считалась настоящим лидером – вызов она приняла мгновенно.

– Ну, что ж, – сказала она, усаживаясь в кресло, причем левое, командирское, – если все так серьезно и по-настоящему – то было бы глупо не воспользоваться такой возможностью.

– А вы куда собрались-то? – поинтересовался Семеныч.

– Да вот, во Францию решили махнуть, – небрежно сказал я, – в семнадцатый век.

Семеныч присвистнул.

– Да уж, серьезная поездка. Слушай, – обеспокоено спросил он, – а где вы «Маврушку» хранить будете, когда во Франции окажетесь?

– Ну, можно знаешь что сделать, – подумав, предложил я, – «Мавру» поставить на колеса и использовать как карету. Перемещаемся во Францию, цепляем к «Мавре» лошадь и спокойненько добираемся до какой-нибудь гостиницы. Лошадь ставим в конюшню, «Мавру» – в каретный сарай. А вообще надо взять видеокассету «Три мушкетера» и внимательно все рассмотреть – что тогда носили, на чем ездили и так далее. Пошли в прокат.

* * *

Еще две недели прошли в тщательной подготовке к путешествию. Мне опять пришлось заняться тяжелым физическим трудом – поставить «Мавру» на колеса и придать ей вид средневековой кареты оказалось непросто. Колеса нужно было ставить деревянные, но как их делают, даже Семеныч не знал. Поездка в деревню также не дала результатов – в Подмосковье телег с деревянными колесами ни у кого не сохранилось. Пришлось оснастить «Мавру» колесами от «жигулей», найденными на автосвалке. Все четыре, правда, были с абсолютно лысой резиной, но я успокоил себя тем, что в то время во Франции вряд ли существовал техосмотр карет.

Спереди я приделал крепления под оглобли, чтобы можно было запрячь лошадь, а к иллюминатору прикрепил ситцевые занавески в горошек. Катя, оглядев бело-красно-синюю бытовку на лысой резине с оглоблями по бокам и с ядерным двигателем внутри, иронично высказалась насчет формирования неверного имиджа России за рубежом. Семеныч в ответ возразил, что, как известно, «умом Россию не понять», равно как и никаким другим органом.

Как говорится, что выросло, то выросло.

Я раз десять просмотрел «Трех мушкетеров», внимательно приглядываясь к деталям одежды и экипировки главных героев, и с утра до вечера слушал плеер с уроками французского языка – так что к концу второй недели уже мог внятно спросить «Как пройти к собору Парижской богородицы?».

Катя читала «Историю Франции» и шила нам одежду: себе – дорожный костюм и роскошное длинное платье для приемов, а для меня был изготовлен жилет с тесемками, как у Д'Артаньяна. В магазине я купил пару белых сорочек с отложным кружевным воротником, и в комплекте с черными спортивными штанами и армейскими сапогами с завернутыми наружу голенищами все это выглядело неотразимо.

Проблема возникла со шпагой – я непременно хотел прибыть в Париж с клинком наперевес, даже изготовил что-то наподобие перевязи, на которую должна была крепиться шпага. В магазинах продавалось огромное количество декоративных шпаг, предназначенных для украшения каминных залов в загородных особняках, но боевые клинки достать было сложно. На аукционе мне предложили приобрести «шпагу мундирную в ножнах образца 1848/1849 гг.», изготовленную в Германии в конце XIX века, но она мне не понравилась. Я уже отчаялся найти подходящий клинок, но мне посоветовали обратиться к частному мастеру, который делал шпаги на заказ. У него за бешеные деньги (пришлось продать свой мотоцикл) я приобрел шикарную шпагу, которая и завершила мою экипировку. Осталось, правда, научиться ею пользоваться, но времени посещать фехтовальную секцию уже не было.

Сложности возникли и с французской валютой: монеты семнадцатого века у нумизматов были, но стоили очень дорого, поэтому мы решили купить ювелирные украшения и на месте обратить их в деньги. Получив наши месячные чеки, мы с Катей отправились в ювелирный магазин и купили небольшое бриллиантовое кольцо, красивую брошку с изумрудом и несколько золотых колечек. Продукцию решили взять в кредит – в нашей компании лидеры имели такую возможность – и загрузили почти весь грузовой отсек пробниками с шампунями, кондиционерами, дезодорантами и прочими ходовыми позициями.

– Еще один вопрос остался, – задумалась Катя, – что родителям-то скажем?

– Скажем, что новый регион поехали открывать, – успокоил я.

Наконец все было готово. Рано утром в субботу мы собрались в подвале института. Семеныч еще раз осмотрел «Мавру», крепче укрепил коробки в грузовом отсеке, неизвестно для чего попинал ногой колеса и протер рукавом автомобильное зеркало, которое я для солидности пристроил слева от иллюминатора.

– Ну, как говорится, вперед и с песнями, – сказал он. – Давайте присядем на дорожку. – Мы с Катей сели в пилотские кресла и пристегнулись ремнями, Семеныч пристроился на выдвижную приступочку. – Подождите-ка, ребята, – похлопал он себя по карманам, – а кто мои очки видел?

– Ты их в грузовом отсеке, наверное, оставил, когда коробки укреплял, – сказал я, – пойди посмотри.

– Ладно, ты заводись пока, а я, когда выходить буду, дверь в грузовой отсек захлопну.

– Хорошо, – кивнул я головой.

Я включил монитор и ввел нужные данные – Франция, Париж, июнь, 1625 год. «Мавра» тихонечко загудела, я увеличил нагрузку, гул усилился. Со стороны грузового отсека раздался хлопок – это Семеныч захлопнул дверцу.

– Ну что, Кать, готова? – спросил я.

– Да, – решительно ответила бледная Катя. – Вперед.

Мокрым от волнения пальцем я вдавил красную кнопку «Пуск», «Мавра» возбужденно затряслась в предчувствии дальнего путешествия, я прикусил губу и плавно потянул штурвал на себя.

Будильник отщелкивал уже двадцатую минуту перемещения, чернильная темень за стеклом иллюминатора озарялась какими-то огненными вспышками, а «Мавра» иногда аж повизгивала от напряжения, очевидно преодолевая какой-то особо сложный пространственно-временной виток. Мы с Катей изредка переглядывались и напряженно молчали.

Наконец прозвенел звонок, в иллюминаторе резко посветлело и «Мавра», вздрогнув последний раз, застыла как вкопанная. Мы выждали для верности еще несколько минут, затем я отстегнул ремень безопасности и нагнулся к иллюминатору. Картина, представшая передо мной, была вполне мирной: поле с ромашками, пара коров и с десятков маленьких домиков вдали.

– Ну что, выходим? – предложил я и повернул ручку двери.

Мы спрыгнули на землю и осмотрелись. То, что я увидел, меня не обрадовало: «Мавра» стояла поперек дороги, перегородив проезд, и вдобавок задними колесами опасно нависла над придорожной канавой.

– Не очень удачно припарковались, – признал я. – Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

– Тсс, – прервала меня Катя. – Послушай – в грузовом отсеке звуки какие-то странные.

– Коробки, наверное, упали, сейчас посмотрим.

Я подошел к задней двери, осторожно нажал ручку, заглянул внутрь и замер в изумлении: на полу, под грудой шампуней сидел Семеныч. Лицо его было багровым, а рот беззвучно раскрывался, как у говорящей щуки в мультфильме: очевидно, Семеныч пытался сообщить нам об обуревавших его чувствах, но воспитание не позволяло ему сделать это в присутствии женщины.

– Виктор Семенович, говорите вслух, – разрешила Катя, – а то вас сейчас кондрашка хватит.

– Что случилось, Семеныч? – недоуменно спросил я. – Как ты здесь оказался? Я же слышал, как дверь захлопнулась, когда ты выходил из отсека.

– Захлопнулась твою до седьмого колена, – прорвало наконец Семеныча, – да только с внутренней стороны она захлопнулась! Зашел я в отсек, смотрю – где мои очки? А они на коробке с шампунями лежат. Я руку протянул и на пакетике с пробником поскользнулся, махнул рукой для равновесия и по двери попал – она и закрылась. Я – цап, а изнутри-то у нее ручки нету!!! Я давай в стенку стучать, а уже движок заработал, не слышно ни черта. А потом двадцать минут меня из стороны в сторону кидало плюс вентиляции здесь нет, думал, еще немного и трындец мне придет.

– Да, Семеныч, – посочувствовал я, – нелегко тебе пришлось. И что теперь делать будем?

– Что делать? – возмущенно замахал руками Семеныч. – Обратно мне надо – в понедельник планерка в десять утра, кучу вопросов надо решить.

– Ну, ведь сейчас только суббота, – сказала Катя. – Виктор Семенович, вы же человек с позитивным мышлением – найдите в этой ситуации положительные стороны. Уик-энд в Париже – это же прекрасно, расслабьтесь и получайте удовольствие, а в понедельник с утра пораньше отправитесь на свою планерку.

Семеныч был мужик отходчивый и действительно позитивный, поэтому еще минуты три он почти беззвучно матерился, а затем повеселел и начал проявлять интерес к окружающей действительности. Первым делом он оценил ситуацию с «Маврой».

– Это неправильно – так стоять, – озаботился Семеныч, – мы тут все движение перекрыли. Оно, правда, не шибко оживленное, но все равно надо «Маврушку» развернуть.

– Там один движок килограммов двести весит, – возразил я, – вдвоем мы ее даже не сдвинем.

– Да, – почесал затылок Семеныч, – надо в деревню за трактором идти.

– Виктор Семенович, какой трактор, – напомнила Катя. – Мы в семнадцатом веке, во Франции.

– Ну, где мы – это еще неизвестно, – покачал головой Семеныч, пнув ногой здоровенный куст

борщевика, нагло вылезавший из канавы. – Может, и не Франция это никакая, может, мы в Рязанской области в 1974 году. Вот будет забавно, у меня тут деверь недалеко живет, можно к нему заскочить. Ладно, вы ждите здесь, а я скоро, – и Семеныч, перемахнув через канаву, бодрой рысью потрусил к маленьким домикам на другом конце поля. – Ты пока оглобли приделай, – обернувшись, крикнул он мне, – лошадь запрягать.

Я кивнул и принялся освобождать оглобли, на время путешествия укрепленные по бокам «Мавры».

– Надо бы переодеться, – задумчиво сказала Катя, – во французско-средневековое. А с другой стороны, вдруг мы и в самом деле в Рязанской области.

– Сейчас нам скажут, в какой мы области, – кивнул я на дорогу. Вдали показались темные точки, которые быстро увеличивались, и вскоре можно было различить две кареты и ехавших по бокам несколько десятков всадников.

– На рязанских жителей не похожи, – присмотрелась Катя. – Все, я пошла переодеваться, а ты пока пообщайся с живыми носителями французского языка.

Не доежая до нас метров двадцать, кортеж остановился. От группы всадников отделился здоровенный красномордый мужчина в военной форме со шпагой наперевес, видимо, главный, и подъехал поближе к нам. Окинув злобным взглядом нас с «Маврой», он начал что-то громко и быстро говорить, угрожающе помахивая клинком. Я не понял ни слова, однако природная сообразительность подсказала мне, что сказать он мог примерно следующее: «Ну ты, чудака на букву "м", какого дьявола ты тут раскорячился, подвинь свой гроб на колесах и дай людям проехать, иначе огребешь по полной программе».

Меня так и подмывало ответить в том же духе, но я сдержался: когда на тебя орут – бесполезно орать в ответ. Наоборот, надо дать человеку отораться и тогда с ним можно начать нормально разговаривать, причем тихо и вежливо. Трудность заключалась в том, что сейчас для нормального разговора у меня не хватало слов – в голове крутились только две фразы из русско-французского разговорника. Первая – «*Attens, je me donne un coup de peigne*» – означала «подожди, я причешусь», и в данной ситуации прозвучала бы издевательски. Вторая фраза, из раздела «На почте», была менее вызывающей: «Девушка, дайте мне три художественные открытки, пожалуйста», – но для объяснения ситуации тоже не годилась. А мне надо было сказать красномордому офицеру, что лошадь, которая везла нашу карету, сбесилась и убежала, мой товарищ пошел в деревню, сейчас он вернется и мы продолжим путь. Как будет лошадь по-французски, я помнил – «*cheval*», бежать – «*courir*», все остальное можно было попытаться объяснить жестами.

– Моя шеваль сошла с ума, – сказал я и покрутил пальцем у виска, изобразив сбесившуюся лошадь, – а потом курир, далеко в поле. Мой камрад пошел за другой шевалью, в деревню, к пейзамам. А вы, месье, вместо того чтобы орать, лучше бы помогли нам развернуть карету.

Выслушав этот винегрет, офицер несколько секунд ошеломленно молчал, затем развернулся и поехал назад. Поравнявшись с первой каретой, он постучал в дверцу и что-то негромко сказал. Дверь кареты открылась, из нее вышел мужчина и не спеша направился к нам. Он был в штатском – черный камзол, штаны со шнуровкой, белая сорочка и черный плащ. На вид ему было лет сорок, среднего роста, лицо бледное, с черными коротко постриженными усами. На правом виске виднелся небольшой шрам. Мужчина подошел поближе, взглянул на «Мавру», потом на меня – у него был властный и тяжелый взгляд человека, который привык, что окружающие беспрекословно ему подчиняются:

– Что случилось? – негромко поинтересовался он.

Тут в голове у меня всплыла еще одна фраза из разговорника, которую я счел уместной для употребления.

– *L'accident a eu lieu, quand je changeais de file*, – сказал я, – происшествие произошло, когда я перестраивался в правый ряд.

На лице мужчины не отразилось ровным счетом ничего, он кивнул и задал следующий вопрос.

– Откуда вы?

– Из России, – ответил я без особой надежды, что мужчина меня поймет. К моему удивлению, он опять кивнул и еще что-то спросил.

– Катка, – крикнул я, – давай скорее, сколько можно одеваться, у меня больше слов нет.

– Выхожу, – донесся из «Мавры» сдавленный Катин голос, – это платье в одиночку так просто не оденешь.

Дверь открылась и появилась Катя. Хороша она была необыкновенно – в бархатном сером платье, каштановые волосы уложены в высокую прическу, на шее отражало солнечный свет бриллиантовое кольцо. Даже в такой напряженной обстановке я не мог не залюбоваться ею. В глазах мужчины в черном появилась искра заинтересованности. Он изящно поклонился и что-то сказал Кате, она ответила, и через секунду они бодро чирикали по-французски, а я безуспешно пытался уловить знакомые слова. Затем мужчина обернулся и что-то громко скомандовал своим спутникам. Всадники сошли с лошадей и подошли к нам. Вдесятером они ухватились за «Мавру» и, кряхтя, развернули ее вдоль дороги. Путь был свободен, и мужчина сделал знак кучеру первой кареты, чтобы он начинал движение. Затем он кивнул в мою сторону и что-то спросил у Кати. Она на мгновение запнулась и быстро проговорила

несколько слов, среди которых я уловил одно знакомое – «кузен». Я, естественно, решил вмешаться в разговор и объяснить, что никакой я не кузен, но в это время мимо меня проехала вторая карета, занавески в ее окне слегка раздвинулись и я увидел очаровательную девушку лет двадцати. У нее были темные длинные волосы, карие глаза и нежные маленькие губы. Наши взгляды встретились, я открыл рот, чтобы поздороваться, но девушка смущенно отвела глаза. Занавеска задернулась, карета с прекрасной незнакомкой проследовала дальше, и я так и остался стоять с открытым ртом.

В чувство меня привел Семеныч, который появился в компании с каким-то невысоким коренастым крестьянином и похожей на него лошадю – такой же невысокой и коренастой.

– Что тут у вас происходит? – деловито поинтересовался Семеныч и, не дожидаясь ответа, полез в грузовой отсек «Мавры». – Вот, Жак, гляди, – высунулся он через секунду с огнетушителем в руках. – Я тебе про эту штуковину говорил. Если у тебя дома или в сарае, например, пожар, не приведи, конечно, Господи, то доставай огнетушитель и действуй согласно инструкции. Там на этикетке все написано. Кать, переведи товарищу. А я пока лошадь запрягу.

Крестьянин с интересом стал разглядывать огнетушитель, внимательно слушая Катины объяснения.

– Семеныч, – спросил я, – а как ты умудрился с ним договориться? Ты же ни слова по-французски не знаешь.

– Леха, люди всегда друг с другом могут договориться, – философски заметил Семеныч, – даже если на разных языках говорят. Главное, чтобы они людьми были.

– Тебе бы в Организации Объединенных Наций работать, – пробурчал я. – А сколько километров до Парижа, ты у него не спросил?

– Спросил, конечно, – сказал Семеныч. – До Парижа около пяти лье. Сколько это в километрах, я не знаю, но Жак сказал, что часа через три доедем.

– Лье – это четыре с половиной километра, – поделился я своими знаниями с Семенычем.

– Как раз к обеду доберемся, – взглянул на часы Семеныч. – Ну, не будем время терять, поехали. Оревуар, Жак, – помахал он рукой крестьянину, – береги огнетушитель, вещь ценная. Катюша, залезай.

Катя устроилась в пилотской кабине у открытого иллюминатора, а мы с Семенычем сели снаружи на откидную скамейку. Семеныч громко чмокнул, слегка встряхнул вожжами, лошадь напряглась, и «Мавра», с трудом сдвинувшись с места, медленно покатила вперед.

Несколько минут мы ехали в полном молчании. Семеныч мурлыкал себе под нос «ямщик, не

гони лошадей», а я думал об очаровательной девушке в карете.

– Слушай, Катя, – обернулся я к иллюминатору, – а я так и не понял, кто эти люди?

– Мужчина в черном – граф Рошфор, приближенное лицо кардинала Ришелье, – ответила Катя, – а брюнетка, на которую ты засмотрелся, это Генриэтта-Мария – сестра французского короля Людовика XIII. Они возвращаются из Фонтенбло в Лувр. Так что считай, нам повезло – только приехали, а уже завели полезные знакомства.

– Это ты завела, а я не успел, – сокрушенно заметил я. – Слушай, а ведь Рошфор – это тот самый «незнакомец из Менга», за которым гонялся д'Артаньян. То-то смотрю – лицо у него знакомое, со шрамом. Кстати, – запоздало возмутился я, – а почему ты ему сказала, что я твой кузен?

– Потому что, – решительно ответила Катя, – не хватало еще, чтобы ты и здесь от меня всех мужиков отгонял. Мы приехали заниматься бизнесом, так что наши личные отношения не афишируем. По легенде ты – мой двоюродный брат, так что веди себя соответственно – как подобает кузену.

– Ну ладно, раз ничего личного, тогда и ты не переживай, что я на брюнеток засматриваюсь, – обиженно сказал я.

– А кто тебе сказал, что я переживаю? – иронично отозвалась Катя. – Я, наоборот, радуюсь, что у тебя нормальная мужская реакция на красивую женщину. Вот если бы ты Рошфором залюбовался, тогда действительно был бы повод для волнения.

– Слушай, Катя, а откуда ты знаешь, на кого я смотрел? – спросил я. – Ты же спиной к нам стояла.

– Когда я была маленькой, – объяснила Катя, – то часто удивлялась, откуда мама, сидя в комнате, знала, что я на кухне лезу в банку с вареньем. А она мне отвечала: «Катенька, у мамы глазки везде». Так что у меня это наследственное.

Я замолчал и обиженно уставился на кусты борщевика вдоль дороги. Молчание прервал Семеныч.

– Слышь, Леха, – прошептал он, давась от смеха, – я себе представил: поженитесь вы с Катькой и будет у тебя теща, у которой «глазки везде» – в самых неожиданных местах.

– Очень остроумно, – отреагировала из «Мавры» Катя.

– У нее еще и ушки везде, – с притворным испугом проговорил Семеныч, – все, молчим.

Глава 2

До Парижа мы добирались не три, а четыре часа: коренастая коротконогая лошадка, которую Семеныч со свойственным ему народным юмором прозвал «Окурком», с трудом тащила за собой нагруженную «Мавру». Мы с Семенычем даже какое-то время шли пешком и, не торопясь, любовались проплывающим мимо нас сельским пейзажем – зелеными полями, виноградниками и многочисленными деревеньками. По мере приближения к Парижу движение на дороге заметно оживилось: нас то и дело обгоняли всадники, кареты, повозки и телеги, груженные углем, дровами, продовольствием и бочками с вином. Все эти люди, как и мы, спешили в Париж. Наконец, жалобно поскрипывая оглоблями, «Мавра» преодолела очередной подъем дороги, и сначала нашему взору открылись старинные крепостные стены, а затем донеслись и не очень приятные запахи, о происхождение которых стало ясно чуть позже: подкатив поближе, мы увидели, что крепостной ров вдоль городских стен представлял собой импровизированную помойку, наполненную всевозможным мусором.

У самых крепостных ворот мы неожиданно попали в «пробку»: с десятков нагруженных телег, карет и обозов с продовольствием сгрудились перед подъемным мостом, а их хозяева что-то возбужденно обсуждали между собой, размахивая руками.

– Катя, пойдем разведем, что к чему, – предложил Семеныч, спрыгнув с облучка «Мавры». – Леха, а ты смотри в оба – народ тут, я чувствую, не промах.

Катя с Семенычем отправились в гущу событий, а через полчаса вернувшись, озабоченно сообщили, что придется раскошелиться – заплатить въездную пошлину и налог на ввоз товаров.

– Деньги в принципе небольшие, – подсчитал я, – но валюты-то у нас нет – только «ювелирка».

– «Ювелирку» показывать нельзя ни в коем разе, – покачал головой Семеныч, – сразу же весь груз перетряхивать начнут. Ладно, зря я что ли три года в Польшу «челночил» – с таможей, думаю, всегда договориться можно. Катя, ты упакуй пару наборчиков с косметикой в наши фирменные пакеты.

Некоторое время мы потолкались в импровизированной очереди, а когда переехали через мост, Семеныч с Катей подошли к выдолбленной в каменной стене нише, в которой за деревянной перегородкой сидел толстый потный человек со здоровенным кошельком на поясе, как я понял, – акцизный служащий. Справа и слева от человека стояли два стражника с

пиками и алебардами. Служащий обвел нас утомленным взглядом и, «не повернув головы качан», равнодушно выслушал обращенный к нему торопливый шепот Семеныча в Катином переводе. Поразмышляв пару минут, он кивнул головой и Семеныч услужливо протянул ему заранее приготовленный набор мужской косметики в пластиковом пакетике с логотипом нашей компании. Толстяк засунул нос в пакетик, опытным взглядом осмотрел разноцветные коробочки. Очевидно, увиденное ему понравилось и он, по-прежнему глядя куда-то в сторону, сунул под нос Семенычу два растопыренных пальца на правой руке.

– Не вопрос, – быстро врубился Семеныч и как фокусник достал из-за спины второй пакетик. Толстяк одобрительно кивнул и сделал знак стражникам, стоявшим перед воротами. Те, звякнув своими алебардами, посторонились, и мы, въехав наконец в город, отправились на поиски ночлега.

Гостиниц на нашем пути было много, и, будь моя воля, я бы остановился в первой попавшейся, но Катя подошла к выбору очень ответственно: в одной ей не понравился вид из окна, в другой пахло как-то не так, в третьей – у хозяина была «бандитская рожа». Поэтому мы продолжали поиски, хотя, доложу я вам, ездить по парижским улицам было то еще «удовольствие». В ширину улочки были метров пять-шесть, и это в лучшем случае, а некоторые и вообще по два-три метра, так что мы даже заехать в них толком не могли. Если же навстречу нам ехала какая-нибудь телега, то разъехаться просто не представлялось возможным. Народу на улицах было видимо-невидимо, дорогу постоянно перебегали какие-то разносчики воды, точильщики ножей, бродячие торговцы с корзинами, лотками и ручными тележками, которые норовили попасть «Мавре» под колеса, так что нам с Семенычем постоянно приходилось орать на них, и они, естественно в долгу не оставались. Дело осложнялось еще и тем, что лавочники по обеим сторонам улиц выставляли свои импровизированные прилавки с товарами прямо на дороге, перегораживая движение, так что проехать не сшибив их хлипкие постройки было невозможно. И вдобавок над всем этим стоял постоянный железный перезвон. Я сначала не мог понять, откуда идет звук, а потом догадался – практически на каждом доме на стене была прикреплена железная вывеска – они висели на цепях и, раскачиваясь на ветру, издавали жуткий скрежет. Как мы потом узнали, благодаря этому непрекращающемуся железному перезвону Париж приобрел репутацию «веселого» города. Но в тот момент нам было не до веселья: Семеныч недовольно бурчал, что никакой это не Париж, и что все это напоминает ему толкучку в Лужниках в середине 90-х годов, и вообще он хочет есть и пить, поэтому остановится перед первым же трактиром.

* * *

Первым трактиром оказалось заведение на улице Сент-Оноре с многообещающим названием «Голодная кошка». Семеныч решительно притормозил под железной вывеской, на которой был изображен мяукающий кошка, вцепившийся то ли в полумесяц, то ли в кусок сыра, и заявил, что пока не пообедает, никуда дальше не поедет. Я горячо поддержал эту идею, и Кате ничего не оставалось, как смириться. Мы зашли в гостиницу и оказались в большом зале, в котором стояло несколько деревянных столов с лавками, а в камине, издавая волшебный аромат, жарилась на вертеле дичь.

К нам подошел высокий мужчина лет сорока пяти с приятным, располагающим к себе лицом.

– Говорить буду я, – сообщил я Кате. – Тему «В ресторане» я знаю наизусть.

– Что вам угодно? – спросил мужчина.

– Мы хотели бы пообедать, – сказал я. – Что вы можете предложить?

– Тушеный заяц и куропатки на вертеле, – кивнул в сторону камина мужчина. – Практически готовы, вас ожидают.

– Прекрасно, – одобрил я, – а какое вино у вас есть?

– У нас собственный винный погреб, сударь, – развел руками хозяин. – И весьма богатый, смею вас заверить, – испанское, бургундское, анжуйское вина. Какое предпочитаете?

– Я хочу бургундского, – сказала Катя.

– А я бы, честно говоря, водочки выпил, – признался Семеныч. – Чтобы снять стресс от путешествия.

– Семеныч, ты что, откуда здесь водка, – сказал я, – придется тебе до Москвы потерпеть. А в Париже воспользуйся возможностью попробовать лучшие французские вина.

Обед нам принесли буквально через десять минут, и мы с жадностью набросились на еду.

– Четыреста лет ничего не ел, – пошутил Семеныч, запивая жирную куропатку бургундским. – М-м-м, неплохое винцо. Ребята, давайте тут и на пстой определимся: пахнет хорошо и рожа у хозяина интеллигентная. Как считаешь, Катя?

К счастью, Катя согласилась, и после еды я продолжил разговор с хозяином, используя лексику уже из следующей темы разговорника – «В гостинице».

– У вас есть три свободные комнаты?

– Да, наверху, с прекрасными мягкими постелями. Пойдемте посмотрим, – пригласил хозяин.

Мы пошли по широкой лестнице на второй этаж и осмотрели комнаты – вполне приличные и уютные.

– Ну, тебя устраивает? – спросил я Катю.

Она устало кивнула головой.

– Хорошо, мы остановимся у вас, – продолжил я переговоры, – нам нужно еще место в конюшне и в каретном сарае. Деньги за обед и ночлег вы получите вечером. Ну, как мой французский? – с гордостью спросил я у Кати.

– Замечательно, даже я все поняла, – съязвила Катя. – Пошли отдыхать.

– Это правильно, даже вздремнуть не мешает, – сказал Семеныч.

Мы забрали из «Мавры» свои вещи, поднялись наверх и разошлись по комнатам. Семеныч моментально захрапел так, что из конюшни приветливо отозвалась наша лошадь, а я лег на кровать, включил плеер и начал слушать и повторять французские слова – мне хотелось как можно скорее начать беседовать с парижанами без катиной помощи.

Часов в пять, отдохнувшие, мы встретились в общем зале.

– Ну что, пойдем прогуляемся, – предложил я. – Во-первых, надо ознакомиться с местностью, а во-вторых, продать часть «ювелирки» – наличных денег-то у нас нет.

– Неплохо бы Виктору Семеновичу приодеться немного, – тактично сказала Катя, оглядывая Плюхина, одетого в выцветшую «олимпийку» с надписью «СССР» на груди и потертые кеды (он с утра собирался на дачу). – Где у вас тут хорошие магазины? – поинтересовалась Катя у хозяина.

Хозяин – его звали Жюль, кликнул жену, милую женщину лет тридцати, которая подробно рассказала Кате, что можно приобрести в их квартале, и даже вызвалась проводить нас, но хозяин как-то по-особому на нее посмотрел и она вдруг вспомнила, что у нее не стираны простыни. Надо сказать, что хозяин мне нравился все больше и больше.

Мы вышли из гостиницы и начали прогуливаться по улицам. Для начала мы зашли в ювелирную лавку, чтобы продать кольцо с бриллиантом. Ювелир долго вертел кольцо в руках, разглядывая непонятное клеймо на внутренней стороне, оценивал чистоту бриллианта, цокал языком и наконец заявил, что готов купить его за семьсот ливров. Мы согласились, а когда вышли на улицу, то решили разделить: Семеныч сказал, что предпочитает заниматься шоппингом самостоятельно, взял денег и ушел, а мы с Катей, прогуливаясь по улицам, заходили в разные лавки и смотрели, что и по каким ценам там продается. Я, правда, очень скоро выдохся – я вообще терпеть не могу ходить по магазинам и обычно покупаю первое, что попадется на глаза, и то, что лежит поближе к выходу. К тому же мне опять захотелось есть, а когда я голоден, у меня перекрываются все остальные каналы восприятия, я становлюсь злым и раздражительным и, чтобы вернуть хорошее настроение, мне обязательно нужно покушать.

Я оставил Катю в шляпной лавке, сказав, что пойду поищу чего-нибудь перекусить, прошелся

по улице Сен-Мар, ничего не обнаружил, да еще вдобавок вляпался в навозную кучу, любезно оставленную проходившей до меня лошадьё. Еще больше разозлился и решил вернуться. Катя уже стояла возле входа в лавку в новой шляпке, но не одна – возле нее отирался какой-то парень. «Блин, да что ж такое, – подумал я, – на минуту нельзя отлучиться». Парнишка был примерно моего возраста, худощавый, смугловатый, с длинным лицом, крючковатым носом и выдающейся вперед челюстью – как говорится, чуть краше обезьяны. На боку у него болталась длинная шпага. Он что-то рассказывал Кате, размахивая руками, а она кивала и приветливо улыбалась.

– Привет, Кать, – сказал я, подходя поближе, – ты меня не потеряла?

– Да вот, – сказала Катя, – пока тебя ждала, с молодым человеком познакомилась, его Шарль зовут.

– Здорово, Шарль, – сказал я и хлопнул парнишку по плечу.

Реакция Шарля оказалась неадекватной. Он скривил надменную физиономию и заявил насморочным голосом:

– Сударь, вы разве не видели, что я разговариваю с дамой? По какому праву вы вмешиваетесь в нашу беседу?

– Ты чего, Шарль, с дуба рухнул? – удивился я. – Это моя дама, так что скажи спасибо, что ты с ней разговариваешь.

– Так, Леша, прекращай, – забеспокоилась Катя, которой было хорошо известно, во что могла вылиться наша с Шарлем дружеская беседа. – Мы же с тобой договорились, что ты мой кузен.

– Ну так что, теперь кузену даже подойти к тебе нельзя? – возмутился я.

– Можно, конечно, только не затевай ссору.

– Это я затеваю ссору? Ну ты даешь, Кать, – он же первый начал возникать. Слушай, пойдем лучше домой, в смысле в гостиницу, я есть хочу.

– Иди сам, – раздраженно ответила Катя, – и дай мне спокойно пообщаться, в конце концов.

– Ну и пожалуйста, – обиделся я, – оревуар, Шарлик, не кашляй, – и еще раз похлопал парня по плечу.

– Сударь, – опять загундосил чертов Шарль, – я не позволю обращаться со мной подобным образом. Извольте извиниться.

– Может тебе еще и полы дома помыть? – язвительно поинтересовался я.

Но Шарль не оценил иронии и продолжал наезжать:

– Вы невежа, сударь, – процедил он, – и я проучу вас. Выберите самую длинную из ваших шпаг и покажите ее мне сегодня вечером.

– А что на нее смотреть, – пошутил я, – шпага как шпага. Ты что меня на дуэль вызываешь, что ли? Извольте, сударь, когда и где вам будет удобно взглянуть на мою шпагу?

– Сегодня, в восемь часов вечера на пустыре за Люксембургским дворцом.

– Ладно, Шарль, договорились. Кстати, а как твоя фамилия? А то много в Париже Шарлей, ищи тебя потом.

Парнишка надулся, как дирижабль, выставил вперед ногу и с гордостью процедил:

– Я Шарль де Кастельмар д'Артаньян, гасконский дворянин, мушкетер его величества. Могу я узнать ваше имя?

– Ну ни хрена себе, – изумленно произнес я. – Ты – д'Артаньян?

– Да, и я буду иметь честь скрестить с вами шпагу, господин Нунихренасебе, хотя у вас чертовски трудное имя. До встречи, сударь, до свидания, сударыня. – Парнишка галантно раскланялся и гордо удалился.

Мы с Катей молча двинулись по направлению к гостинице. Я был просто ошарашен – меньше всего я мог предположить, что этот развязный оболтус окажется самым д'Артаньяном, чьими приключениями я зачитывался с детства, с которым тайно надеялся встретиться и, может быть, даже подружиться. И вот на тебе – такой облом.

– Ну что, – язвительно поинтересовалась Катя, – доигрался?

– В каком смысле доигрался? – переспросил я.

– В прямом. Ты хоть понимаешь, с кем ты связался?

– Подумаешь, еще неизвестно, кто кого, – пренебрежительно сказал я, хотя, не скрою, при мысли о том, что мне придется драться на дуэли с одним из лучших фехтовальщиков того времени, у меня по спине пробежал противный холодок.

– Что значит «кто кого»? – уже встревожено заговорила Катя. – Ты же сам говорил, что шпагу никогда в жизни в руках не держал.

– Почему, – пожал я плечами, – в руках-то я ее держал, другое дело, что фехтовать не доводилось, ну вот и случай представился научиться.

– Прекрати, Алеша, – начала сердиться Катя, – перестань хорохориться и трезво оцени ситуацию. Ты что всерьез решил драться на дуэли? Ты разве не понимаешь, что это глупость?

– Как тебе сказать, – почесал я затылок. – С одной стороны, понимаю. Ну а ты понимаешь, что если я откажусь от дуэли, то на нашей идее построить здесь бизнес можно будет поставить крест? Раз уж мы оказались здесь, надо играть по местным неписанным правилам. А они не разрешают дворянину уклоняться от схватки.

– Не нужно мне никакого бизнеса! – закричала Катя. – Все, садимся в «Мавру» и уезжаем.

Или давай перенесемся в сегодняшнее утро и все начнем сначала.

– Кать, – примирительно сказал я, – нельзя жизнь переписывать после каждой ошибки. Да и топлива нам не хватит постоянно туда-сюда переноситься. Не переживай, все будет в порядке, мы, кстати, пришли – вот наша гостиница. Интересно, Семеныч уже вернулся? Мне же секундант нужен.

– Да ну тебя, поступай как знаешь, – Катя быстро поднялась в свою комнату, а я пошел в свою и стал обдумывать сложившуюся ситуацию.

* * *

До назначенного времени оставался час – можно было успеть перекусить, но от волнения аппетит у меня пропал начисто. Я начал ходить по комнате и думать, как выпутаться из этой неприятной ситуации. Конечно, я совершил глупость – ввязываться в дуэль, не умея фехтовать, – это, как пишут в умных книжках, было явным проявлением завышенной самооценки при недостатке ресурсов. Вечно я сначала делаю, потом думаю. С другой стороны, что сделано – то сделано, так что надо прекратить нервничать и искать дополнительные ресурсы. Безвыходных ситуаций не бывает, в это я твердо верил. Я набрал в рот побольше воздуха и шумно выдохнул. Так, что мы имеем? Ежу понятно, что д'Артаньян дерется на шпагах гораздо лучше меня, здесь его не переиграть. А вот интересно, посещал ли он в детстве боксерскую секцию? Вряд ли в те времена в Гаскони культивировался этот вид спорта. Тогда сделаю так: ростом я чуть выше гасконца, да и шпага у меня длиннее, следовательно, некоторое время я смогу удерживать его на расстоянии. А дальше выжидаю, пока д'Артаньян раскроется, сокращаю дистанцию и с разворота бью по его выдающейся челюсти. Удар слева у меня поставлен хорошо – так что нокаут наглому гасконцу гарантирован. А если впоследствии ко мне будут какие-то претензии с его стороны – мол, не по правилам дрался, то закошу под дурачка и скажу, что у нас в России так принято: микст файт, господа, фехтование и кулачный бой в одном флаконе. Я повеселел – хорошо, что мой отец в свое время настоял, чтобы я занялся боксом. Мама была против, мол, зачем ребенка учить драться, и вообще, пусть интеллект лучше развивает. А он ей: интеллект – штука важная, когда с интеллектуалами общаешься. А если жизнь сведет с теми, кто интеллектом не блещет, тогда и пригодится умение грамотно дать в морду. «Вот и пригодилось, – подумал я, – спасибо, батя. Черт, где Семеныч ходит? Мне бы сейчас очень не помешала его поддержка». Я спустился вниз и спросил у хозяина, как добраться до Люксембургского дворца. Это оказалось недалеко, минут двадцать ходьбы – на другой стороне Сены.

– Собираетесь прогуляться перед сном, сударь? – поинтересовался Жюль.

– Не совсем, у меня дуэль на пустыре за дворцом, – поделился я.

– Да? – удивился хозяин. – Вы делаете успехи, сударь: только сегодня прибыли в Париж и уже успели нажить врагов. С кем деретесь, если не секрет?

Я коротко рассказал Жюлю о встрече с д'Артаньяном.

– Знаю я этого гасконца, – кивнул головой Жюль, и в его глазах я прочел сочувствие, – он пару раз заходил ко мне в гостиницу поужинать со своими друзьями – мушкетерами. Сорви-голова парень, на его счету уже с десятков дуэлей – и во всех он выходил победителем. Подождите-ка, сударь, – сказал Жюль, вышел из зала и через несколько минут появился с тонкой стальной кольчугой в руках. – Вот, – протянул он мне кольчугу, – думаю, она может вам пригодиться. Храню со времен моей бурной молодости – тогда я дрался почти каждый день. Но с возрастом начинаешь дорожить своей жизнью и понимаешь, что для того, чтобы доказать противнику свою правоту, необязательно убивать его. Да и правота наша часто выведенного яйца не стоит... Желаю удачи, сударь, надеюсь угостить вас сегодня ужином.

«Ободренный» напутствием хозяина, я поблагодарил его, опять поднялся наверх, надел кольчугу и постучал в дверь Катиной комнаты.

– Все, Кать, я пошел. Когда Семеныч придет, пусть дует к Люксембургскому дворцу. Это через три квартала отсюда.

Дверь открылась и на пороге появилась одетая Катя.

– Я иду с тобой, – решительно сказала она.

– Кать, не выдумывай, еще не хватало, – возмутился я. – Что ты там будешь делать?

– Я не дам вам драться, как-нибудь разрешу ситуацию.

– Кать, ты у меня прелесть, – рассмеялся я, – дай поцелую. Только здесь не принято, чтобы дама, из-за которой назначена дуэль, приходила на разборки и «разруливала» ситуацию. Да все будет в порядке, – опять заверил я Катю. – Через час вернусь, живой и невредимый, вот увидишь. Ты, главное, Семенычу объясни, куда идти.

– Лешенька, осторожнее, я тебя прошу, – поцеловала меня Катя.

Окрыленный, я выбежал на улицу, пересек мост, немного поблуждал в узких переулках и через двадцать минут подходил к Люксембургскому дворцу. Позади дворца был огороженный пустырь, на котором в те времена встречались любители скрестить клинки. На пустыре никого не было, впрочем, до восьми еще оставалось несколько минут, и я решил использовать это время для психологической подготовки. Я достал шпагу и сделал несколько энергичных движений. Затем закрыл глаза и представил образ желаемого результата дуэли: поверженный д'Артаньян лежит носом в луже и молит о пощаде. Я приставляю ему к горлу клинок и

говору: «Сударь, только из уважения к великому писателю Александру Дюма я оставляю вам жизнь». Я прокрутил эту картинку несколько раз, затем начал повторять про себя: «Я – победитель. Я побеждаю всегда и сегодня я выиграю в схватке с врагом. Я сильный, я умею драться, мой соперник будет побежден. Вперед».

– Эй, сударь, вы уже кончили молиться? – раздался рядом гнусавый голос.

Я открыл глаза. Передо мной стояли двое: д'Артаньян и коренастый парень лет двадцати трех, здоровенный, как шкаф, такой «конкретный пацан» с лицом, не изуродованным интеллектом.

– Это мой секундант, мсье Портос, – сказал д'Артаньян. Парень пренебрежительно кивнул, что должно было, очевидно, означать приветствие.

«Так вот они какие, – подумал я с горечью, кумиры моего детства, мушкетеры его величества: развязный юнец и качок с одной извилиной в мозгу. Вот так и расстаются с иллюзиями. Ладно, мне важно сейчас с жизнью не расстаться».

– Вы пришли без секунданта, сударь? – поинтересовался д'Артаньян.

– Мой секундант скоро подойдет, – ответил я, – дело в том, что мы впервые в Париже и он, наверное, заблудился. Однако если вы настаиваете, то мы можем начинать и без него.

– Сударь, вы так спешите попасть на небеса? – заржал Портос. – А впрочем, вы туда все равно попадете, неважно с секундантом или без. Начинайте, д'Артаньян, через час у нас назначена аудиенция у господина де Тревиля. И, кстати, помните о гвардейцах кардинала – они жаждут поквитаться с нами за вчерашнее поражение и могут появиться здесь в самый неподходящий момент.

«Сейчас-то как раз подходящий момент, – подумал я, – самое время им появиться, пока меня не грохнули на этом пустыре». Я оглянулся по сторонам в надежде увидеть гвардейцев кардинала, но пустырь был по-прежнему безлюден.

– Не беспокойтесь, Портос, – сказал д'Артаньян, – наша дуэль не займет много времени. Сударь, вы сказали, что вы впервые в Париже? Откуда вы приехали?

– Из России, – ответил я.

– Не слыхал, – покачал головой Портос. – Это где?

– В Африке, чучело, – по-русски сказал я.

– Жаль убивать чужестранца, – обнажил шпагу д'Артаньян, – нарушаю законы французского гостеприимства, но что поделаешь. Вы готовы, сударь?

– Я к вашим услугам, – слегка поклонился я, припомнив киношные поединки, и наши шпаги скрестились. Некоторое время мы осторожно позвякивали клинками, нащупывая слабые

места в обороне друг друга, затем д'Артаньян сделал какое-то быстрое движение и я почувствовал боль в плече. Рубашка тут же намокла от крови, и мне стало по-настоящему страшно: одно дело наблюдать за сражением в кино и совсем другое – чувствовать, как острая сталь вбивается тебе в тело. «Я – победитель, я – победитель», – повторил я про себя, стараясь сохранять хладнокровие.

– Готовьтесь, сударь, сейчас я убью вас, – холодно сказал д'Артаньян.

– Замучаешься пыль глотать, – зло прищурился я, пытаюсь занять выгодную позицию для атаки.

Мы обменялись еще несколькими ударами, и стало ясно, что если бы не кольчуга, д'Артаньян уже давно проткнул бы меня насквозь. Мне не удавалось держать противника на дистанции, и любая атака могла стать для меня роковой. «Надо идти ва-банк», – подумал я и вдруг услышал знакомый голос. «Мать-мать-мать...» – отразилось громким эхом от стен Люксембургского дворца, и на пустыре показался Семеныч с оглоблей наперевес.

Дальше события разворачивались стремительно. Портос, заметив мчавшегося на него Семеныча, вытащил свою шпагу и занял боевую стойку, готовясь достойно встретить противника. Это было ошибкой с его стороны, так как фехтовать Семеныч и не собирался. Подбежав поближе, он, не притормаживая, со всего размаху врезал Портосу оглоблей промеж ног. Портос изумленно икнул, выронил шпагу и рухнул на колени, после чего немедленно получил второй удар оглоблей, на сей раз по уху. Д'Артаньян, чувствуя, что за его спиной происходит что-то непонятное, самонадеянно обернулся, ну, тут уж я не упустил своего шанса и от всей души заехал ему кулаком в челюсть. Гасконец, взмахнув руками, попятился назад, споткнулся о стоявшего на четвереньках Портоса и рухнул на землю рядом со своим быковатым секундантом.

– Россия-Франция – два-ноль, – подвел итоги дуэли Семеныч. – Леха, ты как?

– Кажется, живой. Спасибо, Семеныч, ты как раз вовремя успел.

– А я чего задержался-то, – начал объяснять Семеныч, – никак не мог камзол найти подходящий по размеру. Прихожу в гостиницу, батюшки, – Катька плачет и ругается, Леху, кричит, убивают за Люксембургским дворцом. Я – в сарай, хватаю оглоблю и вперед. Давно я так не бегал, фу, запыхался совсем. Что с этими-то делать будем? – поинтересовался Семеныч, кивнув на лежавших штабелем Портоса и д'Артаньяна.

– Ребята крепкие, должны очухаться, тогда и потолкуем с ними.

Надо отдать должное ребятам – очухались они быстро – уже через пару минут д'Артаньян открыл глаза и с изумлением уставился на Семеныча.

– Знакомьтесь, – непринужденно сказал я, – мой секундант – барон Плюхин.

– Что это было? – поинтересовался д'Артаньян, потирая челюсть.

– Э-э, мой друг немного не разобрался в ситуации – думал, что двое нападают на одного, поэтому он и решил вмешаться в поединок, – объяснил я.

– Ты поприседай, сразу полегчает, – посоветовал тем временем Семеныч Портосу, который, вылупив глаза, пытался встать на ноги, держась обеими руками за ушибленное место.

– Кэс ке се? – спросил он Семеныча, изумленно глядя на оглоблю.

– Это? Русское народное оружие, оглобля называется, – пояснил Семеныч. – Типа шпаги. Леха, переведи. И еще скажи, что у нас в России есть такой обычай: если во время драки друг друга не поубивали, значит надо выпить и помириться.

– Хороший обычай, – кивнул Портос. – Буду рад отметить наше знакомство бутылочкой доброго вина.

– Я тоже «за», – добавил д'Артаньян, – мне нравятся смелые люди, а вы, господа, видно, из их числа. К сожалению, сегодня вечером мы заняты – начальство вызывает. А вот завтра мы к вашим услугам – устроим шикарную пирушку.

– Пойдемте в трактир «Сосновая шишка», – сказал Портос, – там замечательный повар – как он готовит фаршированные свиные ушки – пальчики оближешь!

– А можно и у меня в гостинице неплохо пообедать, – предложил д'Артаньян, – я живу на улице Могильщиков, и у моего хозяина, господина Бонасье, есть прекрасное испанское вино.

– И очаровательная жена в придачу, – заржал Портос.

– Портос, прекратите, – поморщился д'Артаньян и опять обратился ко мне: – Вы ранены, сударь, – у вас кровь на рубашке.

Я потрогал плечо и скривился от боли.

– Ерунда, рана неопасная, заживет, – небрежно сказал я.

– У меня есть бальзам от ран, который мне дала моя матушка, когда я уезжал из дома, – сказал д'Артаньян. – Прекрасное средство, я пришлю вам его с моим слугой. Вы, кстати, где остановились?

– В «Голодной кошке», на улице Сент-Оноре.

– А, знаю, – кивнул д'Артаньян, – через полчаса бальзам будет у вас.

– Мерси, – вежливо склонил я голову, – и оревуар.

Портос и д'Артаньян, немного покачиваясь, покинули пустырь.

– Приятные ребята, – заметил Семеныч, подбирая с земли оглоблю. – Слушай, а зачем ты им сказал, что я барон?

– А как мне тебя надо было представить? – поинтересовался я. – Замдиректора по административно-хозяйственной части? Побудешь немного бароном – до понедельника. Кстати, – решил похвастаться я своими знаниями, – Люксембургский дворец, мимо которого мы сейчас идем, – это резиденция Марии Медичи – королевы-матери.

– То-то она, наверное, удивилась, когда услышала «мать-мать-мать», – покачал головой Семеныч, – подумала, наверное, что ее зовут.

* * *

Когда мы добрались до гостиницы, Катя уже встречала нас внизу.

– Живой? – кинулась она ко мне.

– Живой, – ответил за меня Семеныч, – немножко только поцарапанный. Катюш, попроси у хозяина водички чистой и принеси из «Мавры» аптечку.

Через пять минут я лежал на кровати и балдел от нежных катиных прикосновений. Она промыла перекисью рану, перевязала плечо, а через некоторое время в гостиницу явился слуга д'Артаньяна и принес склянку с какой-то вонючей субстанцией.

– Что это? – понюхав, скривилась Катя.

– Чудодейственный бальзам, излечивает любые раны, кроме душевных, – хитро прищурясь, отрапортовал слуга.

– Хм, неплохой рекламный текст, – сказал я, – надо будет использовать. Тебя как зовут, дружище?

– Планше, сударь, – назвался молодой человек.

– Спасибо, Планше, и передай благодарность своему господину.

Когда Планше ушел, Катя еще раз понюхала бальзам и сказала:

– Надо завезти сюда наш обезболивающий гель – пахнет гораздо приятнее и к тому же с аппликатором – удобнее пользоваться.

– Ребята, а не отметить ли нам боевое крещение, – предложил Семеныч, – мы ведь еще не ужинали.

Мы спустились вниз и отдали должное фаршированному зайцу, которого любезный хозяин подал вместе с полюбившимся нам бургундским вином. За ужином я красочно пересказал Кате нашу дуэль с д'Артаньяном: как я был ранен, но мужественно продолжал сражаться, как обрадовался, услышав боевой клич Семеныча, и как нанес противнику победный сокрушающий удар. Однако мой рассказ вызвал совсем не тот эффект, которого я ожидал.

– Судя по всему, ты доволен своим героическим поведением? – сухо поинтересовалась Катя.

– Ну, в общем, да, – осторожно подтвердил я, чувствуя подвох в катиных словах, – а что, все

ведь нормально закончилось.

– А если бы ненормально? – спросила Катя. – А если бы все закончилось по-другому? Если бы ты сейчас лежал на этом пустыре проткнутый насквозь? Ты подумал о том, что я чуть с ума не сошла, пока тебя не было? А если бы и с Виктором Семенычем что-нибудь случилось? Ты подумал о том, что бы я делала, оставшись одна в незнакомом городе?

– Ну, Кать, – пробормотал я, отведя взгляд, – зачем думать о плохом? Я думаю только об позитивных событиях. Мы же оптимисты, правильно?

– Правильно, – подтвердила Катя, – думать о плохом не надо, а вот думать о том, как твои поступки отразятся на близких тебе людях, просто необходимо. А оптимизм, который ты сегодня продемонстрировал, – это оптимизм дебила, не способного просчитать элементарных последствий своих шагов. И ладно если бы в твоём героизме была какая-то необходимость, – нет, только желание показать, какой ты крутой. А кроме того, Леша, мы сюда приехали развивать бизнес, но если ты будешь драться с потенциальными клиентами, то ничего хорошего у нас не получится.

– Ну, вот здесь, Кать, ты не права, – вступил я. – А ты знаешь, что завтра мы с д'Артаньяном и Портосом договорились вместе пообедать? И во время нашей встречи я расскажу им о нашей продукции, даже можно подарить по набору пробников из мужской линии. Что ты на это скажешь?

– У меня просто слов нет, – язвительно ответила Катя. – Интересная вещь получается: я устанавливаю контакт с потенциальным клиентом, собираюсь заинтересовать нашей продукцией, мы начинаем общаться и тут появляешься ты, бьешь ему морду, а потом идешь с ним обедать и рассказывать о нашей продукции. И кто ты после этого?

Я предпочел промолчать.

– Все, приятного аппетита, я пошла спать, а ты подумай о моих словах, – сказала Катя.

Я налил еще бургундского.

– Вот так всегда с ней, – сказал я, обращаясь к Семенычу. – То она слезами над тобой обливается, то наезжает. Что скажешь?

– Что скажу, – вздохнул Семеныч, – она права, Леха. Мужики вечно войны затевают, а женщины постоянно страдают – ждут их, переживают, детей в одиночку растят. А тебе, Леха, я всегда говорил – будь аккуратнее со словами; прежде чем сказать что-то – подумай, к чему это приведет. Словом убить можно, и за слово убивают. Особенно здесь. Ладно, давай допивай и иди мириться.

– Завтра, – сказал я, – сейчас бесполезно, я ее знаю.

Мы еще немного посидели, допили бургундское и пошли спать. Проходя мимо катиной комнаты, я без особой надежды поскребся в дверь, но ответа не дождался.

* * *

На следующий день после завтрака мы все втроем отправились исследовать рынок косметических средств в Париже: за полдня обошли все лавки в нашем и соседних районах; разговаривали с приказчиками, выясняли, какая продукция больше всего пользуется спросом, кто покупает и по каким ценам. Всю информацию я записывал в блокнот, и, вернувшись в гостиницу, мы устроили совет.

– Ну, что мы имеем, – подвела итог Катя. – В принципе, косметика представлена достаточно широко, и качество приличное. Есть декоративка, различные кремы для ухода за лицом, ароматические масла и духи. На чем мы можем сыграть? Во-первых, на тех позициях, которых у них нет. А во-вторых, на принципиально иной форме упаковки – конечно, здесь нет ни роликовых дезодорантов, ни духов с распылителем, ни мыла с помпой. Это может вызвать интерес у покупателей. И наконец по ценам у нас тоже есть преимущества – наша продукция дешевле.

Так что начинаем работать по отлаженной схеме – проводим презентации. Я сегодня поговорю с Жаклин, женой нашего хозяина, пусть она пригласит своих подружек и я им устрою мастер-класс – расскажу о продукции, покажу, как пользоваться, ну как обычно.

– А у нас сегодня обед с мушкетерами, – напомнил я. – Возьмем наборы из мужской линии и оттрекламируем.

– Хорошо, встречаемся вечером, – согласилась Катя.

Мы с Семенычем взяли в грузовом отсеке «Мавры» наборы мужской косметики и отправились в гости к д'Артаньяну на улицу Могильщиков.

Дверь нам открыл невысокий толстенький мужичонка с маленькими бегающими глазами – и я догадался, что это был господин Бонасье – хозяин гостиницы. Я с интересом завертел головой в надежде увидеть его супругу, но, кроме служанки, женщин в доме больше не было.

– Проходите, господа, милости просим, – льстиво улыбаясь, пригласил нас господин Бонасье, и мы вошли в большую комнату, в которой за накрытым столом сидели четыре человека – д'Артаньян, Портос и два незнакомца в мушкетерской форме.

– Приветствую вас, господа, – сказал Портос, державший в каждой руке по бутылке вина, – входите и рассудите нас – мы тут с д'Артаньяном слегка поспорили: он утверждает, что к паштету из фазана непременно нужно подать анжуйское вино, я же убежден, что только

португальский портвейн приличествует этой закуске.

– Портос, может быть, вы сначала представите нас этим господам, – негромко сказал один из мушкетеров.

– Да, конечно, господа, разрешите представить – наши друзья, мушкетеры его величества, Атос и Арамис.

Атос был в точности таким, как его описал Дюма, – мужчина лет тридцати с благородными чертами лица и немного потертым видом давно пьющего человека. Арамис был чуть постарше меня, эдакий красавчик, из тех парней, которые придают слишком много значения своему внешнему виду.

– А это наши гости из России, – представил нас д'Артаньян. Мы с Семенычем поклонились и назвали себя.

– Что будете пить, барон? – обратился Портос к Семенычу.

– Да ставьте все на стол и пусть каждый пьет что захочет, – предложил Семеныч.

– Мудрая мысль, – сказал Портос. – Ну что, у всех налито? Тогда предлагаю выпить за знакомство. – И дружеская пирушка, как выразился д'Артаньян, началась.

Вскоре выяснилось, что мушкетеры пили, как лошади на водопое. Одна бутылка сменяла другую – служанка только и успевала бегать из погреба в комнату и обратно. Семеныч хоть и сказал, что много пить не будет, так как ему завтра с утра на планерку, вскоре забыл о своем обещании и активно налегал на португальский портвейн. Я вообще-то много не пью – особенно в гостях: пару лет назад я совершенно неприлично надрался на дне рождения у одного своего знакомого и, после того как наутро выслушал от присутствующих, что я вытворял, будучи в нетрезвом состоянии, дал себе зарок – не больше трех рюмок за вечер. Но сегодня я перебрал свою норму и вскоре в голове у меня зашумело, но зато на французском языке я начал объясняться почти свободно.

– Что привело вас во Францию господа? – поинтересовался Атос, после того как мы выпили за знакомство, за короля и королеву, за тех, кто в сапогах, и – по предложению Семеныча – за тех, кто в море.

– Барон и я путешествуем с целью налаживания дружеских связей России с различными странами, – бойко процитировал я русско-французский разговорник, – во всех областях – научной, культурной и экономической. Особенно экономической. Позвольте ознакомить вас, господа, с образцами нашей культуры и быта. Семеныч, доставай подарки.

Я вручил мушкетерам по мужскому набору – дезодорант, пену для бритья и ароматическое масло для романтических свиданий. Они тут же распаковали пакеты, и я провел краткий

инструктаж по применению содержимого.

– Неплохая вещь, – заржал Портос, пшикая дезодорантом в господина Бонасье, – совсем другой запах от трактирщика – начал пахнуть как благородный дворянин.

– Да, здорово придумано, – оценил д'Артаньян пену для бритья, – и очень удобно в военных походах.

– Нам бы хотелось, – осторожно сказал я, – чтобы как можно больше знатных дам и кавалеров Парижа ознакомились с этой продукцией. Но, к сожалению, у нас пока нет связей, так сказать, на высшем уровне.

– Ну, связи можно найти, это не проблема, – хвастливо сказал Портос, – у меня полно знакомых в высшем обществе.

– Что касается связей при королевском дворе, – сказал д'Артаньян, – то их можно наладить через Констанцию – жену нашего трактирщика. Она кастелянша в Лувре и хорошо знакома с придворными дамами королевы – госпожой де Гито, де Сабли, де Монбазон, де Гемене и другими. Можно через нее передать им образцы вашей продукции.

– Арамис, у вас, кажется, есть какая-то знакомая, которая часто общается с королевой, – сказал Атос. – Может быть, она может помочь договориться об аудиенции с ее величеством?

– М-м-м, вы имеете в виду племянницу богослова? – уточнил Арамис. – Да, пожалуй, я поговорю с ней, когда увижусь в следующий раз.

Портос многозначительно хмыкнул и хотел что-то сдохнуть, но д'Артаньян пнул его под столом ногой. Я вспомнил, что под «племянницей богослова» скрывалась герцогиня де Шеврез, любовница Арамиса и близкая подруга королевы.

– Буду очень признателен вам, Арамис, если вы поспособствуете нашей встрече с ее величеством, – сказал я. – Кстати, обратите внимание на этот набор ароматических масел – он называется «Романтическая встреча». Масла обладают возбуждающим эффектом – отличный подарок вашей даме сердца, который подчеркнет ваши нежные чувства.

– За прекрасных дам, – тут же поднял очередной бокал Портос, – мушкетеры пьют стоя.

– Я за дам пить не буду, – вдруг заупрямился Атос, – тем более за прекрасных.

– А что так? – удивился Семеныч.

– У меня есть причины не доверять женщинам, – мрачно сказал Атос и потянулся к новой бутылке. – Господа, я вам сейчас расскажу одну печальную историю.

– О, только не это, Атос, умоляю вас, – запротестовал Арамис, – мы все слышали вашу историю уже раз двадцать. Она, конечно, очень трогательная, однако...

– Благородный человек, – прошептал нам д'Артаньян, кивая в сторону Атоса, – но вот беда –

когда лишнего хватит, абсолютно теряет лицо. А этой своей историей он нас всех уже задолбал.

– Какой историей? – заинтересовался Семеныч.

– Да про свою несчастную любовь. Причем наутро он напрочь забывает то, о чем рассказывал накануне вечером.

– Так часто бывает, – с пониманием отреагировал Семеныч. – Но что поделать, человеку нужно время от времени изливать душу. Граф, – обратился он к Атосу, – я с интересом выслушаю ваш рассказ. Леха, переводи.

Вкратце история Атоса была такова: в молодости он встретил одну молодую девушку «прелестную, как сама любовь». Граф полюбил ее безмерно, увез в свой замок и женился. И вот однажды, когда молодожены охотились, новоиспеченная графиня упала с лошади и лишилась чувств. Граф, желая облегчить доступ воздуха к ее прекрасной груди, разрезал кинжалом платье, при этом плечо графини обнажилось и...

– Как вы думаете, что было у нее на плече? – обведя мутным взглядом присутствующих, спросил Атос и, не дождавшись ответа, мрачно продолжил: – Цветок лилии – она была заклеимена.

– Ну и что? – не понял Семеныч, – у меня тоже на плече татуировка, вон глядите, – он закатал рукав рубашки и продемонстрировал чуть выцветшие синие буквы «ДМБ-79». – В армии перед дембелем сдуру сделал. Ну, может, и она по молодости татушку себе наколола, с кем не бывает.

– Вы не поняли, барон, – покачал головой Атос, – эта женщина была воровкой, и лилия – это клеймо палача.

– Да, вообще-то красть нехорошо, – осуждающе поцокал языком Семеныч, – а с другой стороны, как говорится, кто без греха... Мы, помню, в советские времена тоже тянули помаленьку с родного предприятия – то кабеля катушку умыкнешь, то баллон с пропаном укаатишь, то фанеры пару листов. И нас тоже на партсобрании так клеймили – мама не горюй. Да только бестолку, дефицит был всего в стране, а жить-то надо. Ну, а дальше что случилось?

– Что, что... Я велел слугам повесить ее на дереве, – мрачно сообщил Атос и, припав к горлышку бутылки, допил до дна. – Эта история навсегда отвратила меня от красивых женщин.

– Фью-ю, – присвистнул Семеныч. – Да, граф, не ожидал от вас. Ну, оступилась девчушка, с кем не бывает, сперла что-нибудь по глупости. А вы, значит, ее на дереве повесили? любимую жену? Ну, вы гуманист, блин. Ладно бы тещу, это еще хоть как-то можно было бы понять.

– Но, барон, эта женщина оказалась не той, за которую себя выдавала, – запротестовал Атос.

– Вы, граф, словно вчера на свет родились, – покачал головой Семеныч. – После свадьбы почти каждый мужчина обнаруживает, что его жена оказалась совсем не той, за которую себя выдавала. До замужества она «лапонька и солнышко», а после – «стерва и зараза». Но ничего не поделаешь, как говорится, поздно пить «боржоми», когда печень отвалилась, раньше надо было внимательнее смотреть. У меня, если хотите знать, три жены было, – поделился интимной информацией Семеныч. – И к каждой, не скрою, у меня были определенные претензии. Но я хоть одну повесил? Нет, – с гордостью заявил Плюхин, – все живы-здоровы, до сих пор общаемся, потому что культурные люди.

– Семеныч, отстань от Атоса, – посоветовал я, – ты что, курс психологии семейной жизни собрался ему читать? Лучше отвлеку графа от мрачных мыслей, а то он уже в двух шагах от суицида.

– Слушайте, а у меня идея, – загорелся Семеныч, – давайте споем. Господин Бонасье, – схватил он за рукав проходящего трактирщика, – у вас случайно аккордеона нет? Жаль. Ладно, обойдемся без музыкального сопровождения, я вас сейчас научу замечательной песне – ну-ка повторяйте за мной слова.

Видя, что Семеныч взял бразды правления банкетом в свои руки и в переводчике больше не нуждался, я решил пойти проветриться. Покачиваясь, я вышел на улицу, с наслаждением вдохнул вечерний воздух и оглянулся. Только теперь до меня начало доходить, что я был в Париже. Картонным силуэтом на фоне бледного неба возвышался Собор Парижской Богоматери. По улице, придерживая алебарды, прошагал ночной патруль. Простучала по булыжной мостовой карета, украшенная чьим-то гербом. Может быть, именно в этот момент Анна Австрийская протягивала алмазные подвески коленопреклоненному герцогу Бекингэму, а его величество Людовик XIII внимал козням кардинала Ришелье. Обалдеть!!!

Из дома послышался звон разбитой посуды, громкое ржанье Портоса и истошное хоровое пение. Я вернулся внутрь, и моему взору представилась чудная картина: Семеныч стоял посреди комнаты, дирижируя бутылкой и отбивая такт ногой, а д'Артаньян, Портос, Атос и Арамис, сцепившись «паровозиком», топали вокруг него и громко ревели на почти чистом русском языке «пока-пока-пока-чивая перьями на шляпа-а-а-х, судьбе не раз шепнем "мерси боку"».

Глава 3

В «Голодную Кошку» мы возвращались уже глубокой ночью. Честно говоря, ходить по ночному Парижу было жутковато. Оживленный и шумный днем, с заходом солнца город словно вымер. Узкие улочки еле освещались коптящими факелами, прикрепленными к стенам домов довольно далеко друг от друга. Зловещего вида фигуры бесшумно появлялись в полумраке, воровато скользили вдоль стен и, слава Богу, исчезали в переулках – очевидно, мы не производили впечатления легкой (или достойной их внимания) добычи. Семеныча здорово развезло по дороге, он громко пел песни и все порывался вызвать такси, тупо всматриваясь в дисплей своего мобильного, не желавшего искать сеть. «Странно, я же роуминг оформлял», – недоуменно пробормотал Плюхин, оседая у меня на плече. К счастью, мне удалось тормознуть какого-то крестьянина, который не успел уехать домой после базарного дня и он за горстку мелочи согласился довезти нас до гостиницы на своей повозке с остатками овощей. Дверь была, конечно, заперта, но минут через десять на наш стук выглянул заспанный Жюль. – Вы, однако, смелые люди, – покачал он головой, оглядывая нашу сладкую парочку. – В Париже не принято разгуливать по ночам, город кишит нечистыми на руку людишками. Одиноким прохожих поджидает смертельная опасность: хорошо, если просто ограбят, а могут и того... – и всплывут утром в Сене ваши хладные трупы.

– А на-а-а-м все равно-о, – мелодично откликнулся Семеныч шлягером всех времен и народов, – не боимся мы волка и сову-у-у. После чего, одарив нас рекламной улыбкой, соскользнул с моего плеча на пол и захрапел. Жюль помог мне перегрузить недвижимого Плюхина на широкую скамью, так как наверх затащить его было нереально. На произведенный нами шум из своей комнаты выглянула заспанная Катя, я хотел было ей рассказать о наших успехах, но язык уже не ворочался, поэтому я лишь приветственно помычал и отправился спать.

Назавтра Семеныч разбудил меня в шесть утра. Он был бодр, хмур и сосредоточен. – Черт, Леха, перебрали мы с тобой вчера, – недовольно покачал он головой. – Ладно, счастливо вам тут оставаться, а я на планерку полетел. – Слушай, Семеныч, – забеспокоился я, – а ты вообще назад-то когда собираешься? – Не знаю, Леха, – озабоченно замотал головой Плюхин, – вот честно тебе скажу – не знаю. Сейчас лето, в институте ремонт, плюс отпуска у всех, так что раньше чем через три-четыре недели не выберусь. Да ты не переживай, у вас дело пойдет, – обнадеживающе хлопнул он

меня по плечу. – Вам из дома чего-нибудь привезти?

– Да пока вроде ничего не надо, – пожал я плечами, – ты, самое главное, найди, где топливо для «Мавры» брать. Потому что если бизнес раскрутим, то придется часто туда-сюда мотаться.

– Постараюсь, – кивнул Семеныч, – есть у меня один человечек на примете, все достать может, за деньги, естественно. Ну, я полетел.

– Подожди, я тебя провожу, – сказал я.

Мы вместе спустились в каретный сарай, Семеныч залез в «Мавру» и защелкал тумблерами.

– Леха, ты из сарая-то выйди, – забеспокоился он, – по технике безопасности положено находиться на расстоянии 20 метров от работающего объекта.

Мы пожали друг другу руки, я вышел наружу, но, не удержавшись, припал к щели в стене и начал наблюдать за стартом. Интересное зрелище, надо вам сказать. «Мавра» потряслась-потряслась, а потом как будто растворилась – только опилки на полу каретного сарая, плавно покрутившись в воздухе, опустились на пол. Я мысленно пожелал Семенычу счастливого пути во временных лабиринтах и отправился будить Катю – пора было завтракать и приниматься за дело.

* * *

После завтрака мы с Катей расстались: она отправилась с визитом к графине Монпансье, а я пошел навестить вчерашних собутыльников – справиться о самочувствии и продолжить знакомство. С собой я взял наш фирменный пакетик с косметическими пробниками и упаковку «Похмелина» – на всякий случай.

Д'Артаньяна дома не оказалось; дверь открыл хмурый господин Бонасье с огромным фингалом под глазом и нехотя сообщил мне, что мушкетер чуть свет отправился на дежурство в Лувр. Зато мне удалось взглянуть на жену трактирщика, маячившую за его спиной: Констанция Бонасье оказалась миловидной брюнеткой лет 25-ти с зелеными глазами, симметрию которых слегка нарушал свежим блеском синяк. По этим, общим для обоих супругов признакам и по напряженной атмосфере чувствовалось, что парочка находится на непростой стадии семейных отношений. От моего взгляда не укрылось и то, что при упоминании имени д'Артаньяна госпожа Бонасье слегка покраснела.

По дороге в Лувр я заглянул к Арамису – надо было напомнить ему о данном вчера обещании устроить нам аудиенцию у королевы. Арамис, к счастью, был дома, но моему визиту особенно не обрадовался. Мне даже показалось, что он и узнал-то меня не сразу, что, впрочем, было неудивительно, учитывая количество выпитого накануне. Когда я вошел к нему в комнату, он

быстро прикрыл рукой листок бумаги, лежавший на столе, и изобразил подобие светской улыбки.

– В свободное время я дописываю комментарий к 18-й главе блаженного Августина, – счел нужным пояснить Арамис, поспешно пряча листок в шкатулку. – Я ведь только временно нахожусь на службе его величества. А в душе я служитель церкви и потому чуждаюсь светских развлечений, так как готовлюсь принять духовный сан. Вскоре я вообще намерен удалиться от мира, – с постной физиономией завершил свою речь Арамис, – а сейчас прошу простить, но я тороплюсь – у меня встреча с одним ученым богословом.

С этими словами Арамис взял с туалетного столика подаренное ему накануне масло «Романтическая встреча» и начал щедро поливать себя.

– Вы поаккуратней, Арамис, – счел своим долгом предупредить я, – вчера, рассказывая об удивительных свойствах этого масла, я упомянул о том, что оно оказывает сильный возбуждающий эффект, – как бы ваш ученый богослов излишне не разволновался.

Арамис озабоченно обнюхал себя и затормозил на секунду, а я, воспользовавшись паузой, перешел к цели своего визита:

– Вы вчера вроде бы говорили, что можете дать мне рекомендательные письма к знатым дамам, имеющим влияние при королевском дворе?

На лице Арамиса отразилась нерешительность – видно было, что он уже пожалел о своем обещании, данном на нетрезвую голову, но отступить было неудобно.

– Хорошо, – выдавил он, – я дам вам письмо к маркизе де Рамбулье, через нее вы выйдете на госпожу де Савиньи, а уж она-то наверняка организует вам аудиенцию ее Величества.

– Спасибо, Арамис, вы окажете мне неоценимую услугу, – горячо поблагодарил я. – Когда я получу это рекомендательное письмо?

– Не позже завтрашнего утра, – пообещал Арамис и, покосившись на пакетик у меня в руках, поинтересовался: – А, кстати, у вас не найдется еще один флакончик масла?

– Для хорошего человека найдется все, – веско подтвердил я, – пришлите своего слугу к нам в гостиницу. Не раньше завтрашнего утра.

* * *

Далее в маршрутном листе у меня значилась квартира Атоса. На мой стук вышел молчаливый слуга и на вопрос о хозяине грустно покачал головой. Очевидно было, что Атос пребывал в состоянии жестокого похмелья и был не готов к контактам с внешним миром. Я пошарил в кармане и достал таблетки «Похмелина».

– Вот, передай своему хозяину, – сказал я, – пусть запьет большим количеством холодной

воды. От кого – можешь не говорить – все равно вряд ли вспомнит.

Наконец я добрался до Лувра и, войдя во внутренний двор, сразу же услышал громкое ржанье, свидетельствующее о присутствии славного Портоса. И действительно, невдалеке виднелась здоровенная фигура мушкетера, который что-то рассказывал окружающим его плотной толпой товарищам, в числе которых был и д'Артаньян. В отличие от лицемерного Арамиса и абстинентного Атоса, Портос и д'Артаньян искренне мне обрадовались.

– Здорово, Алекс, ты как, живой? – хлопнул меня по плечу Портос. – А я тут ребятам рассказываю, как мы вчера погудели. Знакомьтесь, господа, это наш гость из России. – Мушкетеры приветственно загудели. – А где барон Плюхин с образцами российского вооружения? – опять заржал Портос, выразительно потирая место под перевязью.

– Барон уехал по делам, – уклончиво ответил я, – а вы, значит, на дежурство заступили? Короля охраняете?

– Да большей частью дурью маемся, – честно признался Портос. – Если его Величество куда-нибудь едет, на охоту к примеру, или в какое другое место, то мы его сопровождаем. Ну, а если во дворце сидит, то тоска смертная – заняться абсолютно нечем.

– Ну, как говорится, солдат спит, а служба идет – и денежки каплют, – закинул я удочку, – ведь служба королю – надежный источник доходов.

Портос в очередной раз заржал так, что стайка ворон, испуганно закаркав, спешно покинула крышу Лувра, а д'Артаньян лишь печально скривился.

– Я тоже так думал, – сказал он, – когда ехал из своей Гаскони в Париж поступать в мушкетеры. Но жестоко ошибся. Служба королю, конечно, занятие благородное, но не приносит больших доходов. Париж полон соблазнов, так что жалованья постоянно не хватает. Хорошо тем счастливицам, у которых есть богатая возлюбленная, герцогиня или баронесса, – тут д'Артаньян хитро взглянул на Портоса, который моментально сделал вид, что не понимает намеков, и, гордо выставив ногу, начал меланхолично крутить ус. – А каково приходится обыкновенному молодому человеку без связей, который, чтобы добиться благосклонности возлюбленной, должен дарить ей маленькие презенты? Так что деньги – это больной вопрос, Алекс. А, кстати, у вас, в России, сколько военные зарабатывают?

– Э-э-э, – замялся я, так как понятия не имел об окладах военнослужащих, – точно сказать не могу, но уверен, что тоже не очень много.

– Конечно, – вздохнул д'Артаньян, – когда нужно жизнью рисковать в горячих точках, под Ларошеллю, так мушкетеры – вперед, а как до денег доходит, так на свои кровные седло приходится покупать.

– У нас, в России, военные нашли очень хороший способ получать дополнительный доход, – небрежно сказал я. – Делать практически ничего не нужно, а деньги очень неплохие.

– Это как? – живо заинтересовался Портос.

– Позже расскажу, – уклонился я от ответа (надо было заинтриговать собеседников). – Слушайте, господа, вы мне вот что скажите: как можно добиться аудиенции у его Величества? Мне бы хотелось быть представленным ему и презентовать некоторые приятные сувениры из России.

– С одной стороны, это не так уж и сложно, – ответил Портос. – Главное – попасть в Большой королевский зал, в котором его величество дает аудиенции. Но проблема в том, что в зал набивается огромное количество людей, а, насколько я понимаю, вам важно, чтобы король обратил внимание именно на вас. А вот это уже задача посложнее.

– Но и она решается очень просто, – успокоил д'Артаньян. – Надо дать на лапу де Бламанжу, это придворный, который отвечает за проведение всех королевских церемоний и сопровождает короля во время аудиенций. Его племянница замужем за лейтенантом Брегилем из полка гвардейцев – а он мне с прошлого месяца должен пять экю. Так что, Алекс, я думаю, что через Брегиля я смогу свести тебя с де Бламанжем, а дальше уж действуй по обстоятельствам.

– Спасибо, д'Артаньян, – горячо поблагодарил я.

– Спасибо на хлеб не намажешь, – улыбнулся хитрый гасконец, – да и в стакан не нальешь, верно, Портос?

– В трактире «Сосновая шишка» каналья-трактирщик жарит изумительного гуся со шкварками, – грамотно подхватил тему Портос.

– Вперед, в «Сосновую шишку», – ошупав в кармане кошелек, сказал я.

* * *

Д'Артаньян оказался человеком слова – и уже через неделю мы с Катей, одетые в парадную одежду, стояли в Большом королевском зале Лувра в толпе придворных и ожидали выхода короля. В зале было довольно прохладно, хотя в большом камине жарко горели несколько здоровенных бревен. Зал освещался огромными люстрами из хрусталя с множеством свечей. Вдоль стен и по углам также стояли высокие серебряные подсвечники с горящими свечами. Стены украшали огромные портреты членов королевской семьи всех поколений вплоть до отца нынешнего короля Генриха Четвертого. Между портретами красовались гербы с тремя золотыми королевскими лилиями. Потолок был расписан картинами на библейские сюжеты. В зале негромко играла музыка – в углу расположился небольшой инструментальный ансамбль:

гитарист жгучей испанской наружности, флейтист и скрипач. Придворные не спеша прохаживались по залу, переходя от одной группки к другой, и шушукались на злободневные темы.

Наконец церемониймейстер громко объявил присутствующим о появлении его Величества, в зал вошел король Людовик XIII с группой сопровождающих его придворных дам и кавалеров и начал не спеша обходить своих подданных, выстроившихся вдоль стен. Мимо некоторых он просто проходил, кивая головой, другим улыбался немного вымученной, как мне показалось, улыбкой, а кое с кем о чем-то недолго беседовал. Я прикинул, что, двигаясь в таком темпе, до нас король доберется разве что минут через пятнадцать, расслабился и начал рассматривать его свиту. Взгляд мой остановился на даме в платье из лилового бархата с беличьей опушкой. Я пригляделся и понял, что лицо ее мне знакомо: это была красавица-брюнетка, которую мы встретили по дороге в Париж, – сестра короля, принцесса Мария-Генриетта. «Надо же, вот так встреча, – подумал я, – интересно, узнает она меня или нет? А что мне делать, если узнает? Приветливо помахать ручкой?» Наконец его Величество поравнялся с нами, механически кивнул в никуда и хотел было прошествовать дальше, но де Бламанж, честно отработывая свой бакшиш, неуловимым движением притормозил процессию и обратил внимание Людовика на нас с Катей.

– Позвольте представить вашему Величеству подданных заснеженной России. Они прибыли сюда, чтобы засвидетельствовать свое величайшее почтение его Величеству.

Катя изобразила реверанс а ля рюс, я склонился в изысканном поклоне и, как мы заранее и договаривались, протянул де Бламанжу красиво упакованный пакетик с пробниками из мужской косметической линии. Де Бламанж что-то прошептал королю, его Величество скользнул по пакету водянистым взглядом, благосклонно кивнул вялым подбородком и прошествовал дальше, а я перевел взгляд на Марию-Генриетту и – встретился с ее взглядом. По выражению ее лица я понял, что она тоже узнала меня – чуть опустила прекрасные глаза, а через мгновение посмотрела снова. Сердце мое почему-то забилось так громко, что я даже с опаской покосился на Катю, но она, к счастью, смотрела вслед королю и не обращала на меня внимания.

Вскоре король завершил общение со своими подданными и отправился обедать. Избранные счастливицы, получившие приглашение принять участие в королевской трапезе, поспешили вслед за его Величеством, остальные потянулись к выходу, оживленно беседуя. Увидев, что Мария-Генриетта задержалась у выхода из зала вместе с какой-то знатной дамой, я быстренько заскользил между придворными, подошел поближе и, остановившись в трех шагах

от принцессы, сделал вид, что рассматриваю портрет Карла IX. Наконец, Мария-Генриетта попрощалась с собеседницей и повернулась ко мне – я улыбнулся и слегка склонил голову. Принцесса кивнула в ответ, и я сделал шаг навстречу. Теперь надо было что-то произнести, приличествующее моменту, но, как назло, весь мой французский заклинило напрочь: проклятый русско-французский самоучитель, намертво впечатавшийся в память, услужливо выдавал фразы типа: «девушка, я хочу отправить телеграмму с оплаченным ответом».

– Ваше высочество, – наконец выдал я, – для меня огромное удовольствие видеть вас снова и э-э, большая честь, так сказать, э-э. Тьфу, как же это сказать-то?

– Трудности с переводом? – услышал я за спиной ироничный Катин голос, – требуется помощь?

– Спасибо, – огрызнулся я, увидев, что какой-то тип в раззолоченном камзоле, воспользовавшись паузой в нашем разговоре, подваливает к принцессе и увлекает ее в сторону выхода, – сам справлюсь. И вообще не мешай работать на холодных контактах.

– Не такие уж они и холодные, как я погляжу, – подметила Катя, – смотри, как ты покраснелся. А что это на полу лежит? Вроде как принцесса обронила?

Я нагнулся и быстро подобрал белоснежный платочек с вышитой королевской монограммой – маленькой золотой короной.

– Надо же, – всплеснула руками Катя, – девушка-то на ходу личные вещи теряет. Сейчас же догони и верни.

– Далеко ушла, не догнать, – мрачно отозвался я и сунул платок в карман камзола. – Ладно, пошли домой.

– Извини, но у меня важная встреча с герцогом Бургундским, – ответила вероломная Катерина, – так что иди один.

* * *

Немного расстроенный обломом с принцессой, я вернулся в «Голодную Кошку» и заказал обед и бутылку бургундского вина: как говорится, у каждого своя встреча с своим бургундским. Поедая свиную ногу, я рассказал Жюлю о встрече с королем.

– Ну, теперь успех вам обеспечен, – порадовался за меня Жюль. – Получить внимание его Величества дорогого стоит. Теперь можете смело рассказывать всем, что вашей продукцией пользуется сам король.

– Кстати, Жюль, – небрежно сказал я, – во время аудиенции я видел его сестру. Вам что-нибудь известно о ней?

– О Генриетте-Марии? Ну-у, что мне известно?.. – задумался Жюль. – Принцесса – младшая

дочь Генриха IV и Марии Медичи. Отца ее убили, когда малютке было всего пять месяцев, и с тех пор она сначала воспитывалась при дворе старшего брата, Людовика XIII, но потом король рассорился со своей матерью и сослал их обеих в Блуа. Несколько лет назад король с матерью помирились, и принцесса снова вернулась в Париж. Но, насколько мне известно, опять ненадолго – скоро ее Высочество навсегда покинет Францию.

– Это почему? – озабоченно спросил я.

– Дело в том, что она сосватана за Карла, принца Уэльского. Еще ее отец, Генрих, планировал этот брак, так что вскоре принцесса отправится в Англию и станет королевой.

– Вот оно что, – протянул я, – а король, Людовик? Он согласен на брак своей сестры?

– А чего ему возражать? – пожал плечами Жюль. – Французские принцы и принцессы спокон веков женились и выходили замуж за английских. А кроме того, мне кажется, его Величеству все по барабану, – непочтительно отозвался Жюль о своем короле. – Францией реально управляет кардинал Ришелье, первый министр короля. А король делает все, что тот ему велит, это всем известно.

– Жюль, а правда, что служба королю не приносит больших доходов? – перешел я к другой интересующей меня теме. – Как-то странно получается – быть у кормушки и плохо питаться.

– Должности при дворе скорее почетны, нежели доходны, – подтвердил Жюль. – Большинство дворян в долгах как в шелках, у них пустой кошелек и огромные амбиции. Дело в том, что они живут исключительно на ренту, то есть получают доход с земли в виде арендной платы. Но для того, чтобы земля давала доход, ею надо грамотно управлять, а этого большинство дворян как раз и не умеют. Есть, конечно, титулованное дворянство – пэры, принцы крови, у них денег немеряно. Но в большинстве своем дворянство нищает и мельчает. В результате у обнищавших дворян два выхода: либо продать свою землю разбогатевшим торговцам, либо унавозить ее.

– Это как – удивился я?

– А это выражение такое, означает – жениться на дочери богатого торговца. А есть и другое выражение – «покрыть золотом свой герб». Дворянин получает необходимые ему средства, а торговец – причастность к дворянскому сословию, к миру знати.

– То есть дворяне рады были бы получить дополнительный и постоянный доход?

– Еще как рады, – подтвердил Жюль, – беда только в том, что неоткуда им этот доход взять.

– Скоро будет, – пообещал я. – Пустой кошелек и огромные амбиции – это то, что нам нужно, надо начинать активно работать.

* * *

И мы начали работать. Дни полетели один за другим: с утра до вечера мы с Катей, как заведенные, работали на холодных контактах. Ходили на приемы, делали визиты, заводили знакомства и просили новых рекомендаций. Наши ежедневники были сплошь исписаны именами, титулами и адресами. Много, конечно, было пустых контактов, но были и несомненные удачи. Так, например, через Констанцию Бонасье удалось передать набор антистрессовых масок королеве и получить отзывы – продукция понравилась и королева хотела бы приобрести еще.

По вечерам мы без задних ног доплетались до гостиницы, ужинали и подолгу сидели за бутылочкой вина с Жюлем, слушая его рассказы о нравах Парижа и его обитателей. Жюль вообще оказался очень интересным человеком. О себе он, правда, говорить не любил, но даже по коротким отрывкам я понял, что он прожил бурную жизнь, в которой было немало тайн. Непростым, короче, он оказался хозяином гостиницы.

Через месяц нашей бурной деятельности, заглянув в грузовой отсек «Мавры», я увидел, что он пуст – на полу одиноко валялись несколько пробников шампуня и оторвавшаяся этикетка от масла чайного дерева. Весь запас продукции, который мы взяли с собой из Москвы, разошелся без остатка: часть ушла в качестве бесплатных подарков, а другую мы продали.

– Ну что, давай подведем итоги, – предложил я Кате, – и заодно подумаем, что делать дальше.
– Давай, – согласилась Катя. – Итак, что у нас есть в активе: во-первых, мы выяснили, что наша продукция пользуется спросом, и получили много положительных отзывов.

– Во-вторых, – продолжил я, – есть все основания полагать, что многие из тех, кто пользуется нашей продукцией, заинтересуются возможностью зарабатывать деньги. Надо только грамотно сделать им предложение. Вывод: надо создавать сетевую компанию. Ты, кстати, знаешь, как это делать?

– Понятия не имею, – призналась Катя. – А ты?

– Я тоже. Но если рассуждать логически, то прежде всего надо сделать следующее. Первое – определить ассортимент продукции, которую мы будем распространять, и цены на нее. Второе – составить маркетинг-план. Третье – снять помещение под офис и склад. И, наконец, продумать, как технически обеспечивать все бизнес-процессы. Это так сказать, общие направления. Ну как?

– Наполеон нервно курит в коридоре, – съязвила Катя. – Ну что ж, доставай блокнот, ручку и начнем составлять подробный план действий.

Глава 4

Я пролистал свой исписанный контактами блокнот и нашел чистую страницу.

– Внимание, вопрос, – пафосным тоном ведущего передачи «Что? Где? Когда?» произнесла Катя, – с чего нужно начинать создание новой компании? – Я было открыл рот, чтобы поделиться своими идеями, но потом понял, что Катя спрашивала не меня, а воображаемую аудиторию, наверное, представляла себя профессором, читающим лекции в университете. – В первую очередь, – с умным видом сама себе ответила Катя, – нужно определить свою целевую аудиторию и понять, как компания будет позиционировать себя на рынке. Какие будут предложения?

– Кать, сделай лицо попроще, – предложил я, – и сойди с трибуны. Я понимаю, что ты недавно курсовую по маркетингу защитила и теперь слова в простоте не скажешь. А мы люди необразованные, с тремя классами церковно-приходской школы.

– Ладно приbedняться, эти слова ты тоже знаешь. Хорошо, давай попроще, – согласилась Катя. – Как известно, в зависимости от качества и цены продукция делится на mass-market, middle-class и elite. Для окончивших ЦПШ перевожу: для широких слоев населения, для среднего класса и элитная. Соответственно, консультанты сетевой компании должны уметь работать с клиентами определенного сегмента, общаться на их языке, понимать их психологию и так далее. Очень часто начинающий и малообеспеченный консультант, работая с обеспеченными клиентами, допускает ошибку: в первую очередь предлагает им возможность сэкономить деньги. Почему он это делает? Потому что для него самого очень важен именно вопрос экономии. А для его клиента важны другие мотивы, и в результате они не находят общий язык. Кроме того, консультант должен быть в состоянии сам пользоваться продукцией, которую он предлагает клиенту: если его душит «жаба» при мысли о покупке салфетки за 20 долларов, то он думает, что и другие люди по такой цене салфетку не купят.

– И в каком сегменте находится наша продукция? – решил блеснуть умным словом я.

– В Москве она находится в сегменте middle-class. Здесь, я думаю, тоже. Для малообеспеченного населения наша продукция не по карману, а элитные клиенты – члены королевской семьи, в частности, пользуются услугами персональных парфюмеров, которые специально для них готовят косметические средства. Элитные клиенты, конечно, могут заинтересоваться отдельными позициями нашего ассортимента, но не более того: им важно, чтобы с ними работали персонально и эксклюзивно. Поэтому наша целевая аудитория – это рядовые представители дворянства и буржуазии, которые могут себе позволить пользоваться

нашей продукцией. И, соответственно, наши консультанты должны быть представителями дворянства и буржуазии.

– А может быть, стоит ввести отдельную линию продукции по доступным ценам, так сказать, для широких народных масс, – предложил я, – и тем самым расширить круг потенциальных клиентов и консультантов? Ведь чем больше у нас консультантов, тем больше продукции они будут покупать.

– Не уверена, – покачала головой Катя, – большое количество консультантов совершенно не гарантирует большие объемы закупок: бывает, что в распечатке несколько тысяч человек, а тех, кто постоянно закупает, – на порядок меньше.

– Но зато если продукция недорогая, то больше шансов, что ее купят, – не сдавался я.

– Абсолютно ошибочное мнение, – замотала головой Катя, – так думают начинающие консультанты. А на самом деле все наоборот. Дело в том, что дешевая продукция предназначена для покупателей из сегмента mass-market, и этим людям очень сложно что-либо продавать. У них денег в обрез, и поэтому первый вопрос, который возникает у малообеспеченного клиента: «Сколько это стоит и могу ли я себе это позволить?». И его приходится очень долго уговаривать, чтобы он купил твою продукцию, доказывать, что это ему нужно, полезно и так далее. А для покупателя среднего класса ключевой вопрос: «Нравится продукция или нет?». И если нравится, то тогда уже он интересуется ценой. Так что дорогую продукцию продавать гораздо легче, чем дешевую, а кроме того, выгоднее. Этого консультанты тоже сначала не понимают. А я им на школе даю решить простую арифметическую задачку. *Вы покупаете банку крема по 50 рублей и продаете за 75, то есть с 50-процентной наценкой. Чтобы заработать 500 рублей, вам нужно продать 20 банок. А если вы продаете с 50-процентной наценкой банку крема, которую купили за 500 рублей, то вам, для того чтобы заработать 500 рублей, достаточно продать всего лишь 2 банки. Соответственно, вместо 20 клиентов вам достаточно найти двух, и при этом вы экономите силы, время, нервы и деньги на проезд.* И вообще известно, что самые богатые продавцы – не те, кто продает спички, а те, кто продает дорогую элитную недвижимость.

– Ладно, тебе видней, – не стал спорить я, – давай подумаем об ассортименте. Бери прайс-лист и отмечай позиции, которые нам необходимы в первую очередь. Кстати, некоторые позиции сразу же надо переименовывать, учитывая, что мы продаем их в другой стране и в другое время.

– Номером один у нас пойдет комплексная программа ухода за кожей: очищающие, тонизирующие и увлажняющие средства.

– Давай назовем программу «Королевский уход», – предложил я.

– Неплохо, – одобрила Катя, – пойдем дальше: обязательно нужны маски для лица – с алоэ, с глиной, с огурцом. Затем надо включить всю серию дезодорантов – и женских и мужских.

– О, это обязательно, – кивнул головой я, – население тут моется нечасто, с водой напряженка, ванны только у богатых, так что ароматы на приемах, прямо скажем, неблагородные. А мужской дезодорант назовем «Запах кардинала».

– Так, что еще, – продолжала делать галочки в прайс-листе Катя, – очищающие салфетки – в дороге незаменимая вещь, зубные пасты, и – обязательно – антицеллюлитную программу. – Я, когда была с визитом у принцессы Ангулемской, слышала, как она жаловалась на целлюлит. А ведь еще молодая женщина.

– Да, покачал головой я, – вот она, сермяжная правда жизни: мужчины переживают из-за принцесс, а принцессы – из-за целлюлита. Предлагаю антицеллюлитную программу назвать «Идеальная попа».

– Далее – шампуни для всех типов волос, шкатулка с ароматами, обезболивающий гель, кстати, ему надо придумать звучное название.

– Давай назовем «АнтиШпагин».

– Подходит. Так, что еще? БАДы будем брать?

– Ну, можно взять пару-тройку позиций: для сжигания жира, например, для улучшения пищеварения – пищу здесь жирную едят, наверняка проблемы с желудком имеются. И вообще в компании должен быть широкий ассортимент продукции, чтобы консультант мог предложить клиенту как можно больше позиций.

– Спорная точка зрения, – не согласилась Катя. – На мой взгляд, широкий ассортимент выгоден только тем консультантам, которые активно занимаются продажами. А для сетевого большой ассортимент лишь помеха в работе. Идеальный вариант – чтобы в продуктовой линейке было 15–20 ударных позиций, а остальные продукты нужно ротировать, то есть время от времени снимать и заменять новинками. Кстати, у нас все этикетки на русском языке, надо перевести состав и инструкцию по применению на французский, напечатать этикетки и наклеить на банки. Когда станет понятно, какой объем продукции уходит за месяц, можно будет заказать у нас на производстве флаконы уже с французскими этикетками. Так, что дальше?

Дальше – маркетинг-план, – сказал я. – Мне кажется, маркетинг-план можно оставить наш, он

уже проверен, как говорится, временем и доходами. Вот только надо переименовать ранги в карьерной лестнице – приблизить их к здешней реальности и французскому языку.

– Это как? – поинтересовалась Катя.

– Да очень просто: у нас – президенты, директора и так далее, а здесь будут графы, маркизы, герцоги и принцы. И всем сразу будет понятно, кто есть кто в карьерной лестнице. Как тебе такая идея?

– На первый взгляд, идея неплохая, – задумалась Катя, – но сразу же возникает два вопроса: во-первых, что делать, если в компанию приходит настоящий герцог, а мы ему предлагаем квалифицироваться на барона? Будем писать через черточку – герцог-барон? А во-вторых, непонятно, что делать с представителями буржуазии? Как ты себе представляешь: выполняет какой-нибудь хозяин мясной или ювелирной лавки квалификацию и ему присваивается титул графа?

– А что, отличная мысль, – загорелся я, – вводим программу быстрого старта «Стань дворянином быстро». Или специальную программу карьерного роста «Мещанин во дворянстве» – тоже неплохо звучит. Таких идей знаешь, сколько можно придумать?

– Придумать можно много, но развивать ты свои идеи будешь, скорее всего, в Бастилии, – охладила мой пыл Катя, – хочу напомнить, что жаловать дворянство – это привилегия короля.

– Я знаю, – не сдавался я, – но Жюль рассказывал, что буржуа могут приобретать дворянские титулы, отчисляя определенную сумму в казну. То есть человек покупает наследственную должность, поднимается таким образом по социальной лестнице и через некоторое время «одворянивается». А мы это дело на поток поставим, разработаем государственную программу по укреплению рядов дворянства с отчислением определенной суммы в госбюджет Франции. Надо только договориться с нужными людьми.

– Подумаем, – с сомнением покачала головой Катя, – но, во всяком случае, это не с самого начала нужно делать. На мой взгляд, названия рангов должны быть недвусмысленные, чтобы не было никакой путаницы. И кстати, надо заменить слово «спонсор»: во-первых, это не французское слово, а во-вторых, оно мне никогда не нравилось, тоже очень двусмысленное.

– Ну, спонсора мы заменим на слово «сеньор». Мне кажется, оно подходит по смыслу. Жюль, – окликнул я проходящего мимо хозяина, – что означает слово сеньор?

– Сеньор – это от латинского слова senior – старший, – пояснил Жюль, – собственник сеньории, феодал, хозяин.

– Прекрасно, – обрадовался я, – а как называются люди, которые подчиняются сеньору?

– Люди, которые обязаны сеньору личной верностью и службой, зовутся вассалами.

– Вот и отлично, сеньор и его вассалы. А каждый вассал является сеньором для своей первой линии дистрибьюторов. Все очень складно получается.

– Слово «дистрибьютор» мне тоже не нравится, – поморщилась Катя, – давай заменим на консультанта, тем более что во французском языке есть такое слово.

– Хорошо, тогда смотри, что получается с рангами, – я начал набрасывать схему в блокноте. – Человек подписывает контракт с компанией, занимает первую ступень в маркетинг-плане и ему присваивается ранг стажера (Stagiaire). Когда стажер выполняет первую квалификацию, он переходит на вторую ступень и становится инструктором (Instructeur). Третий ранг – старший инструктор (Instructeur supérieur), четвертый ранг – главный инструктор (Instructeur en chef). И на этом первая часть маркетинг-плана заканчивается, а дальше идет лидерская часть, вот тут надо придумать что-то важное и значимое.

– А давай называть консультантов, которые перешли в лидерскую часть маркетинг-плана, грандами, – предложила Катя. – «Гранд» означает великий. У нас будет семь рангов в лидерской части: Серебряный гранд, Золотой гранд, Платиновый, Жемчужный, Бриллиантовый, Алмазный и Изумрудный. А высшую степень в маркетинг-плане – ту, что у нас называется Член Совета Директоров с правом получения бонуса бесконечности, мы назовем Сюзерен, то есть крупный феодал – верховный сеньор территории, от которого зависят все нижестоящие вассалы. И это будет очень круто.

– Отлично, – согласился я. – С дворянами все ясно, а что с буржуазией делать?

– Первую часть маркетинг-плана оставим такую же, как у дворянства, а в лидерской части вместо грандов пусть будут мэтры. «Мэтр» по-французски мастер – человек, достигший высокого умения. По-моему, очень достойное звание. И дальше по тому же принципу – Серебряный мэтр, Золотой и так далее. А вместо Сюзерена – Грандмэтр.

– Принимается, – согласился я. – Еще один вопрос: будет ли у нас ежемесячный личный объем закупок?

– Я считаю, что обязательный личный объем закупок нужен, – твердо заявила Катя. – Мы недавно на нашем лидерском совете эту тему обсуждали, так меня наши лидеры «достали», мол, зачем напрягать людей, надо минимальный объем снижать или вообще отменить, в других компаниях его нет и нам не нужно. Я просто в шоке была, говорю им: вы что, серьезно не понимаете, для чего нужен обязательный объем закупок? А откуда, по-вашему, берется товарооборот, за который вы получаете свое комиссионное вознаграждение? Вы закупаете ежемесячно продукцию на 50 долларов, и каждый ваш консультант закупает на 50 долларов, таким образом и создается товарооборот, от объема которого компания вам платит

комиссионное вознаграждение. А если вы не будете ежемесячно покупать и ваши консультанты не будут, то откуда бонус-то возьмется, умники? Зарабатывать-то вы хотите много. Мне мама рассказывала, когда она в своей первой компании работала, это было в начале 90-х годов, им нужно было в месяц выкупать продукции на 100 долларов. Немаленький, в общем, объем, но народ старался и квалификацию выполнял. А потом лидеры обратились к руководству с предложением снизить личный объем наполовину, мол, новичкам сложно выполнять такую квалификацию, в других компаниях объем меньше, ну и в том же духе. Так как дела в компании шли хорошо, руководство решило пойти навстречу «пожеланиям трудящихся» и снизило минимальную личную закупку вдвое. И что ты думаешь? Ровно вдвое снизился товарооборот и, соответственно, чеки лидеров. Так что ежемесячный обязательный объем закупок нужен, другое дело, что он не должен превышать потребность консультанта и его семьи в продукции, чтобы он пользовался ею, а не под кровать складывал.

– Так, остался еще вопрос: стартовый набор будем делать?

– Обязательно, – энергично закивала Катя, – все как у взрослых: папочку с логотипом компании, а в папочке каталог, маркетинг-план, бланк контракта и брошюру «Первые шаги консультанта сетевой компании». Чтобы новичок сразу же получил представление о том, что ему предстоит делать.

– Это, с одной стороны, правильно, а с другой – начинающему консультанту сразу же придется платить за этот стартовый набор. Мне кажется, что «вход» в бизнес должен быть доступным.

– А мне не кажется, – не сдавалась Катя, – если в компанию легко войти, то легко и выйти. Вот и повалят валом кто ни попадая, а потом неизвестно, что с ними делать. Мы что, переписью населения Франции будем заниматься? Нет уж, пусть лучше человек подумает, перед тем как подписывать контракт, все взвесит, и если решит работать, то пусть покупает стартовый набор со всеми необходимыми ему для работы инструментами.

– Следующий пункт – техническое обеспечение бизнеса, – перелистнул я страницу блокнота.

– Самая большая проблема, которую предстоит решить, – задумчиво сказала Катя, – это как производить расчет бонусов. Смотри: нам нужно фиксировать все сделанные здесь закупки, потом эти записи везти в Москву и там «забивать» в компьютер для расчета.

– К чему такие сложности, – удивился я, – все расчеты должны делаться здесь. Привезти сюда пару компьютеров не проблема.

– Привезти, действительно, не проблема, а к чему ты их будешь подключать? – иронично поинтересовалась Катя. – Построим дамбу на Сене и электрифицируем Париж?

– Ну, это тоже хорошая идея, надо будет обдумать на досуге, – развил я тему, – создадим акционерное общество «Лампочка Ришелье» и проведем электричество в каждый дворец. А если серьезно, то проблема с электричеством решается просто: ставим на крышу несколько мощных ветроэлектрогенераторов со встроенными аккумуляторами и вопрос решен.

– Ну если так, то, конечно, это здорово облегчит задачу, – согласилась Катя. – Еще нам понадобятся калькуляторы, флипчарт с бумагой и маркерами для презентаций и школ. Кстати, где мы будем их проводить?

– Жюль, – опять окликнул я хозяина, – нам для нашего бизнеса нужно снять помещение для хранения товаров и небольшой зал со столами и стульями на три-четыре часа по вечерам. Есть ли у вас что-нибудь подобное на примете или, может быть, вы знаете людей, которые сдают в аренду?

– Насчет склада – это не проблема, – подумав, ответил Жюль, – к гостинице примыкает пустой деревянный сарай – хорошее помещение, надо только запоры покрепче поставить – от воров. И возьму я с вас недорого. А вот с залом сложнее. На три-четыре часа вам его сдавать никто не будет – невыгодно. А кстати, если не секрет, что вы собираетесь в этом зале делать?

– Ну, к нам будут приходить разные люди, мы им будем рассказывать о нашей продукции, бизнесе, проводить с ними занятия, потом они будут общаться друг с другом.

– А кушать они при этом будут? – поинтересовался Жюль.

– Вполне возможно, – сказал я, – проголодаются во время презентации, а потом почему бы им и не перекусить.

– Тогда я вот что предлагаю, – сказал Жюль. – Я могу на три-четыре часа отдавать вам малый обеденный зал, но при одном условии: чтобы после ваших школ участники ваших встреч оставались ужинать.

– Ну, в принципе, это возможно, – сказал я, – кормят у вас очень вкусно, а если вы еще специальную скидку сделаете для участников презентаций, то проблем вообще не будет.

– Договорились, – потер руки Жюль.

– Есть еще одна задача, – сказал я, поблагодарив Жюля и подождав, пока он отправится по своим делам. – Надо продумать схему финансовых потоков. Смотри, что получается: продукцию мы покупаем в Москве за рубли, реализовываем в Париже за французскую валюту XVII века – пистоли и ливры. Часть вырученных денег мы отдаем в сеть как комиссионное

вознаграждение, а на другую часть покупаем в Париже золото и драгоценности, везем в Москву, продаем и опять закупаем продукцию. Тут все надо очень тщательно рассчитать, чтобы не было потерь.

– Да, конечно, – согласилась Катя, – и, кстати, надо все французские «ветки» подписывать в нашу российскую структуру, то есть на всех консультантов оформлять еще и контракт с нашей компанией.

– Зачем? – удивился я.

– Как зачем? Считай, что мы создаем региональную структуру во Франции. Мы же с этих объемов знаешь, какой бонус получать будем?

– Да, действительно, это я не сообразил. И, кстати, совсем вылетело из головы – как компанию-то назовем?

– Наше название не подойдет, слишком российское, – задумалась Катя.

– Давай назовем «Путеводная Звезда», – предложил я. – Чтобы легенду вокруг названия можно было создать. И для презентации хорошее начало: наша компания – это путеводная звезда в темном средневековье. Ее свет озарит вашу жизнь и бла-бла-бла.

– «Бла-бла-бла» – это обязательно, – задумчиво сказала Катя, – ну, давай оставим в качестве рабочего варианта «Путеводную Звезду», в принципе, название неплохое. А миссию компании можно нашу оставить – здоровье и красота для всех.

– Вот тут я с тобой не соглашусь. Миссия у нас, конечно, правильная, но в данных исторических условиях немного неактуальная. Я предлагаю что-нибудь посолиднее, например, возрождение французского дворянства, процветание Франции и укрепление власти монарха. И пусть только кто-нибудь попробует нам палки в колеса вставлять. Мы его сразу нашей миссией и по голове. С такой миссией я как президент компании...

– Ты как кто? – удивленно поинтересовалась Катя.

– Э-э, как президент. А что, есть какие-то возражения? – спросил я.

– Ну-у-у, во всяком случае, есть тема для обсуждения, – нахмурилась Катя. – Почему ты, а не я? Аргументируй, пожалуйста.

– Пожалуйста. Во-первых, потому что это была моя идея – вспомни нашу ссору в парке. Именно благодаря этой ссоре я пошел не с тобой в кино, а к Семенычу, который мне и рассказал про машину времени. Во-вторых, именно я восстановил «Мавру» и привел ее в рабочее состояние. И, в-третьих, президент-мужчина – это убедительней, особенно в средневековой Франции. Поэтому предлагаю: я президент, а ты – вице-президент. Давай, соглашайся, – поспешно проговорил я, видя, что Катерина готовит ответную речь, – женщина

должна уметь идти на компромисс – это во всех женских журналах пишут.

– Тебе видней, я женскими журналами не увлекаюсь, – холодно отреагировала Катя, – предпочитаю литературу по бизнесу. Кстати, о литературе. Надо перевести хотя бы пару книг по сетевому маркетингу, чтобы было, что почитать лидерам.

– Ты не уходи от темы. Как насчет президента?

– Не знаю, надо подумать. Ты меня своими аргументами не убедил. Давай попозже поговорим об этом.

– Хорошо, – подытожил я, – зачитываю окончательный список того, что нужно сделать.

1. Составить прайс-лист на французском языке с ценами и балловым наполнением.
2. Перевести и напечатать каталоги по продукции, бланк дистрибьюторского соглашения и несколько книг по сетевому маркетингу.
3. Внести изменения в компьютерную программу расчета бонусов.
4. Перевести этикетки на банках с продукцией на французский язык.
5. Закупить и привезти ветроэлектрогенераторы, оргтехнику и канцелярские принадлежности.
6. Оборудовать склад и пункт выдачи продукции.

– Ничего не забыли?

– Вроде все, – сказала Катя, – вернее, потом, конечно, еще что-то наверняка всплывет, но уже по мелочи.

– Осталась одна большая мелочь, – напомнил я, – для того, чтобы все наши планы начали осуществляться, необходимо, чтобы Семеныч вернулся. Между прочим, больше месяца уже прошло с тех пор, как он уехал.

– Ты думаешь, что-то с ним случилось? – обеспокоено поинтересовалась Катя.

– Жизнь такая штука – случиться может все, что угодно, – философски заметил я. – Самый простой вариант – это если «Мавра» сломалась. Тогда я не беспокоюсь, Плюхин ее по-любому починит. А вот если программа управления дала серьезный сбой, и Семеныч, заплутав в пространстве и времени, ищет нас где-нибудь в Новой Гвинее, то это уже гораздо хуже.

– Ну и что будем делать в этом случае? – задумалась Катя.

– Ну что? – пожал я плечами. – Я в мушкетеры пойду – д'Артаньян замолвит за меня словечко перед де Тревилем. – А ты?

– А я буду делать сетевую компанию, – решительно сказала Катя. – Я не привыкла менять свои планы. А вообще, надо думать о позитивном исходе событий, поэтому прямо с

завтрашнего дня предлагаю начинать проводить презентации.

– Без товара, без всего? – поразился я.

– С товаром мы людей познакомили, а приглашать в бизнес можно и без продукции – мы же на презентации будем говорить о возможностях, которые даст людям сетевой маркетинг. Мама рассказывала, что они так начинали работу в сетевой компании 10 лет назад. В наличии у них были только бланки контрактов, да и то на английском языке. И они три месяца проводили презентации, подписывали людей, собирали деньги, делали заказы и только на четвертый месяц получили продукцию.

– Да-а, – восхитился я, – это же какой силой убеждения и уверенностью в себе надо обладать, чтобы так действовать.

– Ну так, – с гордостью сказала Катя, – не случайно мама сейчас в первой десятке лидеров. А, кстати, ты знаешь, в чем отличие лидера от нелидера? Лидер всегда готов действовать в ситуации неопределенности, он готов рискнуть, когда шансы на выигрыш очень туманны, и поэтому он либо крупно выигрывает, либо крупно проигрывает. А нелидер предпочитает действовать только тогда, когда ситуация более-менее ясная и шанс на проигрыш невелик. Как в рулетке – можно поставить тысячу долларов на число и выиграть несколько десятков тысяч. А можно ставить по доллару на черное\красное. Риск небольшой, но и выиграть ты сможешь немного.

– А ты когда это в рулетку-то играла? – поинтересовался я.

– Да, было дело, когда мы в прошлом году в Лас-Вегас ездили, я промоушн выиграла. Так что, Леша, подумай и скажи: ты готов рисковать по-крупному?

– Иными словами, ты предлагаешь подумать, лидер я или нет? – уточнил я.

– Вот именно, – подтвердила Катя.

– Завтра же начинаю проводить информационные встречи, – твердо заявил я. – И предлагаю соревнование: кто больше подпишет людей за месяц.

– Идет, – согласилась Катя, – а кто выигрывает, тот и станет президентом, договорились?

Мне ничего не оставалось как согласиться.

Глава 5

Первым, к кому я решил обратиться с деловым предложением, был д'Артаньян. Умный, решительный и предприимчивый гасконец, на мой взгляд, идеально соответствовал образу преуспевающего лидера-сетевика. Нужно было только грамотно сделать ему предложение. По

моим подсчетам д'Артаньян должен был сегодня утром смениться с дежурства, поэтому я отправился прямо к нему домой, на улицу Могильщиков. Не дойдя до дома пару десятков шагов, я услышал громкий шум, крики, а затем увидел, как из двери кубарем выкатились два человека в одинаковых черных камзолах. Вслед за ними по замысловатой траектории пронеслась массивная деревянная табуретка и с грохотом разбилась о стену дома напротив. Бормоча на ходу проклятия и потирая ушибленные места, люди в черном поспешно затрусили по улице.

Я осторожно заглянул в дом и увидел д'Артаньяна, потирающего кулак, и господина Бонасье, склонившегося в благодарном поклоне.

– Ладно, господин Бонасье, не стоит благодарности, после сочтемся, – небрежно проговорил д'Артаньян. – Алекс, заходи, рад тебя видеть, у нас тут разборки небольшие, не обращай внимания. Господин Бонасье, велите подать вина мне и моему гостю.

Трактирщик мгновенно исчез в погребе, а д'Артаньян, заметив, что я сгораю от любопытства, прокомментировал ситуацию.

– Видишь ли, жена трактирщика, Констанция, служит кастеляншей в Лувре, и она оказалась замешана в некую таинственную историю, связанную с... э-э-э... довольно высокопоставленными людьми. Подробности я пока сам толком не знаю, но факт в том, что несколько дней назад ее похитили, представляешь? А мужу подкинули записку, мол, жену не ищи, а то хуже будет. Ну, он и обратился ко мне за помощью. А у меня к Констанции свой интерес, – понизив голос и оглянувшись, добавил д'Артаньян, – поэтому я и взялся помочь ее найти. И тут являются эти два прохвоста и хотят арестовать господина Бонасье. Ну, я им и начистил физиономии, причем с удовольствием и, к тому же, смею надеяться, не бесплатно.

– В каком смысле? – удивился я.

– В том смысле, что я за свою комнату уже три месяца не плачу, – пояснил д'Артаньян, – денег нет, так с нынешнего дня, наверное, и вовсе не буду – трактирщик-то теперь у меня в долгу. Кроме того, за дальнейшие услуги по защите г-на Бонасье от различного рода неприятностей можно получить от него еще пару десятков пистолей. Человек он обеспеченный, пусть раскошеливается, – потер руки д'Артаньян.

– Шарль, ты меня извини, конечно, – деликатно начал я, – но, по-моему, ты какой-то фигней занимаешься. Благородный дворянин, мушкетер его величества – и «крышует» какого-то трактирщика. Да и потом, если в этом деле замешаны серьезные люди, то даже твоя доблестная шпага не поможет – законопатят тебя в Бастилию и дело с концом.

– Да это я понимаю, – с сожалением признался д'Артаньян, – с кардиналом связываться – себе

дороже, это ведь его интриги – хочет поссорить короля с королевой, да еще герцог Бекингэм там завязан, в общем, большая игра идет, и легко можно спалиться. Но что делать, – вздохнул гасконец, – деньги позарез нужны, так что выбирать не приходится. – Отнесите бутылки наверх, – обратился он к вылезавшему из погреба г-ну Бонасье, – и велите подать завтрак на двоих. Пойдем Алекс, перекусим, а то я с дежурства, голодный как конь. Я давно нашему капитану твержу, пусть пробьет идею, чтобы мушкетеров горячими завтраками обеспечивали. А то за ночь намерзнешься, пока на посту стоишь, проголодаешься, а под утро такие запахи из королевской кухни доносятся – хоть шпагу глотай. Нет, мало у нас еще о защитниках престола и отечества думают. А ведь верность государю – она не только в сердце, а и в желудке должна быть.

Пока мы поднимались по узкой лестнице в мансарду, где находилась комната д'Артаньяна, я обдумывал, с чего начать разговор. А что, если провести с Шарлем коучинговую беседу, как нас учили на тренинге? Узнаю, чего он хочет, а потом предложу решение его проблемы. От завтрака я отказался, и пока д'Артаньян уминал двойную порцию жареных перепелов, запивая их испанским портвейном, я обдумывал детали разговора. Наконец, д'Артаньян сыто отвалился на спинку стула.

– Вот ты говорил, Шарль, что, мол, жизнь такая, выбирать не приходится, – осторожно продолжил я тему. – А если бы у тебя была возможность выбора, как бы ты хотел жить?

– В роскоши и богатстве, – не задумываясь, отреагировал д'Артаньян.

– Это понятно, а конкретнее? Представь себе, что у тебя есть неограниченные средства, и ты можешь жить, так как захочешь.

– Ну-у-у, – задумался Шарль, – во-первых, я бы восстановил наше родовое поместье – Артаньян. Отремонтировал бы отцовский замок, подкупил еще землицы.

– А почему для тебя это важно? – поинтересовался я.

– Как почему? – вскинулся Шарль. – Да ты знаешь, что наш род один из самых древних в Гаскони? Мои предки воевали в крестовых походах с французскими королями. И вообще наша семья была очень богатой, это потом мы обеднели, земли распродали, и вот теперь я вынужден, как ты выражаешься, «крышевать» трактирщика. Это я-то, потомок соратника Карла Великого! Так что я очень хочу восстановить богатство и величие нашего рода.

– Да, это благородная идея, – подбодрил я д'Артаньяна, – а что ты будешь делать после того, как выкупишь земли и отстроишь замок?

– После этого я женюсь, – признался д'Артаньян. – Пару лет назад я ухаживал за дочкой нашего соседа – виконта де Бриссака. Ну и рассчитывал на взаимность. Со стороны дочки,

понятное дело. Сам-то виконт и слышать не желал о том, чтобы мы поженились, зачем ему зять, с которого нечего взять. О – стих придумал – зять, с которого нечего взять. Я, честно говоря, из-за этого и в Париж уехал. Как говорится, несчастная любовь. Ну а коль у меня деньги будут, то виконту и деваться-то некуда – отдаст за меня свою дочку. Поженимся мы с Мадлен, и будет у нас четверо детей – трое мальчиков и девочка. И заживем мы в достатке и в свое удовольствие, – мечтательно произнес д'Артаньян, прошелся блуждающим взглядом по неказистой обстановке комнатухи и уставился на здоровенного паука, который собирался позавтракать предсмертно жужжащей в паутине мухой. – Эх, Алекс, ну зачем ты завел этот разговор, – расстроено продолжил д'Артаньян, швырнул в паука ботфортой и потянулся за остатками портвейна. – Только душу разбередил – ведь все это мечты, которым не суждено сбыться.

– А почему не суждено? – удивился я.

– Да потому что денег на все это надо немерено, – в сердцах воскликнул д'Артаньян, – ты хоть знаешь, сколько стоит земля в наших местах? Где я такие деньжищи достану? Дворянин может заработать только в двух местах: на службе королю или на войне. Служба королю в качестве мушкетера больших доходов не приносит, я тебе уже говорил. А войны сейчас никакой нет.

– Есть и третий вариант для благородного дворянина достигнуть своей цели за короткий срок, – сказал я, – хочешь, расскажу?

– Ну, давай, – недоверчиво сказал д'Артаньян.

– У нас в России многие люди сталкиваются с такими же проблемами, как у тебя, – начал я издали. – Хочется жить в свое удовольствие, легко и красиво, но при отсутствии изрядного капитала или наследства от родителей путь наверх занимает очень много времени и сил. Поэтому умные люди придумали быстрый и эффективный способ самостоятельно добиться богатства и процветания. Я этим способом воспользовался и хочу предложить тебе. Я и Катя создали компанию, которая называется «Путеводная звезда», и хотим помочь молодым и честолюбивым людям, которые волею судеб оказались без состояния и поддержки, продвинуться в обществе и занять в нем достойное место.

– Идея хорошая, – одобрительно кивнул д'Артаньян. – И как вы помогаете?

– Объясню на примере. Помнишь, я тебе подарил косметический набор: дезодорант, ароматическое масло и пену для бритья?

– Помню, – опять кивнул д'Артаньян, – хорошая штука, часто пользуюсь.

– А как ты думаешь, твои друзья-мушкетеры захотели бы иметь такой же дезодорант?

– Конечно, – усмехнулся д'Артаньян, – ко мне лейтенант Деверо уже несколько раз подходил перед свиданием с вдовушкой Шанту, просил побрызгаться.

– Отлично, – кивнул я, – в следующий раз, когда Деверо подойдет к тебе и попросит побрызгаться, скажи ему: господин Деверо, вы можете пойти и купить этот дезодорант – и дашь ему адрес лавки, в которой он продается. Деверо идет в лавку, говорит, что его прислал д'Артаньян, и покупает дезодорант.

– А если он не захочет купить? – засомневался д'Артаньян. – Этот Деверо редкостный жмот, из моего дезодоранта на себя попшикать – это пожалуйста, а вот чтоб пойти и самому купить – да он треснет от жадности.

– А вот это уже твоя задача – сделать так, чтобы он захотел купить. А для этого тебе нужно объяснить ему, что, регулярно пользуясь дезодорантом, он будет источать ароматы не потной лошади, только что вернувшейся из многолетнего крестового похода, а изысканного влюбленного кавалера, и что благодаря этому обстоятельству его шансы на успех у вдовы Шанту значительно увеличатся.

– Ну, предположим, купит Деверо дезодорант, а дальше что? – спросил д'Артаньян.

– Дальше ты каждому встречному рассказываешь о том, что у тебя появился дезодорант с такими чудодейственными свойствами, что даже Деверо (вы ведь знаете Деверо?), побрызгавшись этим дезодорантом, снискал расположение вдовушки Шанту. А сам ты с того момента, как у тебя появился новый дезодорант, начал чувствовать себя увереннее и бодрее, и поэтому ты всем рекомендуешь приобрести это замечательное средство. Где его приобрести? Да вот, пожалуйста, адресок. И все эти люди приходят в лавку и покупают по флакону дезодоранта. А в конце месяца в лавку приходишь ты и получаешь, к примеру, 20 экю.

– Это за что? – удивился д'Артаньян.

– А в этом-то и заключается суть способа, о котором я тебе рассказывал. Наша компания выплатит тебе определенный процент с тех денег, которые заплатят люди, которым ты порекомендовал приобрести дезодорант. Ведь это благодаря тебе они узнали о нем, и пришли за покупкой. И чем больше людей придут за покупками по твоей рекомендации, тем больше денег ты заработаешь.

– Хм, неплохо придумано, – похвалил д'Артаньян, – идея мне нравится. Главное, делать ничего особенно не надо. Ладно, можно попробовать. Но все равно, Алекс, на заработанные таким образом деньги я, конечно, смогу жить лучше, чем сейчас, но на осуществление моей мечты их все равно не хватит.

– Не хватит, – согласился я, – поэтому «Путеводная звезда» предлагает тебе еще один источник дохода; слушай внимательно и смотри. Я открыл блокнот и быстро нарисовал человечка со шпагой.

– Вот это ты.

– Усы пририсуй, – критически осмотрел свое изображение д'Артаньян.

– Усы здесь не главное, – отмел я критику. – Главное, что ты, заключив соглашение с нашей компанией, начал активно рекомендовать другим людям приобретать ее продукцию и регулярно получать за это деньги. Ходишь ты, довольный жизнью, угощаешь своих товарищей роскошными обедами с дорогими винами, одеваешься у лучших портных в самые модные камзолы, переезжаешь из этой дыры в первоклассную гостиницу. В общем, как говорится, цветешь и пахнешь – в прямом и переносном смысле. И твои друзья начинают приставать к тебе и допытываться – а где же ты, любезный д'Артаньян, берешь средства на такую роскошную жизнь? Ведь еще недавно ты был гол как сокол, ходил в драных ботфортах и не платил за комнату по три месяца. И вдруг такие перемены. Что ты им скажешь?

– Ну, – задумался Шарль, – я им могу соврать, что дела нашей семьи в Артаньяне пошли в гору и я начал получать доход с моих земель. Или что я нашел богатую любовницу.

– Ответ неправильный, – покачал головой я. – Ты им говоришь чистую правду, а именно: что в городе Париже появилась компания «Путеводная звезда», которая предложила тебе, благородному дворянину, человеку, пользующемуся уважением среди королевских мушкетеров, взаимовыгодный договор. Согласно этому договору ты пользуешься определенной косметической продукцией, рекомендуешь эту продукцию другим людям и за это получаешь деньги.

– Не понял, – изумился д'Артаньян, – зачем мне им это говорить? Ведь они все кинутся к тебе и захотят, чтобы ты им тоже платил деньги.

– Именно, – торжествуя воскликнул я и быстро нарисовал под человечком со шпагой еще нескольких фигурок. – Только они не сами прибегут, а ты их к нам приведешь. А мы их всех «подпишем» под тебя, эти люди войдут в твою организацию, а ты будешь их сеньором, а они твоими вассалами.

Лицо д'Артаньяна оживилось.

– Сеньором, говоришь? Здорово, а сколько вассалов у меня будет?

– Столько, сколько ты пригласишь. Все зависит от тебя.

– А что они должны будут делать?

– Они должны будут делать то же самое, что делаешь ты: пользоваться нашей продукцией

(предварительно, естественно, ее купив), рассказывать о ней своим друзьям и знакомым и приглашать их в вашу организацию. А теперь внимание: предположим, ты пригласил 5 своих друзей, и каждый из них пригласил еще по 5 своих друзей. А те, в свою очередь еще по 5 своих друзей. Сколько будет всего? Ладно, подскажу, 125 человек. Теперь представь себе, что каждый из них купит продукции хотя бы на 10 экю. Общий объем их закупок составит 1250 экю, и в этом случае, ты как их сеньор, получишь примерно 125 экю комиссионного вознаграждения.

– Ничего себе, – покачал головой д'Артаньян, – и что, это на самом деле реально?

– Реальной некуда, – заверил я гасконца. – А теперь скажи мне, сколько солдат в личной королевской гвардии?

– Точно не скажу, – задумался д'Артаньян, – кроме мушкетеров есть еще полк швейцарцев и гвардейцев, но думаю, не меньше десяти тысяч человек.

– Ну, вот, а теперь подсчитай: если в твою организацию войдет хотя бы четверть от этих людей, и каждый из них возьмет за правило 1 раз в месяц покупать по 1 флакону дезодоранта? Сколько ты будешь получать?

– Алекс, подсчитай ты, – взмолился д'Артаньян, – у меня с устным счетом не очень.

– Точно твой заработок я смогу рассчитать только тогда, когда увижу, какую ты создал организацию, здесь много деталей. Ты о них узнаешь, когда будешь изучать маркетинг-план. А сейчас я тебе могу сказать, что в среднем твой заработок составит приблизительно 10 % от всего товарооборота твоей организации. То есть, если вассалы твоей структуры закупят продукции в месяц на 10 тысяч экю, то твой заработок составит 1000 экю, то есть 12 тысяч в год.

– Обалдеть, – покачал головой д'Артаньян, – да господин де Тревиль, капитан королевских мушкетеров, получает жалованье 10 тысяч экю в год.

– Господин де Тревиль к этому жалованью шел не один десяток лет, – напомнил я, – а ты будешь зарабатывать такие деньги уже через год. При условии, конечно, что начнешь активно действовать. А теперь представь себе, три года такой благородной деятельности – и ты больше не зависишь от прихотей судьбы – она у тебя в руках. Ты богат, можешь возвращаться в Гасконь, выкупать отцовские земли, отстраивать замок Артаньян и жениться на своей Мадлен.

Минуты три д'Артаньян возбужденно вращал глазами, а затем хрипло сказал:

– Когда я покидал родной дом, мой отец на прощанье сказал мне: сынок, на голове случая растет только одна прядь волос, за которую можно ухватить. Не упусти ее.

– Твой отец был совершенно прав, – заверил я д'Артаньяна, – и это та самая прядь, хватай.

– Ну что ж, – решительно заявил гасконец, – я готов, с чего начинать?

– Начнем с составления списка твоих знакомых, – сказал я. – Вот тебе листок, пиши имена всех, кого ты знаешь в Париже.

– Алекс, да у меня половина Парижа знакомых, – заявил хвастливый гасконец, – на одном листке не уместятся, – и выразительно посмотрел на мой блокнот с фирменной символикой.

– Намек понял, – внутренне ликуя, сказал я и протянул Шарлю блокнот. – Теперь это твой, пиши.

Д'Артаньян сходу написал штук тридцать фамилий и затормозил.

– Что, – подколот я гасконца, – в Париже живет всего шестьдесят человек?

– Да нет, я просто думаю, Бернажу писать в этот список?

– А вот думать не надо, – вспомнил я руководство по составлению списка знакомых, – пиши всех, кого ты знаешь, с кем когда-либо встречался. И еще одно правило: не решай за человека, будет ли он заниматься нашей деятельностью или нет, просто записывай.

– Да не в том дело, – озабоченно сказал д'Артаньян, – у меня с Бернажу назначена дуэль на завтра. Так что он, считай, уже бывший знакомый.

– А из-за чего дуэль? – поинтересовался я.

– Да я толком и не помню уже, – смущенно признался д'Артаньян, – то ли он мне дорогу не уступил, то ли я ему. Короче, завтра, в шесть часов за Люксембургским дворцом, ну ты знаешь.

– Знаю, – с содроганием подтвердил я, вспомнив, как чуть не лишился жизни в первый же день приезда в Париж. – Слушай, Шарль, а у этого Бернажу много знакомых?

– У него в знакомых ходит вся вторая половина Парижа, – сострил д'Артаньян, – собственно говоря, поэтому мы и деремся: после того, как я его убью, ни у кого не останется сомнений, что я лучший фехтовальщик и самый галантный кавалер.

– А теперь давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны, – предложил я. – Представь себе, что ты не убиваешь Бернажу, а приглашаешь в свою организацию. Что произойдет в этом случае? – Я схватил листок со схемой и быстро пририсовал еще одну фигурку.

– Ну, во-первых, я стану его сеньором, а он моим вассалом, – быстро сообразил д'Артаньян, разглядывая пополнение. – А во-вторых, он приведет в мою организацию всех своих знакомых, и мои доходы увеличатся.

– Ты прирожденный руководитель, – похвалил я д'Артаньяна.

– А то! – скромно признал Шарль. – Ладно, убить я его всегда успею, надо придумать, как его похитрее пригласить в свою организацию. О, есть идея: на дуэли я выбью шпагу из его руки, приставлю клинок к горлу и скажу: сударь, если хотите остаться в живых, подпишите эту бумагу.

– В принципе, неплохо, – похвалил я Шарля, – так многие сетевики действуют; твой напор и натиск могут привести к тому, что Бернажу под угрозой смерти подпишет контракт. Но ведь твоя задача заключается не в этом. Он же должен регулярно рекомендовать своим знакомым нашу продукцию и приглашать их в вашу организацию. Ты же не сможешь ходить за ним постоянно со шпагой у горла?

– Не смогу, – с сожалением согласился д'Артаньян, – проще сразу его убить. Ладно, я подумаю, что делать, до завтра время еще есть.

Через полчаса список д'Артаньяна насчитывал уже 97 фамилий.

– Но это еще не все, просто я устал после дежурства, посплю немного и на свежую голову еще человек сто напишу, – пообещал д'Артаньян, протянув мне блокнот. Я взглянул: возглавляли список имена Портоса, Атоса и Арамиса.

– Это первые люди, с которыми я познакомился в Париже, – пояснил д'Артаньян, – с тех пор мы друзья не разлей вода, как говорится, один за всех и все за одного.

– Вот и отлично, – сказал я, – пригласи их сегодня на ужин в «Голодную Кошку». Причем назначь встречи с интервалом в полтора часа. А я как бы случайно спущусь и присоединюсь к вашей беседе. Это называется встреча «два на один». Только надо заранее продумать, как лучше провести беседу с каждым из них. Ну, до вечера.

Глава 6

Оставив гасконца отсыпаться, я начал методично обходить людей из своего списка, которые приобретали нашу продукцию, и с каждым из них проводил такую же беседу, как с д'Артаньяном. Результаты были неплохими – безденежным дворянам жутко нравилась идея подзаработать пистолей за счет рекомендаций, и список желающих присоединиться к «Путеводной Звезде» рос как на дрожжах.

По дороге домой я заскочил в Лувр повидаться с де Бламанжем, который заказывал у меня увлажняющий крем для рук, – пришлось извиниться и сказать ему, что крема закончились и будут только через неделю. Бламанж недовольно поморщился, но промолчал. Размышляя о

том, что если Семеныч застрянет в лабиринтах времени и мы останемся без продукции, то нам с Катькой одна дорога – на плаху, я двинулся к выходу. Однако у боковых дверей я заметил хорошенькую служанку, которая знаками пыталась привлечь мое внимание. Я подошел поближе и уже было раскрыл рот, чтобы поинтересоваться, что ей нужно, но она вдруг развернулась и пошла прочь. Удивленный, я двинулся за ней. Минут 10 мы шли по нескончаемым коридорам Лувра, бесчисленное количество раз поворачивая то направо, то налево, и, наконец, оказались перед закрытой дверью. Служанка открыла дверь своим ключом, и мы вошли в небольшую комнату. Стены были покрыты гобеленами с рисунками, изображавшими охотничьи сцены. В углу стояла широкая резная кровать с шелковым балдахинном. Рядом с кроватью расположился резной столик, а на нем – серебряный канделябр с четырьмя горящими свечками. Служанка скрылась за занавеской, загораживающей вход в другую комнату, оттуда раздались какие-то звуки и шепот, затем занавеска вновь распахнулась и из-за занавески показалась принцесса Генриетта-Мария. Сделав несколько шагов навстречу, она протянула мне руку. Обалдев от неожиданности, я склонился в поцелуе, на ходу соображая, что если я и на этом свидании облажаюсь со своим скудным словарным запасом, то всю оставшуюся жизнь буду посещать курсы французского языка для умственно отсталых неудачников. К счастью, за последний месяц у меня было достаточно языковой практики, и помимо сочного слэнга мушкетеров его величества я успел овладеть и изящными оборотами, с которыми было принято обращаться к дамам высшего общества. Кроме того, я решил воспользоваться одним из мудрых советов Семеныча – «если не знаешь, что сказать женщине, смело говори, какая она красавица. После можешь нести любую чушь, все равно ты уже произвел впечатление умного человека».

– Ваше высочество, – сказал я, глядя принцессе прямо в глаза, – прикажите вашей служанке погасить свечи – ваша красота настолько ослепительна, что дополнительное освещение абсолютно излишне. – Принцесса едва заметно улыбнулась, и я понял, что репутация умного собеседника у меня уже в кармане. – Скажите, – продолжил я, – могу я узнать, чем заслужил встречу с самой прекрасной женщиной Франции?

– Дело в том, сударь, – сказала Генриетта-Мария, – что во время приема у короля Людовика мне показалось, что вы собирались сказать мне что-то важное, но помешали обстоятельства.

– Верно, – подтвердил я, – обломали нам тогда разговор, – вы, кстати, платочек свой уронили, с гербом, помните? А я подобрал.

– Вы хотите мне его вернуть? – поинтересовалась принцесса.

– Боже упаси, – с притворным ужасом замахал я руками, – эта вещь навсегда останется со

мной, чтобы служить напоминанием о нашей встрече.

– Так вот, – удовлетворенно продолжила Генриетта-Мария, – сегодня из окна своей комнаты я увидела, как вы входили в Лувр, и решила дать вам возможность договорить.

– Благодарю вас, это очень любезно с вашей стороны, – я снова отвесил изящный полупоклон, жалея, что у меня не осталось ни одного косметического пробника, который можно было подарить принцессе. – А что я хотел вам сказать тогда, если честно, толком и не помню, – признался я. – Просто знаете, так бывает: встретишь человека, и возникает такое чувство, ну, как бы вам объяснить, в общем, хочется его снова увидеть и просто поговорить. У вас такое бывало когда-нибудь?

– Да, конечно, – слегка покраснев, сообщила принцесса, – собственно говоря, поэтому я и устроила нашу встречу. Ну, хорошо, давайте просто поговорим. Расскажите мне немного о себе и о стране, из которой вы приехали.

Говорили мы часа полтора, причем большую часть времени трывдел я – уж очень мне хотелось покрасоваться перед принцессой. Поэтому, рассказывая о России, я решил представить нашу страну лидером в области технического прогресса и наплел раскрывшей от удивления рот Генриетте-Марии про самодвигающиеся кареты, сундуки с живыми картинками и трубки, с помощью которых можно переговариваться на расстоянии. Подбадриваемый восхищенными взглядами принцессы, я чуть было не потерял чувство реальности и перешел к красочному описанию полета Юрия Гагарина в космос. К счастью, в это время вошла служанка и что-то прошептала на ухо принцессе.

– Простите, сударь, но мне пора идти, – сказала принцесса, – спасибо, вы замечательный рассказчик, и я прекрасно провела время.

– А я еще и на гитаре играть умею, – похвастался я тоном кота Матроскина, – и песни пою – про любовь и вообще.

– О, это замечательно, – расцвела принцесса, – на следующей неделе во вторник я устраиваю прием в малом зале Лувра, обязательно приходите.

– Непременно, – обрадовался я, – до встречи.

– А, кстати, – жестом остановила меня принцесса, – кто та красивая девушка, с которой вы приехали в Париж и которая сопровождала вас на приеме?

– А это Катя, моя кузина, – неожиданно для самого себя соврал я.

– Кузина? – переспросила Генриетта-Мария.

– Да, мы росли вместе, – на сей раз я не погрешил против истины.

– Вы можете придти на прием вместе с ней, – предложила принцесса.

– Благодарю Вас, Ваше высочество, – я последний раз поклонился и направился к выходу.

В «Голодную кошку» я возвращался как на крыльях. Единственное, что слегка портило мне настроение, – это мысль о том, с какой быстротой я перевел Катю в разряд кузин. Хотя, с другой стороны, Катя же сказала Рошфору, что я ее двоюродный брат, так что мы квиты. А на прием к принцессе я, естественно, Катьку брать не собирался: что-то подсказывало мне, что этим двум девушкам лучше друг с другом не общаться.

В кулинарной программе Жюля в этот вечер первым номером значилась баранья печенка. Едва я успел откусить первый кусок, как в обеденный зал вошел свеженький и выпавшийся д'Артаньян. Я приглашающим жестом помахал ему вилкой.

– Вот, как обещал, – гордо сказал гасконец, усаживаясь за стол и протягивая мне блокнот. Я взглянул и ахнул – в списке знакомых д'Артаньяна было 135 фамилий.

– Ну, ты силен, – восхитился я, – теперь осталось лишь пригласить этих людей в твою организацию, и считай, ты в шоколаде. Как насчет сегодняшних встреч – кто из твоих друзей придет первым?

– Я назначил Портосу на шесть часов, – сказал д'Артаньян, – скоро должен подойти.

– Отлично, а пока его нет, расскажи мне о нем все, что знаешь: о его пристрастиях, привычках, глубинных ценностях – чтобы мы могли подобрать нужные аргументы для беседы. Вина себе налей – вон бокал чистый стоит.

– Да какие там у Портоса глубинные ценности, – с сомнением произнес д'Артаньян, потянувшись за бутылкой бургундского, – парень прост, как сапог мушкетера. А вообще мы с ним в чем-то похожи. Не в смысле два сапога пара, а в плане жизненного пути. Портос родом из Нормандии, младший сын в обедневшей дворянской семье. А у нас ведь по обычаю как заведено: все наследство достается старшему сыну, а остальные получают отцовское благословение и пинок под зад. А дальше крутись, как хочешь.

– Ну да, – вспомнил я, – старшему сыну – мельница, среднему – осел, а младшему – кот.

– Ну, что-то типа этого, – кивнул головой д'Артаньян. – В Париж Портос приехал года три назад, правда без кота, может, потерялся по дороге, не знаю. Поболтался немного в поисках заработка и поступил в мушкетеры, с тех пор и тянет лямку. Денег у него почти никогда не бывает, но в отличие от меня он в этом не признается – как говорится, понты дороже денег. Тщеславный – я тебе передать не могу. Мы, кстати, с ним смешно познакомились: я нечаянно сдернул с него плащ, и все увидели, что у Портоса перевязь только спереди шита золотом, а сзади, под плащом, из обыкновенной кожи. Вот смеху-то было! Он меня, правда, на дуэль за

это вызвал, но все обошлось. Так, что еще? Живет Портос в большой и на вид роскошной квартире на улице Старой Голубятни. Причем к себе никого никогда не приглашает, так что никто не знает, какие «богатства» скрываются в этой квартире. Любит всем хвастаться своими успехами у женщин: то у него адюльтер с герцогиней де... (ну вы понимаете, господа, я не могу назвать ее имени), то он тайно встречается с графиней де.... (ну вы понимаете господа, что ее имя слишком известно в определенных кругах...). При этом все знают, что на самом деле он спутался с женой старого прокурора, которая, к слову, сама уже далеко не первой свежести. Ее муж вот-вот перейдет в мир иной, и прокурорша унаследует его состояние. Ну вот Портос и крутится около нее, надеется, что и ему что-нибудь перепадет. Еще любит врать, что у него полно знакомых из дворцовой знати, типа он вхож в лучшие парижские дома. Ну, вот, пожалуй и все.

– Ну ладно, – сказал я, – ты тогда вот что сделай: расскажи ему, что принял мое предложение, но его самого в компанию не приглашай, а спроси, не может ли он порекомендовать тебе парочку своих знакомых герцогов и графинь, которым нужны косметика и парфюм.

– Так, следующая встреча у нас будет с Арамисом, – сказал д'Артаньян, – вот уж кто непростой парень.

– А что в нем такого сложного? – поинтересовался я.

– Такое впечатление, что Арамис всегда вовлечен в какие-то тайны, интриги и заговоры. Постоянно получает от неизвестных лиц запечатанные перстнями записочки, вечно у него какие-то платочки обнаруживаются с вышитыми вензелями царственных особ, ну и все в том же духе. Очень любит во время общей пирушки, когда веселье в самом разгаре, извиниться и с таинственным видом исчезнуть (и, кстати, не заплатить при этом свою долю за обед), типа у него какие-то срочные дела образовались. И вообще всячески подчеркивает, что он не такой, как все мы, а особенный. Как-то он проговорился, что в юности готовился принять сан священника, но потом у него случилась какая-то любовная история, которая завершилась дуэлью, и вместо рясы ему пришлось надеть плащ мушкетера. В бою он храбр, этого у него не отнимешь. И на дуэли может за себя постоять, правда, дерется как-то скучно, без вдохновения: кварт слева, кварт справа, вольт справа, вольт слева, противник падает пронзенный насквозь, а Арамис с постным видом уже читает над ним заупокойную молитву. Что еще? Бабник он, конечно, фантастический, вечно вертится возле дамских юбок и пользуется реальным (в отличие от Портоса) успехом. И любовница у него, действительно, герцогиня, и не кто-нибудь, а де Шеврез, ближайшая подруга королевы Анны Австрийской.

Деньжата у него водятся, откуда – неизвестно. Сам Арамис утверждает, что ему, якобы, платит издатель за сонеты, которые он сочиняет. Читал я эти сонеты, по-моему, деньги за них могут платить только женщины, которым он эту чушь посвящает. В общем, Арамис живет, не тужит, но при этом постоянно твердит, что, дескать, он мушкетер временный, а в душе слугитель бога и скоро осуществит свою мечту: наденет рясу и удалится в лоно церкви. Хотя, честно говоря, я думаю, что это у него такой способ соблазнять женщин. Мол, завтра я стану аббатом и дам обет безбрачия, а сегодня, так уж и быть, прыгай в койку, пока не поздно.

– Все понятно, – сказал я, – думаю, что надо поступить так: когда Арамис придет на встречу, пусть у тебя на столе лежит вот этот лист. Я быстро нарисовал на листе бумаги «солнышко» и вписал в три кружочка: «г-жа Ш.; г-ц Б-м, К.Б-сье».

– Это что такое? – поинтересовался д'Артаньян.

– То же самое спросит и Арамис, – ответил я. – А ты, как бы смутившись, расскажешь ему про новую организацию (разумеется, тайную, которую ты создаешь с нашей помощью). И предложишь вступить в ее члены, пообещав, разумеется, немалые выгоды. Я думаю, что Арамис непременно клюнет на эту таинственную возможность.

– Последняя встреча у меня с Атосом, и это самый тяжелый случай, – покачал головой д'Артаньян.

– Почему?

– Не представляю себе, чем можно заинтересовать человека, которому ничего не нужно.

– Как это?

– Да вот так, посуди сам. Во-первых, Атос родовит и благороден, как император, его генеалогическое древо уходит корнями аж к Гуго Капету. Кстати, его настоящее имя граф де ля Фер. Его отец сражался с Генрихом Четвертым и в награду за доблесть получил от него королевскую шпагу. Во-вторых, Атос очень мало придает значения деньгам. Когда они у него есть, он их тратит с расточительством римских цезарей. Может проиграть в карты все до нитки и не измениться в лице. Когда деньги у него заканчиваются, он ведет жизнь аскетичную и при этом не предпринимает никаких усилий, чтобы их достать – деньги как-то сами собой у него появляются. Для Атоса осознание собственной правоты важнее, чем материальные блага. Этот человек совершает поступки, ориентируясь только на свои моральные принципы. Невозможно заставить его сделать то, что он считает недостаточно достойным для себя. Никто не может сравниться с Атосом в изяществе, тонкости и благородстве языка и манер.

Говорит он, в отличие от нас всех, очень редко, причем говорит всегда то, что хочет сказать, и больше ничего, никаких прикрас, узоров и красот. Но как-то получается, что все прислушиваются к его словам. Если Атос скажет: «Покупайте» – все пойдут и купят.

– Харизма это называется, – вздохнул я.

– Чего? – переспросил д'Артаньян.

– Харизма – совокупность свойств человека, вызывающих преклонение перед ним и безоговорочную веру в его возможности.

– Во-во, – подтвердил д'Артаньян, – я, например, ему верю безоговорочно. Но вот при всех его благородных качествах – пьет запоем. Среди мушкетеров, конечно, трезвенников нет, все мы грешны, но не до такой же степени. Почему пьет – неизвестно. Арамис утверждает, что это из-за той девицы, ну помнишь, он рассказывал, его бывшей жены, с клеймом лилии на плече – типа не может пережить. Но мне как-то не верится. История, конечно, неприятная, что и говорить, да ведь столько лет уж прошло с тех пор. Нет, что-то его другое гнетет.

– Да, – задумался я, – даже и не знаю, как подступиться. Эх, жалко Семеныча нет, барона Плюхина. Он бы подсказал, с какой стороны лучше к Атосу заходить. Ладно, начнем разговор, а там видно будет.

В это время дверь открылась и в зал вошла группа людей – двое мужчин и две женщины. Мужчины – один высокий, в длинном плаще и глубоко надвинутой на глаза шляпе, второй пониже и без головного убора – были мне незнакомы. Что же касается их спутниц, то одна из них была Катя, а другая напоминала жену господина Бонасье, которую я мельком видел, когда заходил к д'Артаньяну. Быстро оглядевшись по сторонам и не заметив нас, Катя повела всю группу за загородку, в дальний обеденный зал. Я толкнул локтем д'Артаньяна и кивнул на проходящих людей.

– Лопни мои глаза, если это не Констанция, – изумленно вскричал д'Артаньян, – как она здесь оказалась?

– А ее спутники тебе знакомы?

– Вроде нет, – покачал головой гасконец, – а вторая женщина, если не ошибаюсь, – это Катерина?

– Она самая, – подтвердил я. – Интересно, что они все вместе делают? Может, Катька их на презентацию пригласила?

– Это легко узнать, – пожал плечами д'Артаньян, – пошли.

Мы встали и направились в дальний зал. Я толкнул дверь и оказался лицом к лицу с высоким

мужчиной, который тут же схватился за шпагу.

– Спокойнее, господа, – ледяным тоном произнес из-за моей спины д'Артаньян, – спокойнее, мы просто хорошие знакомые этих двух дам, увидели, как они вошли, и решили поздороваться. А вот с вами, господа, мы не знакомы, и хотели бы восполнить это упущение. Окажите нам честь, назовите свои имена.

Констанция Бонасье испуганно побледнела, а Катька закатила глаза кверху и покачала головой, что обычно означало у нее высшую степень раздражения. Высокий мужчина чуть отступил назад, продолжая держать руку на эфесе шпаги.

– Зачем вам мое имя, сударь, – поинтересовался он у д'Артаньяна, – и вообще, кто вам дал право врываться сюда?

– Не вам учить меня хорошим манерам, сударь, – начал злиться гасконец, – а имя мне ваше нужно для того, чтобы заказать по вам поминальную молитву.

– Д'Артаньян, я умоляю вас, – госпожа Бонасье решительно встала между Шарлем и незнакомцем и прижала палец к губам, – сохраняйте спокойствие, я вам все объясню.

– Да уж объясните, сударыня, – язвительно поинтересовался д'Артаньян, – как так получилось, что вас разыскивает муж и тайная полиция кардинала, а вы в это время спокойно разгуливаете по Парижу в обществе двух незнакомых мужчин? – Кроме того, – понизил он голос, – Констанция, вы же кое-что мне обещали, помните?

– Я сдержу обещание, – прошептала в ответ госпожа Бонасье, – но сейчас, прошу вас, не поднимайте шум.

– Пусть ваш спутник назовет себя, и я вас оставлю, – заупрямился гасконец.

– Милорд, – обратилась госпожа Бонасье к высокому незнакомцу, – вы можете без опасения назвать свое имя. Этот человек, – показала она на д'Артаньяна, – мой друг и благородный дворянин, и вы можете положиться на его честь.

– Милорд? – удивленно переспросил Шарль.

– Да, я герцог Бекингем, – с достоинством подтвердил мужчина, – а это мой слуга Патрик. Вы удовлетворены, сударь?

– Для меня большая честь познакомиться с вами, милорд, – уже более спокойным тоном произнес д'Артаньян, – однако я хотел бы знать...

– Сударь, вы обещали удалиться после того, как я назову свое имя, – напомнил Бекингем, – все объяснения вы получите позже.

– Ладно, – проворчал гасконец, – надеюсь, сударыня, – обратился он к госпоже Бонасье, – что объяснения не заставят себя ждать. Пошли, Алекс.

– Екатерина, можно тебя на минутку, – сурово сказал я. Катя опять закатила глаза и нехотя вышла из зала вслед за мной.

– Ну что тебе? – раздраженно спросила она.

– Катька, ты что, с ума сошла, – зашипел я. – Ты забыла, что Бекингом во Францию не по турпутевке «семь дней/восемь ночей» приехал? У герцога тайное свидание с Анной Австрийской, между прочим, женой короля Людовика, и в данный момент по приказу кардинала Ришелье его ищет вся полиция Парижа. Если поймают, ему мало не покажется, а заодно и всем, кто был вместе с ним.

– Да все я помню, – отмахнулась Катя, – не переживай, герцог через несколько часов уезжает обратно в Лондон, а до темноты ему надо где-то пересидеть. Я и пригласила его к нам в гостиницу пообедать.

– Да как ты вообще с ним познакомилась? – удивился я.

– Да очень просто: Констанция Бонасье – мой консультант первого поколения, я ее подписала еще неделю назад. А сегодня случайно встретила около Лувра в сопровождении герцога. Ну не могла же я упустить реальный шанс завести контакты с самим Бекингом.

– Катька, у тебя есть реальный шанс загреть в Бастилию, – нервно предупредил я.

– Кто не рискует, тот не пьет бургундского, – легкомысленно отозвалась Катька, – зато представляешь, какие у нас объемы пойдут, когда английская веточка заработает? Если, конечно, ты со своим друбаном д'Артаньяном все не испортишь своими дурацкими выходками. И вообще у меня такое впечатление, что ты нарочно мне мешаешь, чтобы я не стала президентом компании.

– Впечатление у тебя обманчивое, – буркнул я, – а насчет президента – подождем до первого числа и подведем итоги.

Глава 7

– Нет, ну ты видел? – обиженным тоном обратился ко мне д'Артаньян, когда мы вернулись за стол, – когда надо было тайно записку в Лувр отнести, так я для нее был «милый Шарлик», а сейчас делает вид, что мы незнакомы. Ну ладно, я дал слово не вмешиваться, придется сдержаться, но как только Бекингом уедет в свою Англию, я потребую от Констанции объяснений.

– Думаешь, я от Катерины не потребую? – решительно поддержал я гасконца, – обязательно потребую. – А про себя подумал: вот только захочет ли она мне что-нибудь объяснять, это

другой вопрос. Ну ладно, вот стану президентом компании и наведу порядок.

В это время дверь распахнулась, и показался знакомый шкафообразный силуэт.

– О, вот и Портос пришел, – сказал я д'Артаньяну, – чего-то у него физиономия печальная.

– Здравствуйте, господа, – мрачно поприветствовал нас Портос и завертел головой в поисках Жюля, – признаюсь вам, я зол и голоден, как волк после неудачной охоты.

– У вас неприятности, мой друг? – осторожно поинтересовался д'Артаньян.

– Неприятности? – рывкнул Портос так, что скромно ужинавший за соседним столиком монах-бенедиктинец испуганно вжал голову в плечи. – Представьте себе, друзья, дама, с которой я весьма близок, герцогиня де..., впрочем, прошу прощения, я не могу называть ее имени, решила сделать мне подарок: испанского жеребца и прелестную овернскую кобылку для моего слуги Мушкетона. Но каким-то образом о подарке узнал муж герцогини и тайно поменял этих лошадей на двух задрипанных кляч, которых давно уже жаждали на живодерне. Пришлось Мушкетону возвращать их обратно. Черт возьми, я не потерплю такого неуважения к своей особе. Я вызову этого мерзавца на дуэль, вот что я сделаю. Жюль, распорядитесь подать мне жаркое из барашка, да побыстрей, пока я окончательно не расстроился. Д'Артаньян, вы будете моим секундантом?

– Портос, друг мой, вы же знаете, нет ничего, чего бы я ни сделал для вас, – заверил д'Артаньян. – Но, если можно, отложите свою дуэль на несколько дней, так как сейчас я срочно должен решить вопрос со своей военной экипировкой. Вы же знаете, что ввиду твердого намерения Его Величества начать военные действия нам надлежит немедленно приобрести все необходимое снаряжение для похода.

– Да, черт возьми, – нахмурился Портос, – у меня тоже еще конь не валялся. Причем в прямом смысле этого слова.

– Ну, вы легко справитесь с этой задачей, – льстиво произнес д'Артаньян, – две тысячи ливров – пустяк для человека, который пользуется таким успехом у прекрасных дам. Наверняка ваши герцогини и маркизы ссорятся между собой за право бросить мешок с золотом к вашим ногам.

– М-м-м-да уж, – неопределенно промычал Портос, впившись в кусок жаркого.

– Это мне, бедному дворянину, приходится ломать голову над тем, где взять денег, – продолжал хитрый гасконец, – и, признаюсь, мне понадобится ваша дружеская услуга, Портос, вот почему я попросил вас придти сюда.

– Д'Артаньян, я, так же как и вы, всегда готов оказать вам услугу, если это в моих силах, конечно.

– В ваших, в ваших, – заверил Шарль, – скажите, Портос, у вас есть знакомые, которые хотели бы регулярно получать 1000 ливров в месяц?

Портос от неожиданности поперхнулся подливкой.

– Ну, прямо так сходу не скажу, надо подумать, – осторожно произнес он.

– Подумайте, друг мой, и, если таковые найдутся, дайте мне рекомендации к этим людям, и я расскажу им об этой возможности.

– Д’Артаньян, вы знаете способ регулярно получать 1000 ливров в месяц? – недоверчиво поинтересовался поинтересовался Портос.

– Да, – небрежно подтвердил гасконец, – тут вот Алекс предлагает неплохой способ заработать пистолей, причем ничего особенного делать при этом не надо – просто рассказывать своим знакомым о том, какими замечательным дезодорантом или кремом для лица вы пользуетесь и где можно приобрести эти средства. Ваши знакомые покупают дезодорант, а вы получаете денежки. Умно придумано, не правда ли? Что может быть достойнее дворянина, чем получать деньги за сказанное слово? Подумать только, сколько времени я потратил зря, болтая совершенно бесплатно. Но теперь с этим покончено, мой друг, отныне мое слово будет золотом – в прямом, а не в переносном смысле.

Портос прекратил жевать и отставил подальше бокал с вином.

– Нельзя ли поподробнее, д’Артаньян, – деланно небрежным тоном поинтересовался он.

– Друг мой, да вам, наверное, это неинтересно, – замахал руками гасконец, – зачем я буду загружать вас ненужными подробностями. Ведь вы – баловень судьбы, любимчик графинь и герцогинь, и материальные вопросы вас не очень интересуют. Дайте мне рекомендации к нескольким вашим влиятельным, но э-э-э... нуждающимся в деньгах знакомым, и вот им я и расскажу все до мельчайших деталей. А вас, в благодарность за эту услугу, я угощу шикарным ужином в лучшем трактире Парижа.

– Ну-у, не знаю, д’Артаньян, – задумчиво покачал головой Портос, – прежде чем порекомендовать вас моим влиятельным знакомым, я должен быть уверен, что то, что вы им предложите, действительно дело стоящее. И, кроме того, прежде чем дать рекомендации, мне хотелось бы самому ввести их в курс дела, ну, чтобы они были уже подготовлены к вашему визиту.

– Извольте, раз вы настаиваете, Портос, – сделал недовольную мину д’Артаньян и радостно пнул меня ногой под столом. – Итак, вот в чем суть моего предложения...

К моему восхищению, д’Артаньян очень складно рассказал о возможностях, которые предлагает компания «Путеводная Звезда» благородным дворянам Франции. Когда он

закончил рассказ словами «...и вот на этом уровне вы закрываете квалификацию "барона", и ваш доход составляет 5.000 ливров в год», Портос погрузился в долгое молчание. Нетерпеливый гасконец хотел было поторопить его, но я дернул за рукав камзола, мол, не мешай, пусть думает.

– И что, – наконец промолвил Портос, – каждый французский дворянин может участвовать в этом проекте?

– В принципе, участвовать-то может каждый, – подтвердил д'Артаньян, – но вы же понимаете, что прилично зарабатывать смогут не все, а только люди знатные, чье мнение важно и значимо для окружающих их людей, короче, это должны быть такие люди, как вы, Портос.

Портос приосанился, подкрутил усы и самодовольно улыбнулся.

– Ну что ж, интересное предложение, я подумаю, кого из моих влиятельных знакомых оно может заинтересовать. А скажите, д'Артаньян, какое количество людей может привлечь один благородный дворянин?

– Неограниченное, – заверил его гасконец.

– Угу, а уточните еще раз, сколько пистолей получает сеньор с закупок своих вассалов первого уровня?

– А вот извольте посмотреть, – д'Артаньян опять раскрыл блокнот и снова начал рисовать кружочки и цифры.

– Вот он, – подумал я, – мой «золотой корабль». Эх, какая удача. Можно считать, что одна сильная «ветка» у меня есть.

В это время дверь в гостиницу снова отворилась и, стряхивая капли дождя с широкополой шляпы, в зал вошел Арамис.

Выглядел Арамис, как всегда, превосходно: изысканный черный камзол, ослепительная накрахмаленная сорочка с кружевным воротником, из кармана кокетливо выглядывал белоснежный батистовый платочек. Поздоровавшись с нами своим немного слащавым голосом, он сел за стол, сделал заказ, и взгляд его упал на предусмотрительно оставленный д'Артаньяном листок бумаги с нарисованными кружочками и надписями внутри: г-жа Б-ц, гер-г Эпине, мар-з де Соле, и проч.

Поймав взгляд Арамиса, гасконец быстро прикрыл листок салфеткой.

– Вы хотели меня видеть д'Артаньян? – недовольно нахмурился Арамис.

– Да, – гасконец сделал мне знак, чтобы я отвлек Портоса, – хотел поинтересоваться, мой друг, как обстоят у вас дела с экипировкой. Ведь до начала военных действий остается

совсем немного времени.

Арамис пожал плечами и небрежно отмахнулся:

– Честно говоря, д'Артаньян, этот вопрос меня совершенно не волнует, так как в военных действиях я участвовать не собираюсь.

– Как это? – опешил д'Артаньян, – вы собираетесь покинуть ряды мушкетеров?

– Ну, вы же знаете о моем намерении удалиться от мира, не так ли?

– Да, вы неоднократно говорили об этом, но, признаться, я думал, что вы шутите.

– Шутить такими вещами? Что вы, д'Артаньян. Я же мушкетер временный, так сказать, по воле обстоятельств. Вскоре я надену рясу, и прощай, наши шумные пирушки, дуэли, любовные похождения, все это останется в прошлом, – произнес Арамис, меланхолично разглядывая свой перстень.

Д'Артаньян растерянно посмотрел на меня – он не ожидал такого поворота дел и не знал, как дальше вести беседу. Окрыленный успехом, с которым гасконец провел беседу с Портосом, я не учел, что Арамис – гораздо более крепкий орешек, и с ним надо было проводить встречу в формате «2 + 1». Я подсунул Портосу свой блокнот, попросил его составить список своих влиятельных знакомых, а сам подключился к разговору.

Насколько я помнил, в романе Дюма Арамис не отличался особой религиозностью, это был женолюб и гедонист, а духовный сан рассматривал исключительно как возможность для достижения своих целей. Этот человек жаждал власти и влияния, но, поскольку не был по натуре воином и не обладал знатностью и состоянием, ему сложно было пробивать себе дорогу наверх в дворянском сословии. А вот в духовенстве у него, возможно, было больше шансов занять высокое положение.

– А, простите, Арамис, – поинтересовался я, – каким путем вы собираетесь вернуться в лоно церкви?

– Думаю присоединиться к какому-нибудь Ордену – или к братству иезуитов, или к бенедиктинцам, – скорбно произнес Арамис, задержавшись взглядом на выдающемся бюсте служанки Мариэтты.

– Достойные сообщества, – похвалил я, – а доводилось ли вам слышать про Братство Сетевиков?

– Никогда о таком не слышал, – пожал плечами Арамис.

– Это недавно основанный Орден, быстро набирающий известность в Европе, – сказал я, – в который вступают лучшие представители всех сословий. Орден представляет своим членам широкие возможности для процветания – как духовного, так и финансового.

– И кто же основал этот Орден? – без видимого интереса спросил Арамис.

– Основателем Ордена считается Карл Ренборг; этот человек в молодости долгое время провел в китайской тюрьме, а выйдя на свободу, решил основать Братство Сетевиков. Братство имеет множество отделений в разных странах, и каждое имеет собственное имя. Сообщество, которое я представляю, называется «Путеводная звезда».

– Привлекательное название, – кивнул Арамис, – а этот Орден получил благословение Папы Римского?

– М-м-м, – замялся я, – насчет этого у меня точных сведений нет, но можете не сомневаться, что это богоугодное дело, ведь члены Ордена несут в свет благородные идеи красоты, здоровья и благополучия.

– Ну, расскажите поподробнее, Алекс, – с тем же скучающим видом разрешил Арамис, – какой обет приносят члены Ордена? И что они обязаны делать? Каков устав Братства и есть ли у его членов какие-нибудь отличительные знаки?

– Каждый, кто вступает в Братство Сетевиков, приносит торжественный обет служить Ордену, не жалея времени и сил, привлекать в него других людей, а также делать ежемесячную закупку продукции.

– Какой продукции? – не понял Арамис.

– Отличительным знаком Братства Сетевиков «Путеводная звезда» является то, что все его члены пользуются одними и теми же средствами по уходу за телом и лицом, и парфюмом – по этому знаку мы и узнаем друг друга. Каждый член Ордена имеет свой идентификационный номер, ну это типа пароля, который мы называем всякий раз, когда приходим в место, где приобретаем продукцию.

– Вы имеете в виду те самые духи с феромонами, которые вы подарили мне в прошлый раз? – оживившись, переспросил Арамис, – очень эффективное средство, я вам скажу.

– И они в том числе, – подтвердил я. – Что же касается Устава Братства, то он не отличается суровостью, и, кстати, в отличие от других Орден, Сообщество Сетевиков предполагает постоянное совместное общение мужчин и женщин. И женщин, между прочим, в Сообществе гораздо больше, чем мужчин.

– Очень правильный подход, – одобрил Арамис.

– А еще одно преимущество Ордена Сетевиков заключается в том, что он образовался недавно, и членов Сообщества пока немного, так что у вас будет возможность за короткий срок создать и возглавить могущественную организацию. Действуя быстро и инициативно, через каких-то два-три года вы сможете достигнуть очень высокого положения в Ордене, и

вся Франция, да что там, вся Европа будет под вашим руководством.

– А скажите, – покосился Арамис на лист бумаги, который лежал под салфеткой д'Артаньяна, – насколько я понял, это иерархическая лестница Ордена Сетевиков?

– Да, – вмешался д'Артаньян, – сейчас мы формируем первую линию и приглашаем в нее самых достойных дворян Франции. С людьми, чьи имена написаны в кружочках, мы планируем в ближайшее время провести встречи и пригласить их в наше Сообщество. А вот этот пустой кружок на самом верху пока свободен, и я готов вписать в него ваше имя.

– Ну что ж, – благочестиво произнес Арамис, – в конце концов, если Орден Сетевиков служит благородным и богоугодным целям, то я готов вступить в его ряды.

– Прекрасно, – воскликнул д'Артаньян, – в таком случае, возьмите этот листок и на обратной стороне напишите список ваших знакомых, которые с вашей точки зрения достойны стать членами нашего Братства. Но учтите, Арамис, – понизил голос гасконец, – по определенным причинам деятельность Ордена до поры до времени широко не афишируется, поэтому просьба – все переговоры должны носить конфиденциальный характер.

– Не беспокойтесь, мой друг, – тонко улыбнулся Арамис, – тайна – это мое второе имя.

– Приветствую вас, господа, – раздался над нашими головами тихий голос Атоса, – давненько мы не собирались все вместе за общим столом.

– Поэтому-то я и решил устроить эту дружескую пирушку, – отозвался д'Артаньян, – когда еще нам выпадет такая возможность – ведь скоро в поход. Кстати, Атос, вам удалось достать денег на свою экипировку?

– Нет, мой друг, я же сказал, что и пальцем не пошевелю ради этого.

– Но если вы не найдете экипировку в срок, то ...

– В этом случае я затею ссору с пятью гвардейцами кардинала и буду драться до тех пор, пока один из них не убьет меня, что, принимая во внимание их численность, совершенно неизбежно. Тогда люди скажут, что я умер за короля, и, следовательно, я исполню свой долг без всякой экипировки. Жюль, дружище, велите подать бургундское, и давайте сразу пять бутылок – по одной на каждого.

Д'Артаньян бросил на меня многозначительный и взывающий о помощи взгляд.

Я задумался: Атос был лет на 10 старше всех нас, и по сравнению с ним я чувствовал себя тем, кем был на самом деле – двадцатилетним пацаном. Я не представлял себе, чем можно было его замотивировать по-настоящему, а вешать лапшу на уши, честно говоря, не хотелось. Его благородство и безукоризненная честность, простота и искренность в общении не

позволяла хитрить с ним. Поэтому я решил вести себя с ним так же, как он с нами – честно и открыто.

– Послушайте, граф, – обратился я к Атосу, – нам с д'Артаньяном позарез нужен ваш совет и, возможно, помощь. Мы тут с ним затеяли один проект, который может принести пользу и нам, и нашим друзьям-мушкетерам, да и другим благородным дворянам Франции. Но для того, чтобы проект получился, нужно чтобы к нему присоединилось как можно больше людей. А это может произойти в том случае, если люди увидят, что в проекте участвует авторитетный для них человек, ну, знаете, такой рыцарь без страха и упрека, который бы пользовался у них безоговорочным признанием. Вы, граф, безусловно, являетесь таким человеком, вы пример для молодых дворян, хранитель и носитель лучших традиций дворянства, и мы с д'Артаньяном просим вас присоединиться к нашему проекту, в том случае, конечно, если вы одобрите то, что мы собираемся сделать.

– Слушаю вас, господа, – сказал Атос, – расскажите, в чем смысл вашего проекта.

– Ну, здесь несколько смыслов, – начал я. – Прежде всего, участники нашего проекта «Путеводная звезда» получают возможность приобретать качественные и недорогие средства по уходу за собой. Как писал известный писатель Чехов, в мушкетере должно быть все прекрасно – и душа, и шпага, и внешность. В благородстве душ наших друзей сомнений не возникает. А вот за внешностью следить не у всех получается, и это слегка портит производимое ими впечатление.

– Да, я и сам размышлял об этом, – кивнул головой Атос, – многие дворяне, приехавшие в Париж из провинции, не соблюдают элементарных правил гигиены. Приходится беседовать с ними и объяснять элементарные вещи. Просветительская работа просто необходима.

– Еще одна возможность, которую получают участники проекта – это зарабатывать деньги. Насколько мне известно, жалованье у мушкетеров небольшое, и многие из них не могут приобрести достойные доспехи. Это не их вина, а скорее беда. К сожалению, государство и король не в состоянии взять на себя расходы по экипировке своих защитников. Но это не значит, что они должны защищать Родину в старых доспехах, в которых еще их отцы сражались при Генрихе IV, верно?

– Согласен, – еще раз кивнул Атос. – Долг дворянина – служить и укреплять королевскую власть, но у него должны быть для этого все условия.

– Но самое главное заключается в том, что, присоединившись к нам, люди смогут осуществить самые заветные свои замыслы. Не зря мы назвали наш проект «Путеводная звезда». Многие люди в силу разных обстоятельств своей жизни не имеют возможности жить

так, как они хотят. Когда-то давно они попали в определенную жизненную колею и идут по ней, не в силах выбраться. А ведь у этих людей много сил и возможностей, которые они не могут реализовать. И мы готовы предложить им способ изменить свою жизнь и достичь того, чего бы они хотели.

– Ну что ж, господа, – после нескольких минут молчания произнес Атос, – я всегда с жаром возьмусь за любое благородное дело и готов укрепить вашу идею своим именем, связями и влиянием. Насколько я понимаю, наши друзья, Портос и Арамис тоже заинтересовались вашим проектом.

– Да, – отозвался Портос, – я тут подсчитал, что за три месяца смогу выполнить квалификацию и стать «Бароном». Скажите, Алекс, а я смогу заказать себе личный герб?

– Ну, разумеется, Портос, – заверил я.

– А когда я достигну титула «Гранд» и моя организация будет насчитывать 15 тысяч человек, – мечтательно закатил глаза Арамис, – я смогу на равных общаться с принцами крови.

– Друзья, – д'Артаньян наполнил бокалы и встал, – предлагаю выпить за осуществление наших планов. Мы – смелые и предприимчивые люди, которые всегда поддерживают друг друга и никогда не отступают перед трудностями. Поднимем бокалы и вспомним наш девиз: Один за всех!..

– И все за одного, – хором отозвались мушкетеры.

Глава 8

– Ну что ж, друзья, – решил я подвести итоги встречи, – поздравляю вас с правильно принятым решением и желаю, чтобы каждый из вас достиг своих целей в компании «Путеводная звезда». А сейчас давайте поговорим о первых шагах, которые вам предстоит сделать, начиная прямо с завтрашнего дня. Итак...

Внезапно входная дверь с грохотом распахнулась, и в гостиницу ворвались с десятков людей в черных камзолах – это были гвардейцы кардинала. Они мгновенно рассредоточились по залу и замерли, обнажив свои шпаги. Через секунду в дверь вошел еще один человек – темноволосый мужчина с властным взглядом и шрамом на лице. Присмотревшись, я узнал графа Рошфора, которого мы встретили в первый день приезда во Францию. Он быстро оглядел зал и кивком головы подозвал к себе Жюля.

– Дьявол меня раздери, – изумленно проговорил д'Артаньян, потянувшись за шпагой, – да ведь это тот самый незнакомец из Менга, который украл у меня рекомендательное письмо

моего батюшки к господину де Тревилю. Какого черта он тут делает?

– Шарль, – прошептал я, – это граф Рошфор, доверенное лицо кардинала Ришелье, и если он сейчас обнаружит в соседней комнате герцога Бекингема, то завяжется драка, в которой могут пострадать Констанция и Екатерина. Надо отвлечь их и потянуть время. А я пока попробую вывести их с черного входа.

– Ах, вот оно что, – протянул гасконец, – значит, этот тип – ищейка кардинала. Ну ладно, сейчас он у меня получит, – и, резко поднявшись, д'Артаньян отбросил в сторону массивный деревянный стул. Все присутствующие в зале повернулись в нашу сторону.

– Вот мы и встретились снова, таинственный незнакомец, – угрожающе произнес д'Артаньян, поигрывая шпагой, – и теперь вам не удастся вероломно сбежать от меня, как вы это сделали тогда, в Менге.

Лицо Рошфора исказила недовольная гримаса.

– Это опять вы? – тяжело вздохнул он. – Клянусь честью, эти гасконцы неисправимы. Сударь, я бы с удовольствием скрестил с вами шпагу, но сейчас, поверьте, мне не до вас. В этой комнате есть кто-нибудь? – спросил он подошедшего Жюля, указав в сторону малого обеденного зала.

– Там обедают четверо гостей, – ответил Жюль, – двое мужчин и две женщины, и я как раз собираюсь принести им свое фирменное жаркое из телятины.

– Боюсь, что вашим гостям придется сразу перейти к десерту, – холодно заметил Рошфор. – Вперед, гвардейцы, там за дверью находятся враги Франции и Его величества. Необходимо взять их живыми, но, впрочем, если они будут сопротивляться, убейте их.

Четверо гвардейцев решительно двинулись к двери в обеденный зал, но путь им преградил поднявшийся со своего места Портос.

– Ба, кого я вижу! – распахнув широленные объятия, радостно вскричал Портос. – Если не ошибаюсь, господин Жюссак? Давненько вас ищу – ведь я еще не рассчитался с вами за тот гнусный случай в кабачке на улице Феру, когда вы напали на нас с Арамисом, воспользовавшись нашим беспомощным состоянием.

– Пить надо меньше, – нервно отреагировал гвардеец Жюссак, – тогда и не будете в беспомощном состоянии. А я как начальник караула был обязан задержать вас за непристойное поведение в общественном месте и нарушение ночного покоя.

– Ой-ой-ой, можно подумать, что сами-то вы со своим караулом были кристально трезвыми, – ехидно подключился к разговору Арамис.

– Одно дело по стаканчику пропустить, – покосившись на Рошфора, признался Жюссак, – а

другое – не заплатить за выпивку и при этом еще набить морду трактирщику.

– Да как же ему можно было не набить-то, – возмутился Портос, – когда каналья вздумал выдавать анжуйское вино за шампанское и надеялся, что это сойдет ему с рук. Вот признайтесь, Жюссак, если бы вас пытались так бессовестно надуть, как бы вы поступили?

Тем временем, натянув поглубже шляпу, я встал из-за стола и покачивающейся походкой начал пробираться к выходу. К счастью, гвардейцы не обратили на меня никакого внимания, и через минуту, оббежав гостиницу, я пробрался на задний двор, подкатил к закрытому окну бочонок из-под селедки и, забравшись на него, постучал в закрытые ставни.

– Кто? – раздался напряженный голос Бекингема.

– Милорд, в гостинице гвардейцы кардинала, вам нужно срочно уходить, – сказал я. – Открывайте, я выведу вас и ваших спутников.

Окно распахнулось, и через пять минут вся четверка – Бекингом со слугой, Катя и Констанция Бонасье благополучно спустилась из обеденного зала во двор.

- Все, теперь разбегаемся, - скомандовал я, - милорд, вы – через дыру в заборе пролезайте на улицу, а мы с Екатериной возвращаемся в гостиницу.

– А Констанция? – спросила Катя.

– Я провожу герцога до того места, где его ждет карета, а затем отправлюсь в Лувр, – сказала госпожа Бонасье, – королева укроет меня.

– Прощайте, сударыня, – галантно поцеловав Кате руку, сказал Бекингом, – буду иметь честь принимать вас в Лондоне.

– Непременно, – скромно потупила глазки Екатерина, – и привезу косметические средства, о которых я вам рассказывала.

– Ну, тогда до встречи. – И лорд Бекингом со своим слугой Патриком, подняв воротники плащей и надвинув шляпы, скрылись за забором.

В гостинице тем временем продолжалась перепалка.

– Господа мушкетеры, – кричал, надрываясь, Рошфор, – я действую по приказу кардинала Ришелье и не собираюсь терять времени зря. Пропустите нас немедленно.

– Только после того, как проткну вас шпагой насквозь, – орал в ответ д'Артаньян, – и, кстати, я бы хотел, чтобы перед смертью вы отдали мне письмо моего батюшки, бесстыдно похищенное вами из кармана моего камзола.

Я вернулся за столик и незаметно подмигнул гасконцу.

– А, впрочем, черт с вами, – понял сигнал Шарль, – раз уж вы в данный момент находитесь на

службе, то мы не будем вам препятствовать. Тем более, мне кажется, что люди, которые обедали в малом зале, не стали дожидаться горячего и покинули это гостеприимное заведение. Так что доблестные гвардейцы кардинала в очередной раз сели в лужу. Кардинал будет в восторге, уверяю вас. Портос, пропустите их.

Портос, загораживающий собой почти всю двухстворчатую дверь, посторонился, и Рошфор, сопровождаемый гвардейцами, ворвался в обеденный зал. Вслед за ним зашли и мушкетеры. Их взору предстала пустая комната: на столе стояла грязная посуда с остатками еды, две бутылки из-под вина, четыре бокала, а в черном проеме окна колыхались на ветру тюлевые занавески.

– За мной! – заревел Рошфор и помчался к двери, сшибая по дороге стулья. Гвардейцы, неловко толкая друг друга, устремились за ним, на ходу уворачиваясь от остатков пороссячей ножки, метко посланных могучей рукой Портоса.

Мушкетеры уселись за стол продолжать трапезу, шумно обсуждая произошедший эпизод, а мы с Катей поднялись наверх.

– Вот только не надо мне ничего говорить, – сказала Катя, усевшись перед зеркалом, – все, что ты мне скажешь, я знаю заранее.

– Ну ладно, не буду, – согласился я, – как говорится, хорошо то, что хорошо кончается. Хотя могла бы и спасибо сказать: если бы не мы с мушкетерами, твоя «английская веточка» засохла бы, не успев распуститься. Кстати, какое впечатление на тебя произвел Бекингем?

– Да как тебе сказать, – задумчиво сказала Катя, – интересный мужчина, – вот в Лондон приглашал приехать.

– В Лондон ты, пожалуй, не успеешь съездить, думаю, что на днях война с Англией будет.

– Ну, может, оно и к лучшему, – непонятно отреагировала Катя, – значит, в другой раз. Ты извини, Леша, я устала очень, пойду спать. А то что-то у меня уже «глюки» начались – такое впечатление, что на аккордеоне кто-то играет. Тебе не кажется?

Я прислушался – со стороны каретного сарая действительно донеслись бравурные аккорды, и знакомый голос задушевно затянул: «И снится нам не рокот космодро-ома-а-а, не эта ледяна-а-а-я синева-а-а-а, а снится нам трава, трава у до-ома-а-а, зеле-е-еная, зеле-е-еная трава».

– Да нет, Катька, это не «глюки», – радостно закричал я, – это Семеныч вернулся!

– Здорово, ребята, – довольная физиономия Семеныча сияла, как лаковая панель аккордеона.

– Ну, наконец-то я до вас добрался.

– Чего так долго-то? – заворчал я. – Мы тут уже волноваться начали.

– Да попал я в переплет, – начал объяснять Семеныч, – то ли сослепу не те кнопки нажал, когда дату вводил в бортовой компьютер, то ли настройки по пути сбились, не знаю, только оказался я не в том времени. Но в том же самом месте – в каретном сарае нашей гостиницы. Захожу – и вместо Жюля вижу какого-то незнакомого мужика. Спрашиваю: «А где хозяин?» Он так подозрительно на меня смотрит и отвечает: «Я хозяин». Я говорю: «А где Леха с Катей?» Он чего-то булькает в ответ непонятно и на дверь показывает. Ладно, выхожу я на улицу, прошел пару кварталов, вижу – мужчина стоит, к стене прислонившись, дай, думаю, спрошу, где я нахожусь. Подошел к нему, пригляделся – а у него лицо какое-то странное: то ли выпил лишнего, то ли еще чего, но глаза прямо какие-то бешеные. Вдруг из-за угла выезжает карета, да не простая, а с гербами, а по бокам у нее четыре всадника – по всему видно, что в карете кто-то важный едет. И тут этот мужчина выхватывает из-за пояса здоровенный кинжал, кидается к карете, рвет ручку двери и залетает внутрь. Оттуда крики женские, шум, ругань, ну я и решил сматывать удочки, пока меня не задержали – потом замучаешься объяснять, кто я такой и что тут делаю. Но перед тем, как свалить, успел все-таки пару кадров на свой сотовый сделать, так сказать, на историческую память. Побежал я обратно в каретный сарай, залез в «Мавру», набрал еще раз дату и, слава Богу, на этот раз оказался там, где нужно. Вот такие дела.

– Скорее всего, Виктор Семенович, – разглядывая фотографии, сказала Катя, – вы попали в 1610 год и стали свидетелем убийства Генриха IV, папы нынешнего короля Людовика XIII. А мужчина с бешеными глазами – это религиозный фанатик Франсуа Равальяк, которого потом четвертовали на Гревской площади.

– И, кстати, Семеныч, – продолжил я, – ежели кто эти снимки здесь увидит, то тебя тоже четвертуют, за компанию с этим Равальяком. Ты, кстати, сюда только на выходные приехал или сможешь задержаться подольше?

– Да нет, я отпуск взял, – сказал Семеныч, пряча мобильник, – ремонт-то мы закончили в рекордные сроки, получил я благодарность от дирекции и решил поплотнее бизнесом с вами заняться. Кстати, с топливом для «Мавры» я решил вопрос: бак полный, и хватит надолго – расход не очень большой.

– Ну и отлично, – обрадовался я. – Тогда давай так сделаем: мы с Катей на пару недель слетаем в Москву – надо продукцию закупить, ну и все, что нужно для бизнеса. А ты займись-ка и здесь ремонтом – надо дровяной сарай под склад переоборудовать, стеллажи поставить под продукцию, замки врезать и так далее. И главное – вот тебе мой плеер и начинай учить

французский язык – чтобы мог общаться нормально. Всем, кто будет приходить и спрашивать нас, отвечай, что уехали за товаром, скоро вернемся.

– Bien sur, mon senior, – отреагировал Семеныч.

В Москве мы развернули бешеную активность: отдали в печать каталоги по продукции и бланки контрактов, закупили всю необходимую оргтехнику и ветроэлектрогенераторы для обеспечения работы компьютеров, сделали большой заказ на продукцию, чем привели в восторг руководителя нашего склада. В две недели мы, конечно, не уложились, и отправились в обратный путь только через месяц. После двадцатиминутной тряски в чернильной темноте на груженной под завязку «Мавре» мы снова оказались в Париже.

Семеныч с гордостью продемонстрировал нам свои достижения: дровяной сарай, отныне носивший гордое название регионального склада города Парижа, снаружи сверкал заново покрытой крышей и свежевыкрашенными стенами, внутри вдоль стен стояли добротные стеллажи, а на двери красовалась вывеска с логотипом нашей компании: серебристого оттенка звезда на голубом фоне и человеческая фигура, идущая по дороге.

– Bon voyage, как говорят французы, – блеснул обогащенным словарным запасом Семеныч.

Мы перетащили груз из «Мавры» на склад, затем распаковали и установили ветрогенератор и подключили к нему ноутбук. Я нажал кнопку power, и экран засветился привычным логотипом.

– Обалдеть можно, – покачал я головой, – компьютер в средневековой Европе.

– Я вот что думаю, – сказал Семеныч, – а давай еще с десятков компов сюда привезем и организуем игровой салон. Загрузим игры-симуляторы типа рыцарского турнира – отбоя не будет от желающих.

– Почему бы и нет, – пожал я плечами. – Тут вообще можно много интересных проектов осуществить, но все они требуют значительных инвестиций. Так что для начала надо денег заработать. Кстати, как там наши друзья-мушкетеры поживают?

– Да они сразу же после вашего отъезда отправились в Англию, судя по всему, за алмазными подвесками королевы, которые Бекингом с собой увез. Неделю назад только вернулись. Д'Артаньян вроде сегодня обещал зайти.

Вечером Катя наняла фиакр и поехала навещать своих клиенток, которые оставляли ей заказы на продукцию, а мы с Семенычем и четверкой мушкетеров собрались в малом обеденном зале и стали обсуждать наши дальнейшие действия.

– Хотя времени у нас было в обрез, но мы успели переговорить со многими мушкетерами

нашего полка и с королевскими гвардейцами полка господина Дэзесара, – рассказал д'Артаньян. – В принципе, интерес к «Путеводной звезде» есть почти у всех, но многие хотят услышать о возможностях, которые предоставляет компания, лично от ее владельцев, то есть от вас.

– Да нет проблем, давайте устроим большую презентацию, – предложил я.

– Это что такое?

– Надо собрать всех мушкетеров и выступить перед ними – рассказать о компании, о продукции и о возможностях зарабатывать деньги.

– Хорошая идея, – согласился д'Артаньян, – надо только учесть, что часть мушкетеров все время находится на дежурстве в Лувре, так что презентацию придется проводить несколько раз, чтобы все могли ее послушать.

– И прекрасно, – сказал я, – мы в Москве проводим презентации раз в неделю, думаю, что и здесь мы поступим так же. И раз в неделю – обучение для новичков. Кстати, надо подумать, где мы будем проводить презентацию для мушкетеров. В принципе, мы с Жюлем договорились, что можно будет приводить людей сюда, в гостиницу, но для больших мероприятий надо арендовать помещение побольше.

– Зачем? – удивился д'Артаньян, – давайте прямо в казарме и проведем. У нас там есть оружейный зал, соберем там людей и выступим. Так, теперь по времени – завтра мы на дежурстве, послезавтра надо все приготовить, и на следующий день можно проводить первую презентацию.

– Ну, отлично, – обрадовался я, – теперь давайте обсудим, кто будет выступать на презентации. Неплохо было бы, если бы вы рассказали своим товарищам по службе, почему вы решили присоединиться к компании «Путеводная звезда». Кто из вас сможет выступить?

– О, это пожалуйста, я могу говорить о чем угодно, – хвастливо заявил Портос, – за исключением наук, к которым мне с детства привили глубокое отвращение. И потом у меня величавый вид, и я уверен, что все будут слушать меня с восхищением.

– Портос, надо отдать вам справедливость, вы, конечно, говорите много, – вступил в беседу Арамис, – но при этом разговариваете ради собственного удовольствия – ради удовольствия слушать самого себя. А слушают ли вас другие люди или нет, вам, по большому счету, безразлично. А насколько я понимаю, на презентации важно заинтересовать слушателей. Поэтому, мне кажется, я лучше справлюсь с выступлением.

– Арамис, вы, безусловно, говорите очень красиво, но ваши речи напоминают проповеди, – обидчиво отреагировал Портос. – Да и к тому же у вас есть пренеприятная привычка

вставлять в свою речь латинские выражения, которые никто кроме ваших преподобных отцов-иезуитов не понимает.

– Остерегайтесь мирского духа в богословском слоге, – наставительно произнес Арамис, – как говорил святой Августин, *severus sit clericorum sermo* – речь клириков да будет сурова. И потом, я не вижу ничего дурного, чтобы наши братья по Ордену Сетевиков послушали хорошую проповедь. Например, притча о сеятеле как нельзя лучше отражает суть того благороднейшего занятия, которым будут заниматься новообращенные братья-сетевики. Помните – о семенах, которые упали на камни или рассеялись по дороге, и птицы небесные поклевали их.

– Конечно, конечно, – поспешил вмешаться я, – короткая притча, да еще вовремя рассказанная, может произвести гораздо большее впечатление, чем многочасовая беседа. Я предлагаю вам, Арамис, подобрать подходящую нашему мероприятию историю и выступить с ней. Граф, – обратился я к Атосу, – может быть, вы сочтете возможным сказать несколько слов – вы говорите очень убедительно. Я заметил, что когда вы заговариваете в присутствии большого количества людей, они сразу умолкают и начинают вас слушать.

– Это потому, что, во-первых, я говорю очень редко, а во-вторых, говорю всегда то, что хочу сказать, и более ничего: никаких прикрас, узоров и красот, – подтвердил Атос. – Я считаю, на презентации надо выступить всем. Начать должен Алекс, он расскажет о компании и возможностях, которые она предоставляет. Затем я предлагаю дать слово д'Артаньяну – он человек эмоциональный и сможет в красках поведать о перспективах, которые раскроются перед мушкетерами его Величества после того, как они присоединятся к «Путеводной Звезде». А после д'Артаньяна выступят Портос и Арамис, которые расскажут, почему они решили присоединиться к д'Артаньяну. Ну а под конец выйду я и призову всех мушкетеров подписать соглашение с компанией.

– Граф, – с восхищением сказал я, – такое впечатление, что вы всю жизнь проводили презентации!

– Всю жизнь я провел на полях сражений и, между прочим, мог бы стать неплохим полководцем, если бы, конечно, видел смысл в военной карьере, – со вздохом произнес Атос, – и я думаю, что презентация – это как битва, победа в которой зависит от правильно выбранной тактики ведения боя.

– А у меня вот такой вопрос возник, – осторожно поинтересовался Арамис, – под кого из нас будут подписаны мушкетеры, которые на презентации примут решение присоединиться к компании?

- Да, – с жаром поддержал тему Портос, – меня этот вопрос тоже интересует.
- Обычно пришедшие на презентацию подписывают соглашение с теми людьми, которые их пригласили, – сказал я.
- Ну-у-у, – протянул Портос, – я уж не помню, кого я приглашал, кого Арамис, а кому-то мы вместе рассказывали. Мы легко можем запутаться, поэтому я предлагаю всех, кто после презентации захочет вступить в наш Орден, разделить на четыре части и равномерно «подписать» под каждого из нас.
- Ну, можно и так поступить, – поддержал я.
- Меня другое интересует, – вступил Семеныч, – как отнесется господин де Тревиль к тому, что в казарму вверенного ему полка придут посторонние люди и будут проводить там презентации. Вы об этом подумали?
- А как он может отнестись? – пожал плечами Портос, – мы же не замысливаем ничего предосудительного.
- Барон Плюхин прав, – произнес Арамис. – Де Тревиль – наш начальник, и ему будет неприятно узнать о том, что мушкетеры его полка предпринимают что-то без его ведома. Необходимо сообщить ему о наших планах и заручиться поддержкой.
- Согласен, – сказал д'Артаньян, – но под каким соусом представить ему нашу идею?
- Ну, я бы объяснил вашему командиру, что солдат должен быть всегда чем-то занят, – сказал Семеныч с интонациями армейского старшины. – И мы готовы обеспечить им культурное времяпрепровождение: вместо того, чтобы шататься по подозрительным местам, затевать ссоры в трактирах, мушкетеры будут посещать школы по бизнесу и личностному росту.
- Господа, – вмешался Атос, – я готов нанести визит господину де Тревилю и объяснить ему все выгоды нашего предприятия.
- А чтобы выгоды были весомые, – добавил Семеныч, – предложите капитану стать вашим сеньором, и подпишем его прямо под компанию. Лишние деньги никому не помешают, а вы получите в его лице мощную защиту от недоброжелателей.
- А что, будут и такие? – поинтересовался Портос.
- Там, где есть солнце, всегда имеется тень, – философски ответил Семеныч.

Глава 9

Обговорив подробно все детали предстоящей презентации и вкусно поужинав, мы разошлись каждый по своим делам: д'Артаньян и Портос отправились по домам – поспать перед

предстоящим суточным дежурством; Арамис, побрызгав на себя мужским парфюмом «Искушение», сообщил, что идет проводить информационную встречу; Атос, прихватив с собой бутылку бордосского, пошел обдумывать предстоящую аудиенцию с господином де Тревилем; Катя отправилась на склад разбирать каталоги; Семеныч, подключив к генератору свой ноутбук, уселся раскладывать пасьянс, ну а я решил прогуляться по вечернему Парижу: подышать воздухом, а заодно подумать о наших отношениях с принцессой Генриеттой-Марией, которые готовы были превратиться из просто приятных в очень приятные.

Последний раз мы виделись с девушкой накануне моего отъезда в Москву: принцесса устраивала прием, на который пригласила меня вместе с Катей, которую я предусмотрительно выдал за свою кузину. Катю, однако, знакомить с принцессой я не собирался, а потому отправился на прием один.

Народу в Малом зале Лувра было немного, и атмосфера была домашней и непафосной – поэты читали свои стихи, придворные актеры разыгрывали смешные сценки, а гвоздем программы был специально приглашенный итальянский тенор, который под гитару исполнял страстные итальянские серенады. Потом дамы и кавалеры немного потанцевали, а затем я решил познакомить присутствующих с образцами российского песенного творчества. Принцесса так меня и объявила – наш гость, менестрель из Московии. Я позаимствовал у итальянца гитару и исполнил несколько песен на русском языке. Успех был грандиозным: «Здравствуй, моя мурка, здравствуй, дорогая» пришлось несколько раз петь на бис – дамы утирали слезы батистовыми платочками и требовали перевод. Также пришлось по душе и задумчиво-печальная «Там, где кле-е-ен шумит над речно-о-ой волной, говори-и-или мы о любви с тобо-о-ой», во время которой я бросал на принцессу томные взгляды, а она смущенно краснела. А окончательно сразил я благородную публику шансоном «*Salut, c'est encore moi! Salut, comment tu vas?*», которую исполнил на почти чистом французском языке. Джо Дассен вместе с итальянским тенором нервно курили в сторонке, гости бешено аплодировали, дамы роняли платочки на пол в надежде, что я их подберу, а герцог Бульонский настойчиво зазывал выступить у него в замке на своем дне рождения.

А поздно вечером, когда гости расходились, я, вместо того чтобы направиться к выходу, пошел за подмигнувшей мне служанкой Мари, которая провела меня извилистыми коридорами в покои Генриетты-Марии. Мы с принцессой опять проговорили допоздна, я спел «Мохнатый шмель на душистый хмель», после чего мы как-то очень легко начали целоваться – так, как будто делали это всю жизнь, и никому это не показалось странным, а даже наоборот.

Вот после того вечера я понял, что все больше увлекаюсь принцессой и что она вроде как отвечает мне взаимностью. Тут как раз вернулся из Москвы Семеныч, мы с Катей собрались за продукцией, и я решил использовать это время для проверки чувств. Принцессе я передал записку через служанку Мари, в которой сообщил, что так, мол, и так, срочные дела требуют моего возвращения в Московию. Как только вернусь, сразу же позвоню, в смысле, приду. Что, собственно говоря, было чистой правдой.

И вот теперь, прогуливаясь по узким парижским улочкам, я размышлял о том, как поступить дальше. Любовная связь с французской принцессой помимо приятных последствий грозила и неприятными, начиная разборками с Катериной и заканчивая осложнением международных отношений с Англией. Мало того, что герцог Бекингем к Анне Австрийской на свидания тайком приезжает, так еще и я с будущей английской королевой флирт затеял. С другой стороны, как любил приговаривать Семеныч, «красть – так миллион, а любить – так королеву». Другого шанса полюбить королеву у меня не будет, это ежику понятно.

Очнулся от размышлений я у знакомых ворот, за которыми просматривалась черная громада Лувра. Почти все окна во дворце были темны, а у входа, скудно освещенного двумя коптящими факелами, опершись об мушкеты, мирно дремали два королевских сержанта из полка господина Дезесара. Одного из них – Жюрдена, я хорошо знал.

– Ох, рано, встает охрана! – бодро поприветствовал я гвардейцев. Жюрден от неожиданности вздрогнул и схватился за мушкет, но, признав меня, успокоился.

– Это ты, Алекс? Привет, а я тут прикемарил немного.

– Величество должны мы уберечь! От вся-чес-ких! Ему ненужных встреч, – попытался я напомнить Жюрдену о его прямых обязанностях, но гвардеец, не смотревший в детстве «Бременских музыкантов», музыкальную цитату не узнал.

– Да, дрыхнет давно его Величество, десятый сон поди видит, – отмахнулся Жюрден, – он в пять утра сегодня встал и со свитой на охоту отправился. Весь день, почитай, вместе с дворянами за кабаном гонялся – двух лошадей загнали и трех собак потеряли, да еще, говорят, маркиз де Шантре с коня навернулся.

– А кабана-то догнали? – поинтересовался я.

– Вот про это ничего не слыхал. Слушай, Алекс, – понизив голос и схватив меня за рукав, спросил Жюрден, – а что за тусовка намечается в пятницу в оружейном зале мушкетеров на улице Сен-Клод?

– А ты откуда знаешь? – удивился я.

– Да разговоры такие ходят, будто вы с д'Артаньяном там будете рассказывать, как можно

денег заработать, ну, чтоб типа мечту свою осуществить. Но пускать будут только мушкетеров капитана де Тревиля, а наших гвардейцев – нет. Обидно как-то – ну ладно, гвардейцев кардинала не пускали бы, я сам их рожи недолюбливаю, но мы-то, можно сказать, родственники – ведь наш командир, господин Дзэссар, женат на сестре вашего капитана.

– Дело в том, – успокоил я Жюрдена, – что места в оружейном зале не очень много, все желающие не помещаются, поэтому презентации будем проводить несколько раз. Начнем с мушкетеров полка господина де Тревиля, а на следующую встречу пригласим и вас.

– Все равно ребята волнуются, знаешь, как у нас говорят – кто первым пришел, тому и наливают. Этот чертов гасконец, д'Артаньян, как всегда сливки снимет, а нам допивать, что после него останется.

– Это ты прав, конечно, – кивнул я головой, – хорошо, давай сделаем так, – я тебя лично приглашаю как представителя твоего полка. Чтобы ты первым получил информацию и рассказал своим ребятам.

– Отлично, – повеселел Жюрен, – спасибо, Алекс. – А ты чего так поздно-то в Лувр появился? Все аудиенции давно закончились, приемов сегодня ни у кого нет, так что во дворце уже все спать легли.

– Да дело у меня тут одно есть, – уклончиво сказал я, – надо кое-кого повидать. Слушай, Жюрен, а ты знаешь Мари – служанку принцессы Генриетты?

– Это брюнеточка такая? – Жюрен сделал выразительное движение двумя руками от груди, – в смысле курносенькая? Знаю, как же. Так ты к ней что ли?

– Ну, вроде того, – смущенно подтвердил я.

– А у тебя губа не дура, – заржал Жюрен. – Одобряю.

– Да тихо ты, – одернул я гвардейца, – разбудишь ненароком его Величество, – он с тобой как с кабаном разберется. Короче, будь другом, помоги мне ее найти. А то в этих чертовых коридорах заблудиться можно.

– Еще как, – подтвердил Жюрен, – я сам поначалу плутал, пока не обвыкся. Ну что ж, друзьям надо помогать, – выразительно подмигнул он, – я бы тебя сам проводил, но мне с поста отлучаться нельзя, так что запоминай: пароль для караулов – Луара, отзыв – Нормандия, пойдешь по главному коридору до первого поворота направо, затем ...

– Ты нарисуй лучше, – сунул я Жюрену блокнот с ручкой, – так вернее будет.

Через минут пятнадцать, следуя плану Жюрдена, я оказался перед знакомыми дверьми. Постояв несколько секунд и пытаясь успокоить бултыхавшееся в груди сердце, я осторожно постучал.

Через пару минут за дверью послышалось сонное шуршание, затем в отворившуюся щель просунулась всклокоченная Мари со свечкой в руках.

– Вам что, сударь? – испуганно спросила она.

– Мари, мне срочно нужно повидать принцессу, – прошептал я.

– Уже поздно, сударь, принцесса давно спит, – опасливо оглянулась назад служанка.

– Кто там, Мари? – раздался знакомый голос, от которого мое сердце забилось еще чаще.

– Это тот самый кавалер, который поет песни, – просвистела в ответ Мари, – он говорит, что ему срочно необходимо вас увидеть.

После продолжительного молчания, принцесса, наконец, решилась:

– Проводи его в гостиную, я скоро выйду.

Я прошел в гостиную, освещенную одной единственной свечкой, оставленной Мари на столике, и нервно заходил по периметру пушистого ковра, лежавшего на полу, а затем присел на маленький диванчик, к спинке которого была прислонена знакомая мне гитара. Чтобы как-то успокоиться, я взял инструмент и начал подстраивать расстроенные струны.

– Вас долго не было, сударь, – раздался за моей спиной голос принцессы. Я резко обернулся и вскочил: красавица Генриетта-Мария стояла в дверях, и я мог слышать нежный запах ее духов. – И я уже начала беспокоиться, не случилось ли что-нибудь с вами.

– Да дела задержали, – неопределенно ответил я, – никак не мог раньше приехать. Но я скучал по вас. А вы? Вы думали обо мне?

– Да, и признаться, гораздо чаще, чем следовало, – сказала принцесса, слегка покраснев. – Но при этом я не уверена, правильно ли я поступаю, встречаясь с вами. Вы же знаете, моя судьба определена, и вскоре я должна буду выйти замуж и уехать в Англию.

– Я в курсе, – буркнул я, – но вот насчет того, что судьба определена, тут я не согласен. Человек сам может и должен выбирать, как и с кем ему жить.

– Это касается простых людей, – покачала головой Генриетта-Мария, – но принцессы лишены этой возможности. Я дала согласие на брак, выполняя родительскую волю.

– Да уж, жениться по любви не может ни один король. Все понятно, – обиженно произнес я. – Куда мне, «менестрелю из Московии» до английского принца.

– Дело не в этом, Алекс, – покачала головой принцесса. – Мой брак – это политическое деяние для пользы государства. Да, и, насколько я поняла, та девушка, которая приехала вместе с вами, вовсе не ваша кузина. И у вас тоже существуют определенные обязательства.

– Я со своими обязательствами сам разберусь, – резко ответил я, недоумевая, откуда принцесса узнала о наших отношениях с Катей.

– Да, конечно, это ваше дело, – кивнула принцесса, – я просто хотела сказать, что мы оба оказались в непростых обстоятельствах, и, может быть, не стоит усложнять их еще больше.

– Ну что ж, – сказал я, положив гитару на диван, – наверное, вы правы, принцесса. Прощайте.

– Постойте, – попросила принцесса, присев на диван и обхватив себя руками, как будто удерживая от неосторожных движений, – спойте мне на прощанье что-нибудь, только негромко.

Я снова взял гитару, сел напротив принцессы и задумался, перебирая струны. Что спеть этой девушке, которой суждено было прожить долгую, полную страданий и лишений жизнь: уехать в Англию, стать королевой, родить двоих детей, пережить казнь своего мужа Карла I, быть изгнанной обратно во Францию и умереть в монастыре Шальо в полном одиночестве? Что спеть этой девушке, которую я никогда более не увижу? Конечно, Жак Брель, *Ne me quitte pas*.

Ne me quitte pas. Не покидай меня. А я, я подарю тебе жемчужины дождя, пришедшие из страны, где не бывает дождей. Я построю дворец, где любовь будет королем, где любовь будет законом, где ты будешь королевой. Ne me quitte pas. Не покидай меня. Я придумаю для тебя безумные слова, которые ты поймешь. Я расскажу тебе историю короля, который умер от невозможности тебя встретить. Не покидай меня. Ne me quitte pas.

Я пел, глядя в прекрасные глаза принцессы, полные слез, а когда замолчали последние аккорды, мы потянулись навстречу друг другу, и наши руки встретились, чтобы уже более не расставаться до рассвета.

Когда в узеньком окне спальни начало светлеть, я понял, что пора уходить. По коридорам Лувра уже раздавалось утреннее шарканье слуг, и надо было поскорее уносить ноги, чтобы избежать ненужных встреч.

– Отсюда можно уйти и другим путем, – сказала Генриетта-Мария, вставая с постели и накидывая на обнаженные плечи тонкую испанскую шаль.

Она подошла к большому платяному шкафу, распахнула обе створки и отодвинула в сторону висевшие платья. Затем повернула вправо деревянный крючок, и задняя стенка шкафа бесшумно отъехала в сторону. Я удивленно посмотрел на Генриетту.

– Эта спальня когда-то служила покоями королеве Маргарите Наваррской, – пояснила Генриетта. – А у нее, рассказывают, была оживленная личная жизнь. В отличие от меня. Я все еще не уверена, правильно ли мы поступили, Алекс.

– Да теперь уж чего думать, – философски отозвался я, – сделанного не воротишь. И все-таки у судьбы есть варианты, и выбирать их будем мы с тобой.

Поцеловав на прощанье принцессу, я пролез через отверстие в задней стенке шкафа и

очутился в узком каменном проходе. Несколько минут я протискивался по нему в полной темноте, затем коридор начал расширяться, я смог встать на колени, а затем и в полный рост. Достал из кармана маленький фонарик, зажег, и осторожно пошел дальше. Внезапно что-то звякнуло у меня под ногами, я нагнулся, пошарил по полу и нащупал потемневшую от времени серебряную пряжку. «Хм, – подумал я, – вполне возможно, что когда-то ее обронил благородный дворянин Ла Моль, возвращавшийся после ночи любви с королевой Маргаритой Наваррской. Как там у них все закончилось? "Маргарита опустилась на колени перед трупом своего возлюбленного и, нежно поцеловав отрубленную голову, спрятала ее в надушенный и расшитый жемчугом мешочек". Н-да, – помотал я головой, отгоняя печальную картинку, – будем думать о позитивном развитии событий».

Пройдя еще немного, я уперся в стену, поднял голову и увидел, что вверху замерцал дневной свет. Я выключил фонарик, вскарабкался по остаткам деревянной лестницы на несколько метров вверх и, с трудом протиснувшись сквозь каменную расщелину, оказался на улице далеко за пределами Лувра.

Оружейный зал королевских мушкетеров, в котором должна была проходить презентация, представлял собой просторное помещение примерно в сто квадратных метров, вытянутое в длину. Вдоль стен висели железные светильники, в каждом из которых горело по несколько десятков свечей, а по углам стояли составленные вместе шпаги, алебарды, мушкеты, защитные шлемы и прочие военные доспехи. У дальнего от входа торца зала мы поставили стол, флипчарт, на стену прикрепили логотип нашей компании и здоровенную растяжку с художественно выполненной надписью «Один за всех, и все за одного». Рядом с логотипом разместили штандарт королевских мушкетеров – корона с торчавшими из нее пиками, в окружении лилий. Небольшой пятачок, предназначенный для выступающих, мы огородили несколькими бочонками с вином – д'Артаньян, изучивший брошюру «Как проводить публичную презентацию», сказал, что это самый эффективный способ мотивации присутствующих.

В углу рядом с входом в зал трио итальянских музыкантов негромко наигрывало мелодии и ритмы итальянской эстрады – еще в Москве я скачал в Интернете ноты и тексты песен Челентано и прочих кумиров юности Семеныча. Сам Семеныч стоял на входе, приветствовал каждого входящего и вручал ему флаер с логотипом «Путеводной Звезды», коротким текстом, объясняющим преимущества сотрудничества с нашей компанией, и отрывным купоном для проведения лотереи. Рядом с Семенычем за маленьким столиком сидела Катя и

регистрировала входящих.

К моему удивлению, мушкетеры оказались людьми дисциплинированными и к 6 часам заполнили зал под завязку. Выглядели они очень представительно – все со шпагами и в мушкетерской форме: в коротких лазоревых плащах с серебряными галунами и нашитыми белыми бархатными крестами, золотыми королевскими лилиями и алыми трилистниками. В первом ряду, на специально принесенном в зал резном полукресле, восседал капитан де Тревиль. По правую и левую стороны от него на простых стульях расположились д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис. Сзади на длинных скамейках сидели все остальные.

Я дал знак итальянцам затихнуть, зашел за бочонки с вином и объявил презентацию открытой. – Приветствую доблестных рыцарей – защитников короля и отечества, – с энтузиазмом прокричал я. – Мушкетеры одобрительно загудели – обращение им понравилось.

– Я благодарю вас за то, что вы пришли сегодня в этот зал, – продолжил я. – Для меня большая честь видеть перед собой смелых и мужественных людей во главе с благородным и доблестным капитаном – господином де Тревилем, который откликнулся на наше приглашение и удостоил нас своим присутствием.

Мушкетеры приосанились, и в их глазах я прочел восхищение и уважение к самим себе. Почувствовав, что мне удалось завоевать симпатии зала, я уверенно повел презентацию по намеченному руслу.

В Москве я довольно часто проводил презентации и, по общему мнению лидеров нашей структуры, делал это неплохо. А научился я этому искусству у своего верхнего спонсора Левы Бурцева, который щедро делился с новичками своим богатым многолетним опытом.

Правило первое, оно же и самое главное, учил нас Лева на своих школах, – презентация должна быть короткой. Хуже нет, когда ведущий заливается соловьем, а присутствующие украдкой смотрят на часы и тоскливо думают, когда же эта бодяга кончится. Максимум 30 минут на основное сообщение, затем ответы на вопросы, затем индивидуальные беседы консультантов с приглашенными ими людьми. Поэтому в самом начале презентации объявите слушателям, сколько времени вы намерены ее проводить. И боже вас упаси хотя бы на минуту превысить обещанный лимит. Пообещали, что встреча продлится 30 минут, так вот ровно на 29 минуте смотрите на часы и говорите: «Дорогие друзья, как я и обещал, наша презентация подходит к концу». Это сразу создаст выгодное впечатление о вас как о человеке, который держит свое слово и дорожит временем – своим и чужим.

Правило второе, не менее важное: ваше выступление должно быть четко структурированным. Сил нет слушать иных наших лидеров, которые обрушивают на слушателей поток своего

сознания, в котором перемешано все: факты их биографии, результаты клинических испытаний продукции и проценты комиссионных вознаграждений. Бедных слушателей уносит этим мутным потоком, и они не в состоянии выплыть и принять осознанное решение. Да и сам выступающий уже не помнит, с чего он начал и чем нужно закончить. Поэтому текст презентации должен быть как рекламный ролик: у вас есть проблема (описать) – у нас есть решение (рассказать). И все. Шаг вправо, шаг влево – стреляю без предупреждения.

Правило третье – обалденно важное: выступление должно быть интерактивным – не надо токовать как тетерев, не замечая никого вокруг: беседуйте с публикой в зале, задавайте им вопросы, но при этом не ввязывайся в споры. Если не знаете, что сказать – говорите, что ответите на вопрос в индивидуальном порядке после окончания презентации.

Правило четвертое – суперважное: никакого профессионального сленга. Помните, что перед вами сидят простые люди, не имеющие никакого понятия о бонусах, супервайзерах, расчетных месяцах, спонсорах и прочем. Поэтому излагать надо все предельно простым языком.

И последнее: чаще улыбайтесь и говорите приятные слова людям, которые пришли на презентацию. Причем делайте это искренне – ведь каждый из присутствующих может стать лидером вашей организации и приносить многотысячный доход. Разве это не повод для того, чтобы сразу же полюбить их?

Эти правила я запомнил и использовал во всех своих выступлениях, и они никогда меня не подводили.

– В течение многих веков дворянство служило верной опорой королю и Франции. Но при этом многие из вас не имеют того, чего они заслуживают, – озадачил я присутствующих в зале мушкетеров. – Каждый из вас ежедневно и еженощно рискует жизнью, охраняя покой и обеспечивая безопасность его Величества, а, следовательно, и всего государства французского. Ваша служба и опасна и трудна! Не правда ли? – задал я риторический вопрос, на который, впрочем, тут же получил одобрительные кивки и возгласы из зала. – И на первый взгляд как будто не видна, не так ли?

– «Так, так», – раздалось несколько возгласов.

– Конечно, для благородного дворянина служба королю сама по себе награда и великая честь, но, к сожалению, многие из присутствующих в этом зале не могут удовлетворить даже свои насущные потребности, не говоря уже об осуществлении заветных мечтаний, – я сделал паузу, чтобы дать мушкетерам время осознать сказанное и призадуматься, и продолжил. – На жизненном небосклоне каждого человека есть своя путеводная звезда. Она освещает наш

земной путь и указывает дорогу, по которой нам нужно идти. Вы знаете, что есть люди, про которых говорят: «Они родились под счастливой звездой». У этих людей все в жизни ладится, у них много денег, их любят самые красивые женщины. Но не каждому удастся свою звезду увидеть, ведь темные тучи жизненных обстоятельств часто скрывают ее от наших глаз. И лишенные света счастливой звезды, мы блуждаем по жизни в потемках, не имея того, что по-настоящему заслуживаем. Ведь так? – мушкетеры пригорюнились, и на лицах некоторых появились горькие усмешки. – Но у меня для вас хорошая новость, – ободрил я слушателей, – есть счастливая звезда, которую невозможно не увидеть. Эта звезда такая большая и яркая, что никакие тучи не в состоянии скрыть ее от нас. Эта звезда действительно путеводная и по-настоящему счастливая, и она указывает путь, который может привести вас к счастью и процветанию. Хотите узнать об этом подробнее?

– Хотим, – взревели мушкетеры и затопали ногами.

– Тогда слушайте внимательно, – сказал я, взял фломастер и начал рисовать на флипчарте схему партнерства с компанией «Путеводная Звезда».

– ...и в заключение хочу еще раз подчеркнуть главное, – я кинул взгляд на последние песчинки, падающие на дно песочных часов, стоявших на столике, и с удовольствием отметил, что уложился ровно в 15 минут, – ваш жизненный путь, освещенный нашей «Путеводной Звездой», позволит вам осуществить самые заветные, самые смелые ваши мечты и прожить яркую, полную впечатлений жизнь. Конечно, некоторые из вас могут в это сразу не поверить, мол, так не бывает. Ну что ж, друзья, чтобы развеять эти сомнения, я передам слово вашим товарищам, которые уже воспользовались возможностями, о которых я только что вам рассказал. Я приглашаю на эту импровизированную сцену человека, который не нуждается в подробном представлении. Это благородный дворянин, доблестный и бесстрашный воин, шевалье д'Артаньян. Прошу приветствовать.

Глава 10

Мушкетеры опять затопали сапогами, а некоторые приветственно засвистели.

Д'Артаньян решительно поднялся со стула, подтянул перевязь, закрутил усы, и без того воинственно торчавшие вверх, и шагнул за бочку с вином. Я отошел в сторону, чтобы видеть одновременно и выступающего мушкетера, и реакцию зала. Хотя я и не сомневался в талантах гасконца, но все-таки немного переживал: от его выступления зависело очень многое, в частности, мое будущее президентство. Через месяц после официального открытия компании

мы с Катей должны были подвести итоги, и тот из нас, на чью долю придется большее количество заключенных контрактов, становился президентом «Путеводной Звезды».

В зале стало тихо – мушкетеры с любопытством смотрели на гасконца, ожидая, когда тот начнет говорить, но д'Артаньян медлил, задумчиво глядя куда-то вдаль, поверх голов слушателей. Прошло десять секунд, пятнадцать, двадцать, д'Артаньян все молчал. В зале слышались шорохи и покашливание, наконец, кто-то из присутствующих насмешливо сказал:

– Шарль, просыпайся, смена караула.

В зале засмеялись, а д'Артаньян как будто бы ждал этого сигнала.

– Терпение, – негромко произнес он, – терпение и умение ждать – вот качества настоящего мужчины. Такими словами напутствовал меня мой отец, когда я уезжал из дома.

Друзья, я хочу рассказать вам свою историю: Я родился в Беарне, в знатном, но обедневшем роду д'Артаньянов. Наш род насчитывает более пятисот лет, мои предки по мужской линии участвовали во всех войнах под знаменами французских королей. Своим мужеством и отвагой они снискали славу нашему роду, но, увы, не стяжали богатство. Моему отцу не на что стало содержать наши владения, и он вынужден был продать большую их часть, оставив только маленький клочок земли со старым обветшавшим замком, в котором я появился на свет.

Мое детство и юность прошли в окружении любящих меня родителей и в удручающей бедности. Мы едва сводили концы с концами, и когда мне исполнилось 18 лет, я решил отправиться на поиски счастья в блистательный Париж. Мой отец дал мне своего старого боевого коня, 15 экю на дорогу и доброе напутствие – найти свой шанс в жизни. Не скрою, я отправлялся в Париж, полный честолюбивых планов. И мне повезло: благодаря господину де Тревилю, который проявил обо мне поистине отцовскую заботу (за что я ему бесконечно благодарен), я стал мушкетером и, так же, как мой отец и дед, посвятил свою жизнь королю и Франции.

Нелегка доля мушкетера его Величества: дежурства, на которых я не смыкаю глаз, жалованье, которого едва хватает на скудное пропитание, бедная комнатка в мансарде на улице Могильщиков (кстати, какое многозначительное название). Мне нет необходимости вдаваться в подробности – многие из сидящих здесь в зале прекрасно знают, о чем я говорю, ведь они находятся в точно таком же положении. Но я не ропщу и не жалуясь на судьбу – я высоко ценю плащ и шпагу мушкетера и понимаю, что служба Отечеству принесет мне славу, но материального благополучия я достигну не скоро, на это уйдут долгие годы и даже десятилетия.

Но недаром говорил мне отец на прощанье: «Сынок, в жизни каждого человека есть шанс, главное – иметь терпение, чтобы его дожидаться, и острое зрение, чтобы узнать этот шанс среди тысячи других возможностей».

И, наконец, такой шанс появился. Честно скажу, я не сразу узнал его, и даже вызвал его на дуэль. Вы поняли, о чем я? Да, речь идет о моем друге Алексе. И он принял вызов, хотя, как потом выяснилось, никогда раньше не держал шпагу в руках. И именно тогда я понял, что передо мной – настоящий мужчина. И когда Алекс поведал мне о возможностях сотрудничества с «Путеводной Звездой», я понял, что смогу достичь того, что я хочу, в гораздо более короткие сроки. Если я буду действовать по составленному мной плану, то уже через три года, всего через три года, я вернусь в Гасконь к своему старику отцу и скажу ему: «Отец, ты не зря верил в меня, твой младший сын Шарль оправдал твои ожидания. Вот деньги, чтобы выкупить наши земли. Род д'Артаньянов снова станет богатым! Мы восстановим наш замок и проживем так, как полагается жить благородным дворянам!» И когда-нибудь в будущем мои внуки и правнуки, глядя на мой портрет в каминном зале, будут говорить друг другу: «Это наш знаменитый предок Шарль д'Артаньян, человек, который вернул былое величие нашей семье».

Д'Артаньян взволнованно вздохнул и обвел взглядом притихших мушкетеров.

– Друзья! Многие из вас, слушая мою историю, наверняка подумали: «А ведь как она похожа на мою!». Да, здесь собрались люди, которым приходится всего добиваться с чистого листа. За нашими спинами нет несметных богатств, знатных родителей, ленных владений и высоких титулов. Но у нас есть другое: острый ум, страстное желание и готовность действовать. И поэтому, – д'Артаньян сделал паузу, заглянул в лежавший перед ним блокнот и с энтузиазмом продолжил, – как говорил известный московский сетевик Мичурин, «мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

«Во дает, – искренне, уже в который раз, восхитился я, – как он ловко ввернул цитату, которую услышал от меня вчера вечером. Мичурин, правда, сетевиком не был, но все равно удачно получилось».

– Друзья, – патетически перешел к завершению своей речи д'Артаньян, – мы с вами сражались бок о бок во многих сражениях, и вы знаете, что я никогда не страшился взглянуть в лицо опасности. Я всегда первым шел в атаку, и сейчас я готов снова пойти в бой вместе с вами. Но сейчас мы будем сражаться ЗА наши мечты, ЗА наше будущее. И поможет нам в этом наш девиз, – гасконец указал на растяжку на стене. – «Один за всех, и все за одного». Все вместе и под руководством нашего храброго капитана мы обязательно победим. Ура!

– Ура-а-а-а! – дружно отозвались мушкетеры, громко засвистели и затопали ногами.

Довольный д'Артаньян подмигнул мне и отправился на свое место, а на сцену, дождавшись, пока стихнут причитающиеся гасконцу аплодисменты, вышел благоухающий парфюмом Арамис.

– Господа, – печальным голосом начал Арамис, – думаю, все вы знаете, что я давно собирался покинуть ваши ряды и сменить плащ мушкетера на сутану служителя божьего!

– Знаем, – насмешливо отозвался кто-то из зала, – уже который год собираешься.

– Да, вы правы, – согласился Арамис, – но знаете ли вы, почему я так долго колебался и никак не мог принять окончательного решения?

– Да потому что никак не можешь решить, в какой монастырь идти – мужской или женский, – ответил тот же голос.

Мушкетеры дружно заржали, но и это не смутило Арамиса.

– Да, проблема выбора всегда стояла передо мной, – смиренно признался он, – но совсем не того свойства, о котором вы говорите. Просто я искал Братство, дух которого наилучшим образом подходил бы мне, и поиск этот занял немало времени, но, наконец, увенчался успехом.

Братство Сетевиков «Путеводная Звезда», в которое я недавно вступил, дало мне возможность заниматься богоугодным делом, не становясь при этом служителем церкви. Ведь что лежит в основе той деятельности, которой занимаются сетевики? Простая истина: помоги ближнему своему, и тем самым ты поможешь себе. Помогите тому, кто нуждается, обратись к нему со словом, научи его и поддержи. Ведь слово, с которым мы обращаемся к другим людям, вовлекая их в наше Братство Сетевиков, коренным образом может изменить их жизнь. Члены Братства Сетевиков – это сеятели, которые бросают семена в почву и ожидают всходов. Вспомните знаменитую притчу: «Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его. Иное упало на места каменистые, где немного было влаги, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, оно увяло, и, так как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».

Вот так же и сетевики ищут добрых людей, чтобы сказать им свое слово. Не буду скрывать, нам предстоит нелегкая задача. Ведь нам будут встречаться люди нравственно огрубевшие, которых не взволнуют наши слова, они не проникнут в их сердца. Будут встречаться нам и люди непостоянные в своем настроении, у которых добрые порывы так же неглубоки, как

тонкий слой земли, покрывающий поверхность скалы. Такие люди, если и интересуются в какой-то момент своей жизни вашим предложением, но все равно не способны ради него жертвовать своими интересами, изменить привычный образ жизни.

Иные люди, как каменистая почва, при первых же неудачах упадут духом и уйдут из Братства. А будут и такие, кто стремится исключительно к наживе, любящие исключительно удовольствия. Житейская суета, погоня за призрачными благами, как сорная трава, заглушает в них все доброе и святое.

Но встретятся нам и люди с чутким к добру сердцем, готовые изменить свою жизнь. Такие люди уподоблены плодородной земле. Они, услышав ваше слово, твердо решат следовать ему и принесут плод добрых дел, кто в сто, кто в шестьдесят, кто в тридцать крат, каждый – в зависимости от своих сил и усердия. И плоды эти будем вкушать и мы – сеятели, ведь это благодаря нашему слову, вовремя сказанному, земля начала плодоносить.

Закончить свою речь я хочу словами Господа нашего: «Qui aures habet, audiat – Имеющий уши, да услышит».

«Надо же, – с удивлением подумал я, показывая Арамису большой палец, – как четко он уловил гуманистические идеи нашего бизнеса! Ай да Арамис, ай да молодец».

Арамис, вдохновленный моим одобрительным жестом, порывался было развить свое выступление, но другим выразительным движением я показал ему, что три минуты, отведенные ему, истекли. Арамис недовольно поморщился, и, блеснув напоследок длиннющей цитатой на латыни, с достоинством покинул сцену.

Его сменил, как и было обговорено, Портос.

– Я человек простой, и в латыни не силен, в отличие от некоторых, – с ехидством глядя на Арамиса, начал свое выступление Портос, – поэтому и скажу по-простому. Когда д'Артаньян рассказал мне про «Путеводную Звезду», то поначалу я не очень заинтересовался. Да, в «Звезде» можно реально заработать денег, но, честно говоря, я не особенно нуждаюсь в средствах, ведь всегда найдутся женщины, готовые вознаградить меня за те блаженные минуты удовольствия, которые они испытывают в моем обществе. Не буду перечислять их всех, чтобы не отнимать у вас слишком много драгоценного времени, упомяну лишь герцогиню де ..., впрочем, вы же понимаете, что я не могу назвать ее имени.

– Да ее и так все знают, – насмешливо начал было Жюрдэн, но Портос бросил на него свирепый взгляд, и тот, поперхнувшись, замолк.

– Так вот, господа, – продолжил Портос, – меня привлекли в «Путеводной звезде» отнюдь не деньги. Дело в том, что существует одно огорчительное обстоятельство, которое не дает мне

возможности в полной мере насладиться своим положением.

Я отличаюсь красотой, силой и представительной внешностью, благодаря чему женщины, безусловно, предпочитают меня всем иным своим кавалерам. Но при этом все кавалеры, которые увиваются вокруг моих возлюбленных дам, имеют титулы и считают себя потомками Карла Великого или, по меньшей мере, Гуго Капета. А я, хоть и являюсь дворянином, но не принадлежу к исторической знати и вынужден уступать этим людям, которые все графы и виконты. В церкви, на званых обедах и на всех остальных церемониях они пользуются преимуществами передо мной, и я ничего с этим не могу поделать.

А в соответствие с планом «Путеводной звезды», я уже через пару лет прибавлю к моему имени знатный титул и стану бароном. И получу право поместить корону на дверцы моей кареты, которая к тому времени у меня обязательно будет. Согласитесь, господа, что такой возможности нам не представится больше нигде. Вы только задумайтесь: каждый из вас, приложив определенные усилия, может встать в один ряд с графами, баронами, и, кто знает, может быть, даже принцами!

Я бросил взгляд в зал – на лицах присутствующих появилось мечтательно-недоверчивое выражение лица.

– Ну, а кроме того, в «Путеводной Звезде» действительно прекрасная продукция, – пошел на понижение тона Портос. – Взять хотя бы мазь для заживления ран, этот, как его, «Антишпагин». На прошлой неделе у меня возникла некоторая... э-э-э... конфликтная ситуация с двумя гвардейцами кардинала. К сожалению, я не мог драться с ними на шпагах, так как эдиктом Его Величества дуэли запрещены, поэтому мне пришлось убеждать их в своей правоте с помощью других тяжелых аргументов.

Не хвастаясь, скажу, что мне легко удалось переубедить своих оппонентов, но один из гвардейцев, перед тем как уйти в мир иной, неловко взмахнул своей шпагой, слегка поцарапал мне ногу, и рана начала нарываться. И тогда я наложил на нее повязку с «Антишпагином». И что вы думаете? Не прошло и суток, как рана затянулась, и сейчас от нее остался лишь небольшой шрам. Хотите, покажу? – поинтересовался Портос, задирая штанину.

– Не надо, – дружно запротестовали мушкетеры, – мы тебе и так верим.

– Короче, ребята, – закруглился Портос, заметив мой призывающий жест, – в «Путеводной Звезде» есть возможность получить знатный титул да вдобавок подзаработать денег. И я вам так скажу: только глупец не воспользуется такими возможностями. А нас с д'Артаньяном дураками не назовешь. Так что, ребята, айда за нами!

«Прав был Лева Бурцев, – подумал я, когда Портос уходил со сцены под оглушительные

аплодисменты, – будь проще, и народ к тебе потянется. Так, пока все идет по плану, следующим выступает Атос, затем снова я, потом лотерея. И по времени хорошо укладываемся, молодцы».

Атос уже стоял на сцене, благородный и величественный, как принц крови, которого всегда можно узнать даже без короны на дверях кареты. Выражение грусти, которое почти всегда было на его лице, сейчас сменилось оживлением.

– Друзья мои, – негромко начал он, – здесь много говорилось о тех непростых жизненных ситуациях, в которых каждый из нас оказался в результате цепочки выборов, которые мы делали на том или ином этапе нашей жизни. Лично я долгое время блуждал по жизни в потемках, совершил множество ошибок и в последние годы никак не мог ответить себе на вопрос: а для чего я живу? Для чего я ношу этот плащ и шпагу, хожу в караулы, сражаюсь, ем, пью?

И когда эти два молодых человека (Атос жестом указал на нас с д'Артаньяном) предложили мне благородное дело по воспитанию молодого поколения дворян, я увидел в этом предложении возможность заняться тем, что придаст моей жизни новый смысл.

Я убежден в том, что главная задача человека – стать тем, кем он является потенциально, то есть прожить действительно СВОЮ жизнь. И я готов неустанно помогать людям, которые еще не определились в своем жизненном пути, сделать правильный выбор, который наполнит смыслом их существование. Я не буду долго говорить; кто понял, что я сказал, хорошо. Кто не понял, поймет позже. Кто верит мне, я приглашаю идти вместе со мной туда, куда указывает «Путеводная звезда».

Атос слегка поклонился и с достоинством прошел на свое место.

«Да, – с завистью подумал я, – вот она, харизма, вроде бы Атос ничего такого особенного не сказал, а хочется встать и идти за ним».

Я снова вышел на сцену, чтобы повести презентацию к логическому завершению, но в это время со своего кресла поднялся капитан де Тревиль.

– Дай-ка и мне сказать пару слов, сынок, – произнес он с отеческими интонациями американского шерифа, – и обернулся лицом к залу.

– Я буду краток, – сказал де Тревиль. – Все, о чем здесь говорилось, я одобряю. Дело это хорошее. Давно пора было положить конец вашим пьянкам-гулянкам. Мне надоело выслушивать от кардинала Ришелье истории о том, как мои мушкетеры шатаются по подозрительным местам, затевают драки на улицах и пускают в ход шпаги в темных переулках. Да к тому же Его Высокопреосвященство регулярно докладывает его Величеству

о ваших «шалостях», так что мне стыдно уж и в глаза королю смотреть.

Да, согласен, доля вам всем выпала непростая, да и то сказать, от хорошей-то жизни в солдаты не идут. Почти все вы здесь – из обедневших дворянских семей, и вариантов у вас в жизни было немного. И то, что д'Артаньян говорил про службу и заработки, – тоже верно, служба тяжелая, а жалование маленькое. Я вот сам двадцать лет ляжку тянул, пока до капитана дослужился.

Да только я вам так скажу, ребята. То, что вы не родились в семье принца Бурбонского, еще не означает, что вы никогда не сможете жить как принцы. Сможете! Надо только поставить себе цель и постараться самостоятельно достичь того, что вам не дано было при рождении.

Но для этого надо работать над собой, а не по кабакам шляться в свободное от караулов время, – снова вернулся к любимой теме де Тревиля. А то – стыдно сказать – многие из вас даже читать толком не умеют. А еще в Париже живете – в самом очаге европейской культуры. Поэтому – с завтрашнего дня чтобы все начали посещать школы по бизнесу и, как его там, личностному росту, пусть вас уму-разуму научат.

И еще: когда ко мне на аудиенцию приходите, обязательно чтоб пользовались дезодорантом, лучше всего «Ландышевым». А то у меня после ваших аудиенций в кабинете как в полковой конюшне, прости Господи, никого не хотел обидеть.

Вот что я хотел сказать, – повернулся капитан ко мне, – прошу прощения, что вмешался в ход событий.

– Наоборот, капитан, – радостно сказал я, – ваши слова как нельзя кстати. Да здравствует господин де Тревиль! Ура нашему капитану, – призвал я сидящих в зале.

– Ура-а-а! – с удовольствием закричали мушкетеры.

– Ну что ж, дорогие друзья! – помахал я руками, призывая к тишине. – Наша встреча подходит к концу. Я еще раз хочу поблагодарить вас за то, что вы оказали нам честь и пришли сюда. Теперь о том, что нужно сделать дальше. Вступительный взнос в компанию «Путеводная звезда» составляет 10 экю. За эти деньги вы получаете, во-первых, право начать деятельность в компании, а во-вторых, вот этот стартовый набор, в котором находится дезодорант, шампунь, гель для тела, каталог продукции и прайс-лист, бланк соглашения с компанией и маркетинг-план. Сделать вступительный взнос можно прямо сейчас после завершения нашей встречи или же завтра в гостинице «Голодная кошка» с 11 утра и до обеда.

А теперь мы проведем еще одну приятную процедуру, которая называется лотерея. Посмотрите внимательно на листочки, которые вы получили на входе. В правом нижнем углу листка написаны цифры. Сейчас я попрошу у д'Артаньяна его шляпу и положу в нее вот эти

пластинки, на которых, как вы видите, тоже есть цифры. А затем попрошу присутствующую здесь прекрасную даму (я показал на Катерину) вытянуть счастливые номера.

Мушкетеры оживленно начали разглядывать цифры на флаерах, д'Артаньян снял свою шляпу, высыпал в нее фишки от лото, которое мы привезли из Москвы, и галантно пригласил Катю на сцену.

– Выиграли номера 7, 18 и 49, – объявила Катя, по очереди извлекая фишки из шляпы. – Победителей лотереи прошу выйти сюда и получить призы: мужской одеколон «Неотразимый красавец», баночку обезболивающего геля «Антишпагин» и книгу Александра Синамати «Алгоритм действий консультанта сетевой компании» на французском языке и с автографом автора. Прошу поаплодировать победителям!

– И, наконец, сюрприз, – закричал д'Артаньян, после того как победители лотереи вернулись на свои места, – в честь официального открытия компании «Путеводная Звезда» мы, ваши сеньоры, решили угостить всех присутствующих бокалом прекрасного бургундского вина.

Это предложение было встречено одобрительным ревом, появившийся в зале Жюль выбил затычку из бочонка с вином, и две служанки из его гостиницы принялись разливать его в бокалы под звуки страстно исполняемой итальянскими музыкантами «Ла ша те ми кантаре».

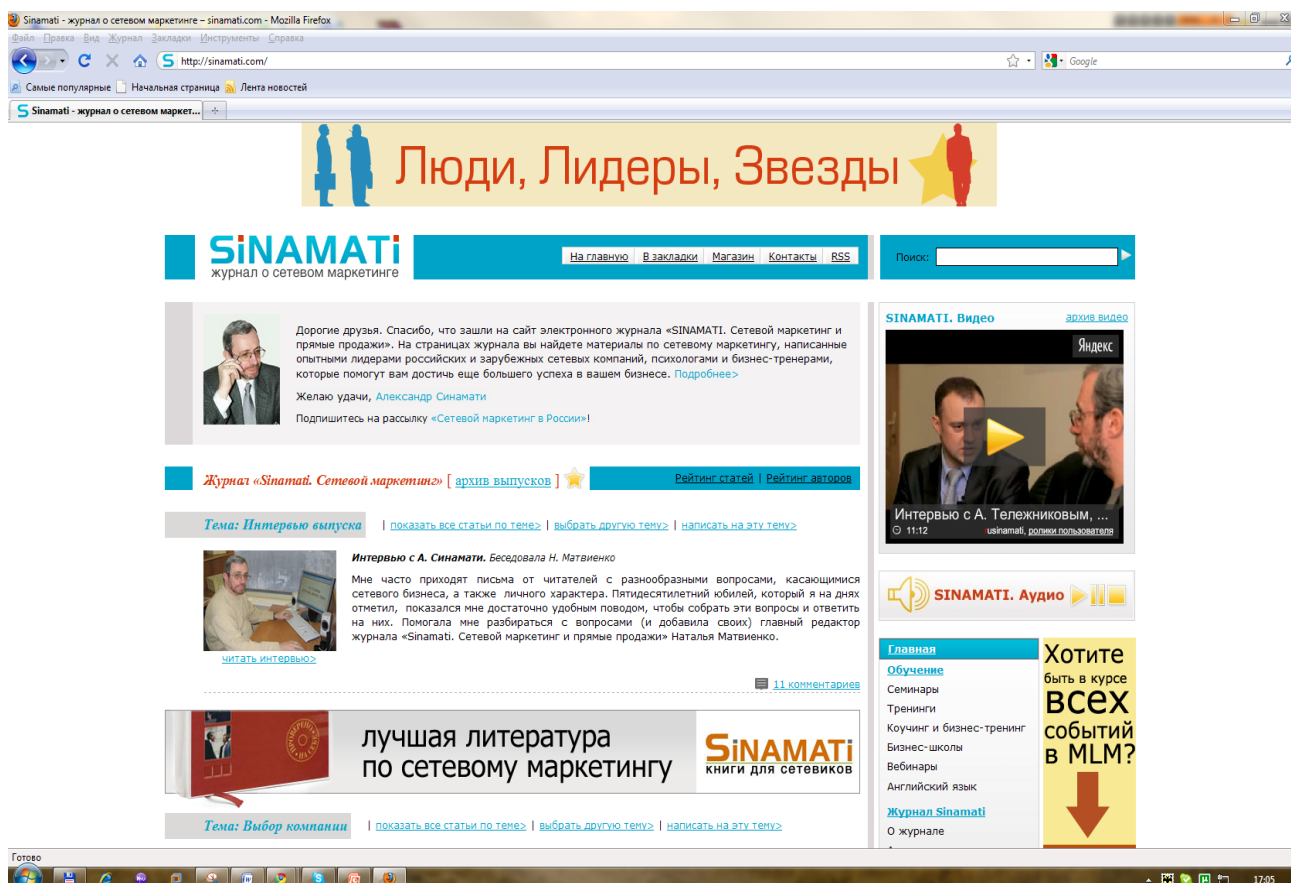
Я залпом выпил протянутый мне бокал и поспешил на улицу – весь мокрый от пота, но счастливый. Подумать только: моя фантастическая идея, появившаяся всего несколько месяцев тому назад, осуществилась, и в средневековом Париже начала работу первая в истории человечества сетевая компания. Офигеть!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

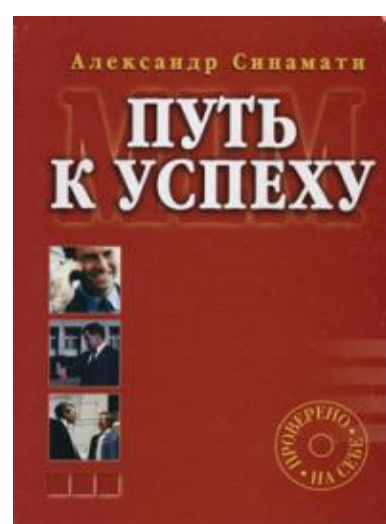
Следующие главы романа читайте в электронном журнале

Sinamati. Сетевой маркетинг и прямые продажи» на

www.sinamati.com

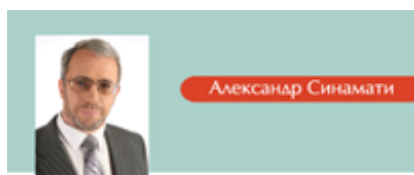
Книги А. Синамати на www.sinamati.ru

ВИДЕОСЕМИНАРЫ А.Синамати www.sinamati.ru

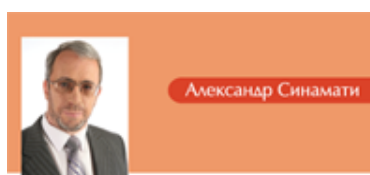

Приглашение в бизнес

Алгоритм проведения информационной встречи

Видеосеминар

SINAMATI

Коучинг в сетевом маркетинге

Видеосеминар

SINAMATI

ЖУРНАЛЫ А. Синамати www.sinamati.ru

